

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 04 (95)

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2013

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Забайкальский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
17.04.2012, регистрационный номер
ПИ № ФС 77-49419

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

С 1997 г. журнал включен в базу данных
ВИНИТИ РАН

С 2013 г. журнал включен в каталог
периодических изданий Ulrich's Periodicals
Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ»
можно оформить в любом почтовом отделе-
нии. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»
www.arpk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 397 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.zabgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии. Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александровская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Иванов С.А.** – гл. редактор, канд. техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, профессор;
Рыжкова А.А. – литературный редактор;
Петрова И.В. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), Т.Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), Мошкина З.В., д-р истор. наук, профессор (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), К.К. Шебеко, д-р экон. наук, профессор (Пинск, Беларусь), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЗабГУ.

Вестник Забайкальского государственного университета (Вестник ЗабГУ) № 04 (95). – Чита: ЗабГУ, 2013. – 154 с.
Transbaikal State University Journal. № 04 (95). – Transbaikal St. Univ. Pr. 2013.

© Забайкальский государственный университет, 2013

Исторические науки

УДК. 551.21

*Юргенсон Георгий
Александрович
Georgiy Yurgenson*

*Мороз Павел
Валерьевич
Pavel Moroz*

*Мороз Альбина
Юрьевна
Albina Moroz*

ПОЗДНЕМЕЗОЗОЙСКИЕ ПАЛЕОВУЛКАНЫ КАК ФАКТОР МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ МАСТЕРСКИХ В ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

THE LATE MESOZOIC PALEOVOLCANES AS A FACTOR OF WORKSHOPS LOCATION IN THE PALEOLITHIC OF TRANSBAIKALIE

Статья посвящена новому развиваемому авторами направлению в петроархеологии – технологической археоминерации: связи между сырьём, технологиями его обработки, применявшимся древними обитателями Забайкалья, и палеовулканами как его источниками. Благодаря ориентации на конкретные сырьевые источники (палеовулканы с выходами камнесамоцветного сырья, проявления окремненных вулканических горных пород), в короткие сроки и с минимальными усилиями удалось найти весьма информативные объекты каменного века. К ним относятся памятники на палеовулкане Дунда-Ага в бассейне р. Хойто-Ага, в поле развития палеовулканов северного побережья Торейских озер и падей Шивычи в Кыринском районе Забайкальского края. Сделан вывод о том, что возможны находки новых мастерских и многослойных археологических памятников в северном обрамлении Торейских озер и в Приаргунье в связи с развитыми здесь вулканогенными образованиями. Это позволит выйти на новый уровень понимания значения сырьевого фактора в жизни древних коллективов

The article is devoted to a new direction in petroarcheology developed by the authors – the technological archeominerageny. This direction considers the relationship between raw materials and flaking technologies, those used by the ancient inhabitants of the Transbaikalie, and paleovolcanoes as raw materials sources. By focusing on the specific sources of raw materials (paleovolcano in yields gems of raw materials, the manifestations of silicified volcanic rocks) in a short time and with minimal effort found informative objects of the Stone Age. These include sites on paleovolcanoes Dunda Agha in the basin of Hoyto Agha River. In the field of development of paleovolcanoes in the northern coast of Torei lakes and canyons in Shivychi by Kyrinsky district of TransBaikal region. It is concluded that this findings may be new workshops and multilayer archaeological sites in the northern framed of Torey Lakes and Argun River Area due to volcanic formations developed here. This will enable a new level of understanding about the raw materials factor in the life of ancient communities

Ключевые слова: палеовулкан, палеолит, мастерская, археологический памятник, петроархеология, халцедон, яшма, кремь, Забайкалье

Key words: paleovolcane, Paleolithic, workshop, archeological site, petroarcheology, chalcedony, jasper, flint, Transbaikalie

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00024

В настоящее время известно, что важнейшим материалом для производства каменных орудий в поздней поре верхнего и финальном палеолите Забайкалья являлись три наиболее распространенные разновидности скрытокристаллических и тонокозернистых разновидностей агрегатов индивидов кварца: кремь, халцедон и яшма. Все они обладают оптимальными петрофизическими свойствами для расщепления, что позволяет получать из них высококачественные орудия. В европейской части Евразийского континента, где широко развиты стяжения кремней в верхнемезозойских мелководных карбонатных породах, наибольшим спросом пользовался кремь. Наряду с ним использовался и халцедон, развитый в вулканогенных образованиях на территории современной Германии (например, Идар-Оберштейн), Богемии, Румынии. Сравнительный анализ состава и свойств кремней Русской равнины и Украины, проведенный авторами [14], выявил типохимические свойства кремней таких памятников как Костенки, Валуйки и других, и позволил высказать обоснованные предположения о их происхождении. Известно, что источниками сырья для индустрий древних поселений Кавказа были вулканические постройки. Здесь использовались высокотехнологичные обсидианы, халцедоны и фельзиты.

Факторы размещения мастерских на территории Забайкалья

Наиболее известные мастерские каменного века в Забайкальском крае расположены непосредственно в черте г. Чита, на склонах палеовулкана, больше известного как Титовская сопка. Они связаны с именем академика А.П. Окладникова; 19 сентября 1950 г. он прочитал лекцию в сте-

множество всемирно известных стоянок древнего человека находится в вулканических областях. Как правило, эти памятники располагаются не по одному, а так называемыми «гнездами» [2] по несколько объектов. Это почти все памятники на Камчатке, в Японии, Новой Зеландии, Индонезии, на Филиппинах и других островных территориях, имеющих вулканическое происхождение. Ярчайшим примером приуроченности поселений и мастерских к палеовулканам является известная всем специалистам-археологам индустрия «юбetsу» в Японии, насчитывающая более 2 000 000 артефактов [16]. В непосредственной близости от долины реки, в которой сосредоточены основные памятники, расположены мощные выходы обсидиана, обеспечивавшие обитателей памятников сырьем для производства орудий. Близкая ситуация в плане размещения сырья отмечается и для территории юго-западной Франции [15].

Учитывая важное значение сырьевого фактора для развития древнего общества, в археологии каменного века всё большую роль начинает играть петроархеология — направление, углубленно изучающее взаимосвязь сырья и технологии [8]. Авторами на базе забайкальских памятников каменного века в рамках петроархеологического подхода разрабатывается новое научное направление, получившее название «Технологическая археоминерация» [13].

нах исторического факультета Читинского педагогического института и, осмотрев склоны Титовской сопки, открыл стоянку с подъемным материалом (М.В. Константинов, устное сообщение), а в 1952 г. — первую мастерскую. В 1958 и 1965 гг. на этом объекте проводились раскопки, в том числе

с участием известного петербургского археолога С.Н. Астахова. К исследованию этого уникального объекта имеют отношение и забайкальские археологи, прежде всего И.И. Кириллов, проводивший раскопки на мастерской в 1969 г. Всего на Титовской сопке известны три мастерские каменного века [9], последняя из которых открыта в 1977 г. А.И. Лыцусем.

Примечательно место расположения мастерских. Традиционно подобные памятники располагаются вблизи или непосредственно на выходах того или иного каменного сырья, которое обладает заданным набором петрофизических свойств, необходимых для расщепления с целью изготовления каменных орудий.

Особенностью вулканических горных пород, слагающих Титовскую сопку, является полное отсутствие их миндалекаменных разностей, являющихся источниками трёх названных наиболее важных видов сырья: халцедона, кремней и яшм. Это обусловлено специфическим петрохимическим составом лав, сформировавших палеовулкан. Лавы явно недосыщены кремнеземом, главным компонентом этих трех камней. Титовский палеовулкан сложен переслаивающимися лавами, пересыщенными щелочными элементами (калием и натрием): андезибазальтами, андезитами, андезидацитами, дацитами и трахитами. Вулкан значительно эродирован. Его верхняя часть, судя по находкам в аллювиальных отложениях р. Ингода галек халцедона и яшм, содержала миндалекаменные эффузивы.

Об интенсивной эродированности широко распространенных в окрестностях Читы миндалекаменных пород однозначно свидетельствуют также находки фрагментов халцедоновых миндалин на поверхности Батарейной сопки, сложенной гранитами.

Поскольку ко времени появления человека на террасе Ингоды и склонах палеовулкана верхние его части были уже эродированы, он довольствовался сырьем, которое ему удавалось найти среди аллювия и на склонах вулкана среди слагающих его горных пород. Массивные, плотные андезидациты оказались достаточно техно-

логичными и на их выходах были основаны мастерские для его добычи и обработки.

Вероятно, причиной длительного пребывания человека на живописных склонах Титовского палеовулкана явилось не только вполне пригодное, но и являющееся в достаточном количестве минеральное сырье. Не менее важным фактором была рыбная горная река с чистой водой. Роль водного фактора для прогноза и поисков стоянок древнего человека рассмотрена в работе Ф.И. Еникеева [4], который выявил его в процессе гидрогеологической съемки территории Южной Якутии и Восточного Забайкалья.

В пределах Забайкалья наиболее перспективными источниками каменного сырья, вероятно, являлись:

- а) россыпи халцедона и яшм на выходах миндалекаменных вулканогенных горных пород;
- б) речные галечники, которые представляли сырьё в отпрепарированном виде;
- в) палеовулканы.

Именно с последними и связаны наиболее показательные мастерские.

Учитывая специфическую сырьевую ориентацию обитателей каменного века Забайкалья [6, 13], со времени 18...20 тыс. л. н. для человека наибольший интерес представляли халцедон, кремль и яшма, генетически связанные с мезозойским вулканизмом.

Территории распространения палеовулканов имеют чёткие связи с зонами рифтогенного вулканизма, сопровождавшего формирование протяженных впадин забайкальского типа, являющихся главными вместилищами крупнейших речных артерий региона. Ингода, Онон, Нерча, Аргунь трассируют соответствующие зоны тектонической активности и со своими притоками образуют верхнюю часть бассейна Амура. Хилок, Чикой и Уда, являясь правыми притоками Селенги, питают Байкал. Мезозойский вулканизм наиболее интенсивен в приразломных ареалах вулканической деятельности, в зонах заложения водных артерий Верхнего Приамурья. Здесь же он четко проявлен в формах рельефа,

что играло важную роль в выборе мест обитания древнего человека.

В процессе геолого-съёмочных работ геологами обнаружено довольно много подъемного материала в полях развития вулканических построек в долинах Онона, Ингоды, Аргуни и их притоков, а также по берегам Торейских озер и прилегающих территорий [11, 12]. Из этих фактов закономерно вытекает возможность поиска археологических памятников и, прежде всего, мастерских каменного века.

Новые находки мастерских и стоянок палеолита

До недавнего времени вопрос поисков мастерских каменного века системно не решался. Более того, мастерским — одному из важнейших типов археологических памятников — в литературе традиционно уделялось мало внимания. Подобное состояние дел объясняется, вероятно, не отсутствием этих объектов как таковых, а неоправданно малым интересом археологов к данному типу памятников.

Исторически на территории Забайкальского края сформировалось несколько провинций, содержащих скопления стратифицированных памятников и местонахождений подъемного материала эпохи палеолита и более позднего времени, представляющего собой продукты обработки вулканических горных пород.

Примечательны места размещения мастерских. Традиционно подобные памятники располагаются вблизи или непосредственно на выходах того или иного каменного сырья, которое обладает заданным набором петрофизических свойств, необходимых для расщепления. Во время изучения палеовулканов как источников агат-халцедонового сырья в 1992-1994 гг. одним из авторов [12] обнаружены артефакты и орудия из халцедона, яшм и кремней в районах развития вулканических построек в Кыринском (Шивычи) и Агинском (Дунда-Ага, терраса р. Хойто-Ага, окрестности с. Сахюрта) районах Забайкальского края (рис. 1).

На рис. 2 показано распределение в пространстве фрагментов вулканических

Анализ минералого-петрографического состава артефактов показывает, что человек каменного века ориентировался в пространстве и обнаруживал палеовулканы с каменным сырьём по соседству с водой и другими природными ресурсами. Здесь он и устраивал мастерские его переработки. Следовательно, мезозойские палеовулканы являются потенциальным репером для поиска мастерских поздней поры верхнего — финального палеолита.

построек палеовулкана Дунда-Ага, где обнаружена мастерская. Здесь развиты миндалины массивного серо-дымчатого халцедона и переходные разности от халцедона к скрытокристаллическому кремню, представляющему наиболее технологичное сырьё (рис. 3). Халцедоновые миндалины достигали 28 см в диаметре.

В районе с. Сахюрта исследовано две площади выхода фрагментов палеовулкана на дневную поверхность, выделяющихся в рельефе в виде возвышенностей (рис. 2, участки 2 и 3). На склонах каждой из них найдены каменные артефакты различного возраста, выполненные из кремней, халцедонов, яшм и в единичных случаях — эффузивов.

Наиболее интересна мастерская на участке 2, ранее не описанная в литературе. Основным материалом для расщепления здесь служили яшма и кремень, которые в больших количествах залегают на поверхности эродированных андезитов, содержащих включения литофиз и жилообразных тел яшм и кремней.

У подножия палеовулкана в урочище Делюн (участок 1) при осмотре террасовидного уступа собран представительный подъёмный материал, включающий нуклеусы, орудия, выполненные на отщепях и пластинках (рис. 4), а также значительное количество отщепов и сколов без вторичной обработки. В пройденных в 1992 г. в борту террасовидного уступа с целью изучения камнесамоцветного сырья траншее (рис.

5) и шурфе выявлено как минимум три уровня залегания артефактов, выполненных, как и в случае подъёмных сборов, из

кремня, халцедона и яшмы (рис. 6). Нижний из них, бесспорно, относится ко времени палеолита.

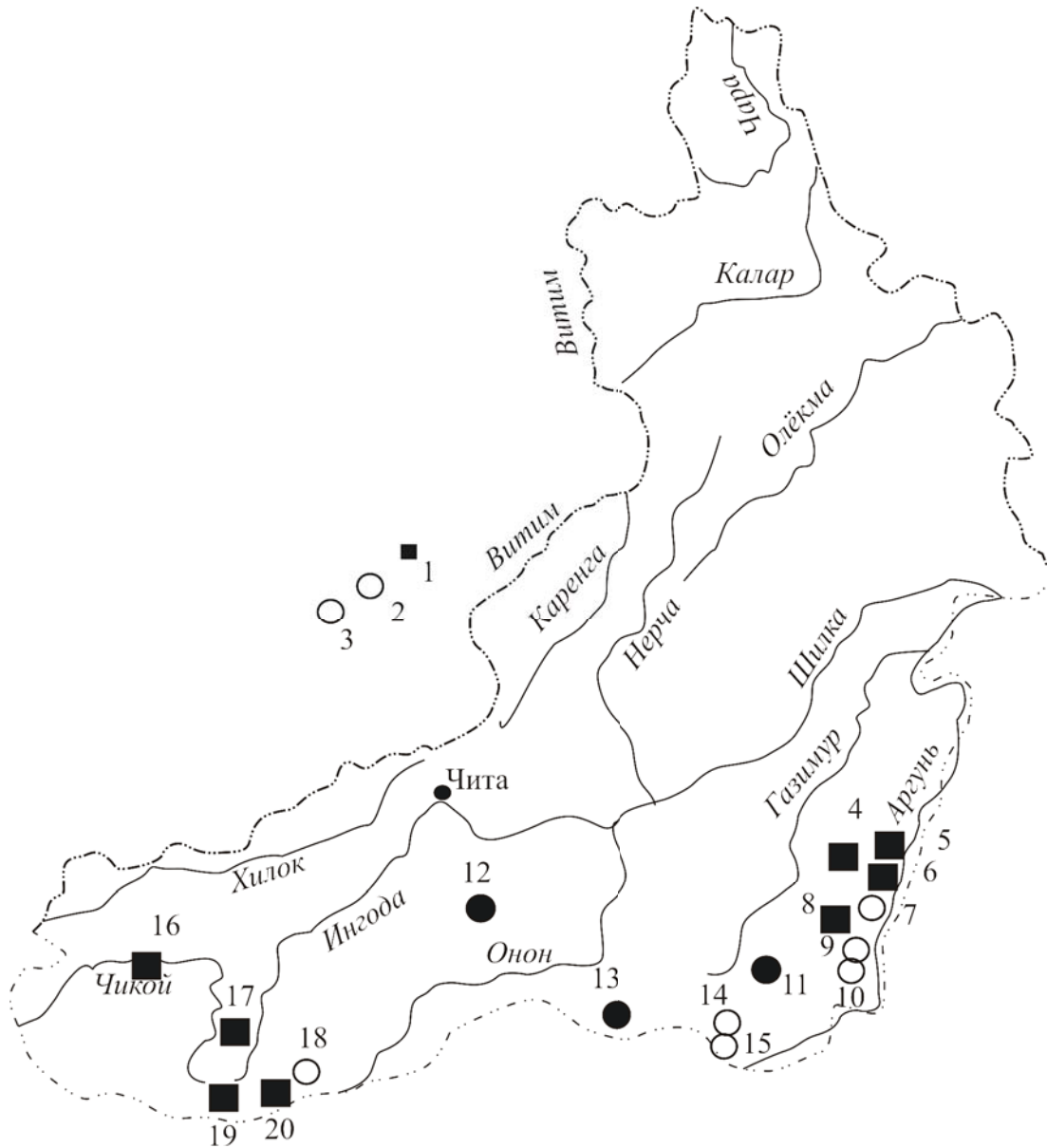

Рис. 1. Месторождения и проявления каменного сырья для поисков мастерских эпохи палеолита:

○ – халцедон, ■ – яшма, ● – халцедон, кремль и яшма

Цифрами обозначены месторождения и проявления каменного сырья:
 1 – Гундуйское; 2 – Тулдунское; 3 – Хара-Шибирское; 4 – Дучарское;
 5 – Яшмовая Гора; 6 – Горбуновское; 7 – Средне-Борзинское (халцедон);
 8 – Средне-Борзинское (яшма); 9 – Агатная Сопка; 10 – Зарголское;
 11 – Мулина Гора; 12 – проявления бассейна Хойто-Аги; 13 – Торейские озёра;
 14 – Билютуйское; 15 – Нагаданское; 16 – Ивановское; 17 – Верхне-Ингодинское;
 18 – Шивычинское; 19 – Сохондинское; 20 – Кыринское

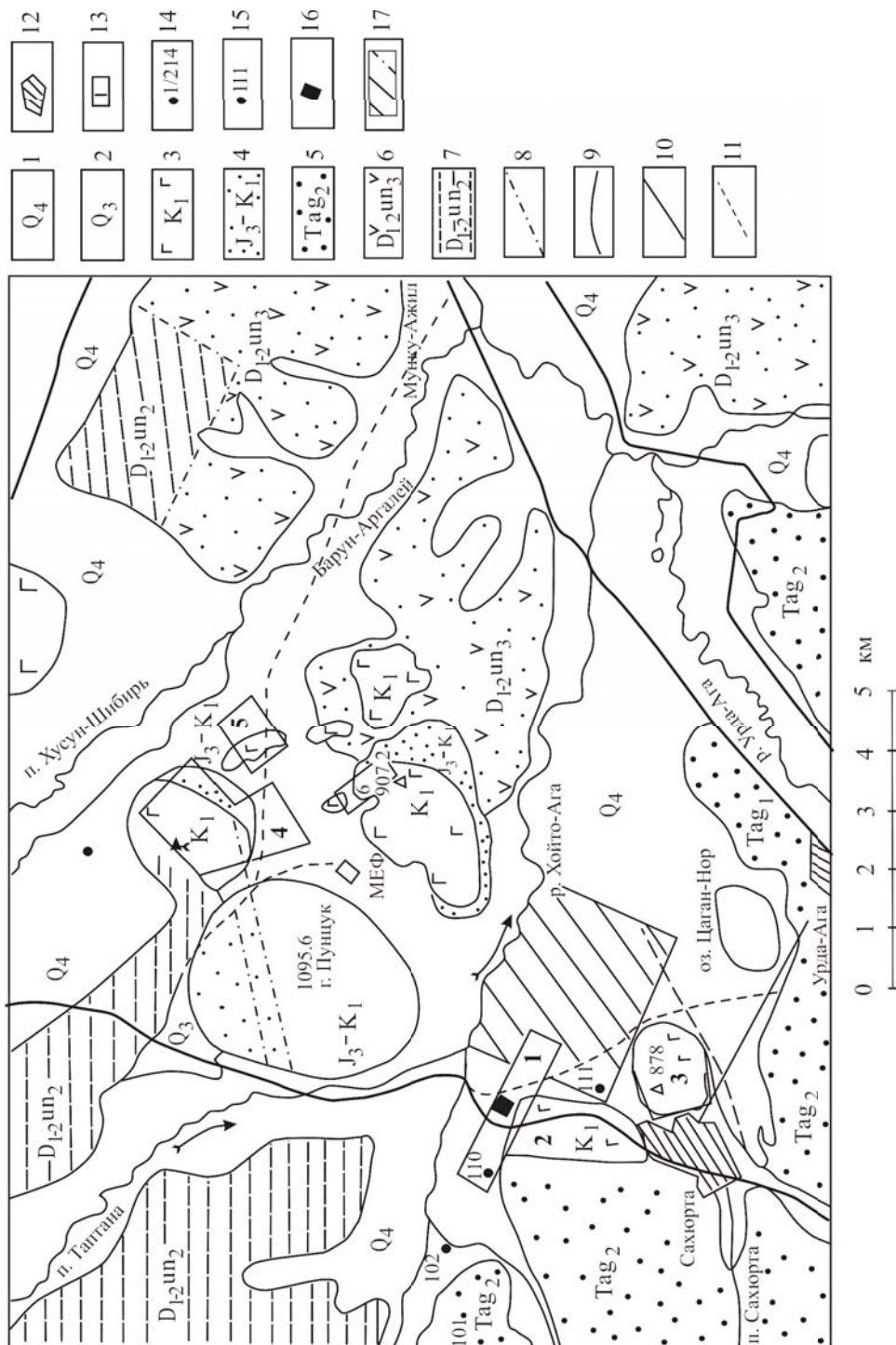

Рис. 2. Схема геологического строения междуречья Урда-Аги и Барун-Аргалея с участками детальных работ на проявлениях ювелирно-поделочного сырья [12]:

- 1 – рыхлые верхнечетвертичные отложения (Q₄); 2 – отложения террас (Q₃); 3 – нижнемеловые базальты, габбро-базальты, долериты (K₁); 4 – терригенные нерасчлененные отложения верхней юры и нижней мелы (J₃ – K₁); 5 – песчанико-сланцевые отложения агинской свиты (Tag₂); 6-7 – ундургинская свита, песчаники, сланцы, порфириты (D_{12un2}, D_{12un3}); 8 – тектонические нарушения; 9 – геологические границы; 10 – автодороги; 11 – проселочные дороги; 12 – населенные пункты; 13 – участки работ, проявления; 1 – Террасовое (Делон), 2 – Марьино, 3 – Дунда-Агинское, 4 – Аргалейское, 5 – Барун-Аргалейское, 6 – Придорожное; 14 – места отбора проб и их номера; 15 – точки наблюдения в маршрутах; 16 – участок детальных работ с погребенными артефактами; 17 – площадь возможных россыпей яшм и артефактов

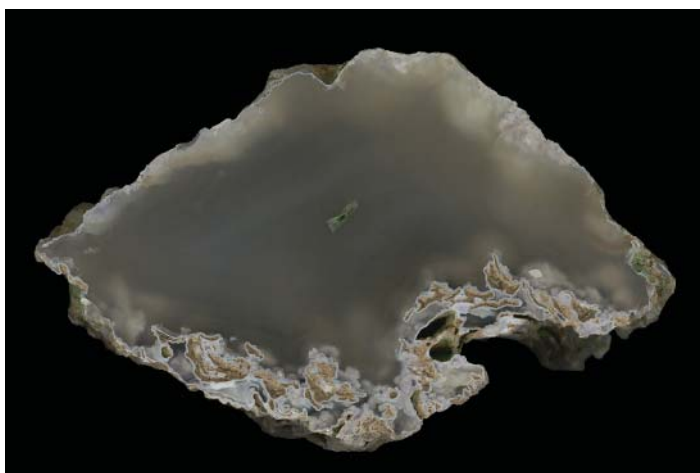

Рис. 3. Халцедон мышинного цвета с кружевным обрамлением. 5x8 см

Рис. 4. Стоянка Делюн. Подъемный материал:
1-5 – сколы с ретушью; 6-11 – микронуклеусы; 12 – нуклеус в начальной стадии расщепления

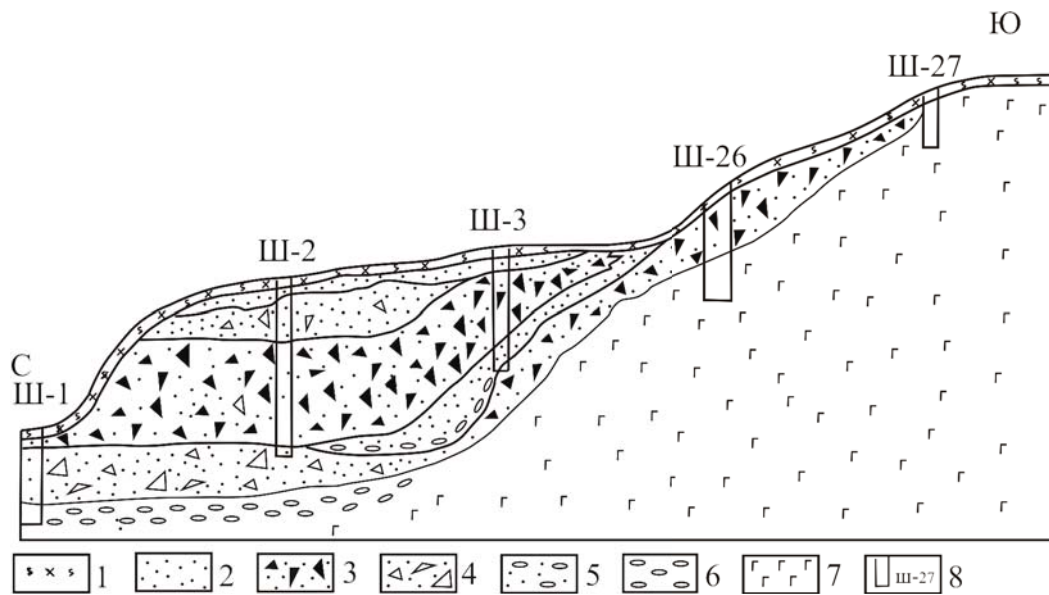

Рис. 5. Геологический разрез проявления Террасовое (Делюн).
 Масштаб: горизонтальный 1 : 2 000, вертикальный 1 : 100. По: [12]:
 1 – почвенно-растительный слой; 2 – песок; 3 – продуктивный горизонт, песок с обломками
 яшм, халцедонов, базальтоидов и сланцев; 4 – песок с редкими обломками базальтоидов и
 сланцев; 5 – галечник с песком; 6 – валуны; 7 – нижнемеловые долериты;
 8 – шурф и его номер

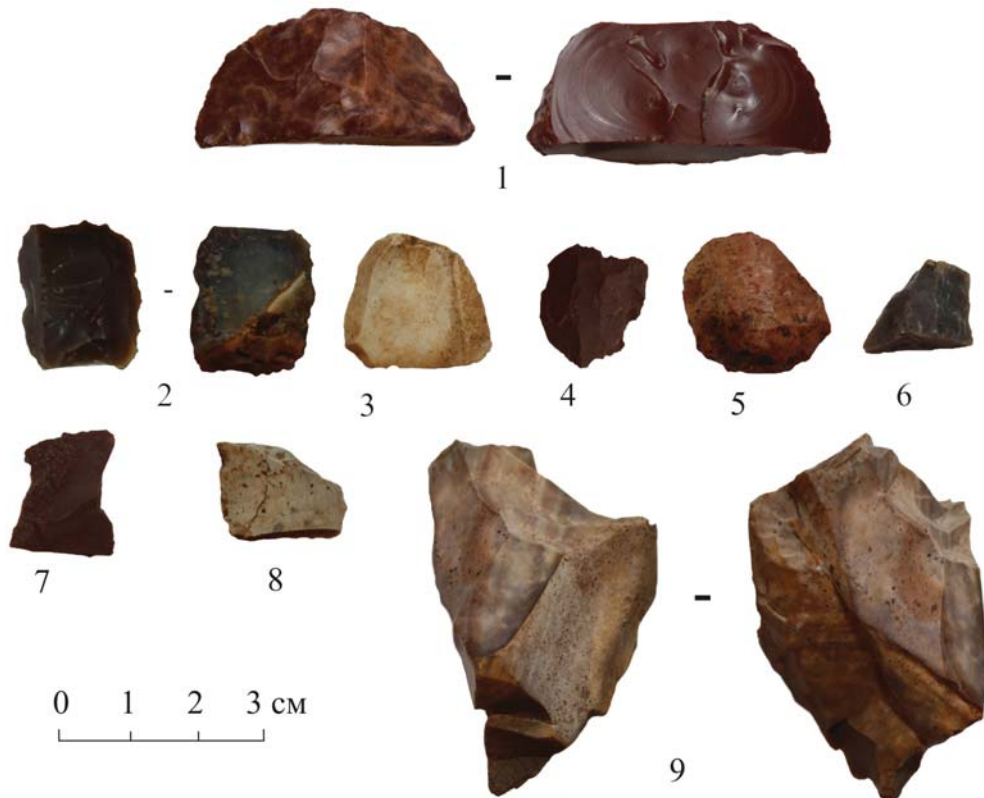

Рис. 6. Стратифицированный материал стоянки Делюн:
 1 – слой 3 (двусторонний скребок); 2 – слой 2 (долотовидное орудие); 3...9 – слой 1: 4, 6, 7,
 8 – отщепы с ретушью; 3 – проксимальный фрагмент пластинки с ретушью; 9 – нуклеус

Расстояние мастерской от многослойного памятника площадью 300x50 м до уступа надпойменной террасы р. Хойто-Ага – около 800 м.

Другая группа стоянок находится в зоне развития вулканических пород в прибортовой части Кыринской впадины, в бассейне р. Шивычи (рис. 7). Здесь в 1992 г. обнаружены артефакты, изготовленные из халцедона и празема [12], а в 2008 г. собран новый подъёмный материал [7]. Он располагался под скалистым останцом горной гряды высотой 48 м, в левом борту долины р. Кыра. Каменный материал бессистемно располагался в пределах делювиально-пролювиального шлейфа мощностью не более

10 см. Всего обнаружено 46 каменных артефактов. К орудийным формам и изделиям с вторичной обработкой отнесено 24 экземпляра. Выделена серия долотовидных орудий. Все они малых, реже средних размеров. Орудия выполнены из халцедона или цветного кремня. Некоторые орудия явно переоформлены из микронуклеусов и более крупных орудий. Подобный приём был широко распространен в индустриях финального палеолита Западного Забайкалья, о чем свидетельствуют материалы известных археологических памятников Студёновского и Усть-Мензинского археологических комплексов [5].

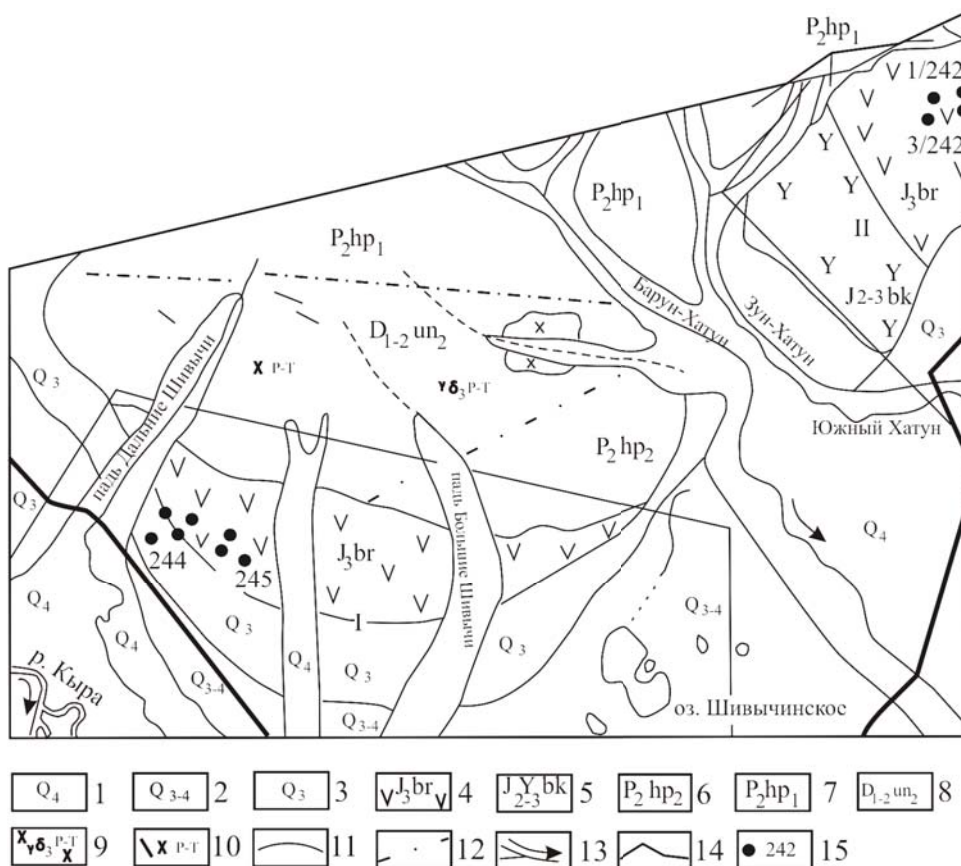

Рис. 7. Схема геологического строения площади Шивычинского (I) и Шевартайского (II) проявлений [12]:

- 1-3 – рыхлые четвертичные отложения: 1 – современные (Q_4); 2 – верхнечетвертичные – современные нерасчлененные (Q_{3-4}); 3 – верхнечетвертичные (Q_3); 4-5 – юрские отложения: 4 – бырцинская свита – андезитовые порфириды, андезибазальты, андезидациты, 5 – букукунская свита – терригенно-вулканогенные отложения; 6-7 – пермские отложения, халчерангинская свита: 6 – алевролиты, глинистые сланцы, 7 – граувакки, туфопесчаники; 8 – девонские отложения, ундургинская свита: филлиты, песчаники, метаэффузивы; 9 – гранодиориты пермо-триасового возраста; 10 – лампрофиры; 11 – геологические границы; 12 – тектонические границы; 13 – водотоки; 14 – автодорога; 15 – места отбора проб халцедон-кремневого сырья (проба и ее номер) и артефактов

Сохранность артефактов не одинакова, что может свидетельствовать о разном времени экспонирования материала на дневной поверхности и неодинаковых петрофизических свойствах использованного сырья. Но химическое и физическое выветривание артефактов было весьма длительным, т.к. на многих орудиях из кремня и халцедона отмечается замещение внешнего слоя халцедона кахолоном. Несмотря на различия в сохранности и отсутствие чётких геологических маркеров, значительную часть подъёмного материала с большой долей вероятности можно отнести единому комплексу финального палеолита. Пункту присвоено самостоятельное номенклатурное название – стоянка Шивычи I.

Второй памятник обнаружен в пади Дальние Шивычи, в которой находится одноименное проявление халцедонов [12]. Подъёмный материал залегал «пятном» непосредственно на дневной поверхности в наиболее низкой точке ложбины с минимальным (порядка 5...7 °) уклоном в сторону долины р. Кыра. Здесь найдено 70 экземпляров каменных артефактов, изготовленных преимущественно из окремненных лав. Почти все они имеют архаичный облик и по своим технико-типологическим характеристикам относятся к эпохе палеолита. Доля орудий существенна и представлена 56 экземплярами. В коллекции преобладают отщепы с ретушью и выемчатые формы. В качестве вторичной обработки присутствует ретушь, а также анкошевидные выемки.

Особенностью всех найденных артефактов является высокая степень дефляции как ветровой эрозии, так и химического выветривания. Все орудия и сколы коллекции покрыты интенсивной патиной. На широких негативах присутствуют небольшие каверны, возможно, эолового происхождения. Это свидетельствует о значительной их древности. Фактически на местонахождении найдено 70 корродированных предметов, в том числе леваллуазские нуклеусы и сколы. Вторичная обработка представлена крутой и полукрутой ретушью дорсально-го и вентрального принципа наложения,

анкошевидными выемками и в единичных случаях – оббивкой. Исходя из этого, полагаем возможным определить данное местонахождение как стоянку с поверхностным культурным горизонтом и отнести основную массу материала к периоду среднего палеолита. Пункту присвоено самостоятельное номенклатурное название – стоянка Дальние Шивычи.

Таким образом, в результате разведки удалось выявить полноценные памятники эпохи палеолита, представленные подъёмными материалами. Особого внимания заслуживает коллекция стоянки Дальние Шивычи, которая, несмотря на отсутствие стратифицированного культурного слоя, обладает выразительными артефактами, позволяющими отнести основу индустрии ко времени среднего палеолита. Особенностью обнаруженных памятников является поверхностное залегание материала, которое во многом схоже с памятниками, известными в Монголии и Туве [1, 3]. Поэтому в условиях южного Забайкалья, также принадлежащего к аридной зоне Азии, памятники палеолита с поверхностным культурным горизонтом могут составить самостоятельный, ранее не исследованный пласт, включающий индустрии верхнего и среднего палеолита.

С учетом данных В.Х. Шамсутдинова [10] о находках артефактов палеолита и неолита в 2012 г. авторами с целью поисков артефактов, указывающих на стоянки палеолита и неолита, а также мастерских древнего человека проведено маршрутное изучение вулканических образований и четвертичных отложений на территории, примыкающей к северному побережью Торейских озер. На горе Чихолон, сложенной миндалекаменными андезибазальтами, содержащими наряду с карбонатными и кварцевыми халцедоновыми миндалинами, собраны артефакты из жильного и желвакового халцедона, кахолонга, андезибазальта.

Многочисленные артефакты найдены в окрестностях современных скотоводческих стоянок, расположенных вблизи естественных водных источников и колодцев. Россыпи артефактов образуются в промо-

инах, на поверхности проселочных дорог, ведущих к побережью оз. Зун-Торей. Среди них наиболее распространены халцедоновые. Нередко они изготовлены из черного халцедона и опала. Среди опалов встречаются благородные разновидности. Размеры их 2 – 4 x 3 – 6 см, редко более.

Учитывая довольно большую мощность перекрывающих вулканогенные образования плейстоцен-голоценовых отложений (до 15 м), известных из отчета А.П. Крюковой, Ю.П. Скляревского, Я.Г. Устюгова, В.Х. Шамсутдинова, Г.Г. Булдуковой (1969 г.), возможны находки новых мастерских и многослойных археологических памятников в северном обрамлении Торейских озер.

Вероятность находок палеолитических памятников, включая многослойные стоянки и мастерские, весьма велика в Приаргунье, где чрезвычайно широко проявлен юрско-меловой вулканизм, с которым связано множество месторождений и проявлений яшм, кремней и агат-халцедонового сырья (рис. 1). В частности, Ф.И. Еникеевым [4] показано, что ареал обитания человека в палеолите в левобережном Приаргунье был чрезвычайно широк, а конкретное размещение стоянок связано с источниками воды.

Выводы:

1) благодаря ориентации на конкретные сырьевые источники (палеовулканы с выходами камнесамоцветного сырья, проявления окремненных вулканических горных пород), выявлены информативные объекты каменного века, такие как Шивычи 1, Дальние Шивычи, Делон, Чихолон;

2) роль сырья в каменном веке Забайкалья чрезвычайно велика, так как именно оно во многом определяло:

а) выбор и характер технологии расщепления;

б) морфологические характеристики и размеры орудий и заготовок;

в) выбор видов минерального сырья для производства конкретных типов орудий. Это выводит исследования на важную параллель сырьё-технология-орудие, что не было доступно традиционным археологическим методикам.

3) использование взаимосвязи объектов каменного века с палеовулканами позволит выйти на новый уровень понимания значения сырьевого фактора в жизни древних коллективов и оценивать их мобильность и умение адаптировать технологии изготовления орудий к новым видам каменного сырья.

Литература

Bibliography

1. Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История, 2008. 180 с.

2. Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Лисицын С.Н., Синицина Г.В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005. 89 с.

3. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озёр. Новосибирск: ИАЭ, 2000. 440 с.

4. Еникеев Ф.И. Палеоэкология и прогноз пространственного размещения стоянок каменного века в Южной Якутии и Забайкалье // Сев. Азия в антропогене: Человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: междунар. конференция, посвященная 100-летию М.М. Герасимова. – Иркутск, 2007. Т. 1. С. 232-236.

1. Astahov S.N. Paleoliticheskie pamjatniki Tuvy. SPb.: Nestor-Istorija, 2008. 180 s.

2. Vasiliev S.A., Abramova Z.A., Grigorieva G.V., Lisicyn S.N., Sinicina G.V. Pozdnij paleolit Severnoj Evrazii: paleojekologiya i struktura poselenij. SPb., 2005. 89 s.

3. Derevjanko A.P., Petrin V.T., Cjevjendorzh D., Devjatkin E.V., Larichev V.E., Vasilievskij R.S., Zenin A.N., Gladyshev S.A. Paleolit i neolit severnogo poberezhija Doliny Ozjor. Novosibirsk: IAJe, 2000. 440 s.

4. Enikeev F.I. Paleojekologiya i prognoz prostranstvennogo razmeshheniya stojanok kamennogo veka v Juzhnoj Jakutii i Zabajkal'e // Sev. Azija v antropogene: Chelovek, paleotehnologii, geoeklogiya, jetnologiya i antropologiya: mezhdunar. konferentsiya, posvjashhennaya 100-letiju M.M. Gerasimova. – Irkutsk, 2007. T. 1. S. 232-236.

5. Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии – Улан-Удэ – Чита, 1994. 180 с.
6. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): автореф. дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2008. 22 с.
7. Мороз П.В. Палеолитические стоянки с поверхностным культурным горизонтом (Южное Забайкалье) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 21-24.
8. Мороз П.В., Мороз А.Ю. Петро- и зооархеология: перспективы развития в Забайкалье // Научный диалог. 2012. № 4. История, социология, культурология, этнография С. 163-183
9. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
10. Шамсутдинов В.Х. Новая палеолитическая стоянка в Забайкалье // Бюлл. Комиссии пол изуч. четв. периода, № 32. М., 1966. С. 128-133.
11. Юргенсон Г.А. Самоцветы Забайкалья. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 58 с.
12. Юргенсон Г.А. Ювелирные и поделочные камни Забайкалья. Новосибирск: Наука, 2001. 390 с.
13. Юргенсон Г.А., Мороз П.В. Технологическая археоминерация как методический подход к изучению каменных индустрий (на примере Усть-Мензинского археологического комплекса) // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2011. № 5(72). С. 109-115.
14. Юргенсон Г.А., Гиря Е.Ю., Мороз П.В. Кремнёвое сырьё Костёнок и кремни Русской равнины (опыт сравнения) // Stratum plus, 2012, № 1. С. 179-192.
15. Demars P.Y. L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. № 5. 1982. 253 p. – (CNRS).
16. Wymer J.J. The Palaeolithic Age, CROOM HELM, London & Sydney 1982. 310 p.
5. Konstantinov M.V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkalskoj Azii – Ulan-Udje – Chita, 1994. 180 s.
6. Moroz P. V. Kamennye industrii rubezha plejstocena i golocena Zapadnogo Zabajkaliya (po materialam stojanok Ust-Menzinskogo rajona): avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2008. 22 s.
7. Moroz P.V. Paleoliticheskie stojanki s poverhnostnym kulturnym gorizontom (Juzhnoe Zabajkal'e) // Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Ulan-Udje, 2010. S. 21-24.
8. Moroz P.V., Moroz A.Ju. Petro i zooarheologiya: perspektivy razvitiya v Zabajkalie // Nauchnyj dialog. 2012. № 4. Istoriya, sociologiya, kulturologiya, jetnografiya S. 163-183
9. Okladnikov A.P., Kirillov I.I. Jugo-Vostochnoe Zabajkalie v jepohu kamnja i rannej bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 s.
10. Shamsutdinov V.H. Novaja paleoliticheskaia stojanka v Zabajkalie // Bjull. Komissii pol izuch. chetv. perioda, № 32. M., 1966. S. 128-133.
11. Yurgenson G.A. Samocvety Zabajkaliya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1997. 58 s.
12. Yurgenson G.A. Yuvelirnye i podelochnye kamni Zabajkaliya. Novosibirsk: Nauka, 2001. 390 s.
13. Yurgenson G.A., Moroz P.V. Tehnologicheskaya arheominerageniya kak metodicheskij podhod k izucheniju kamennyh industrij (na primere Ust-Menzinskogo arheologicheskogo kompleksa) // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2011. № 5(72). S. 109-115.
14. Yurgenson G.A., Girja E.Ju., Moroz P.V. Kremnjovoe syre Kostjonok i kremni Russkoj ravniny (opyt sravnenija) // Stratum plus, 2012, № 1. S. 179-192.
15. Demars P.Y. L'utilisation du silex au Paléolithique supérieur: choix, approvisionnement, circulation // Cahiers du Quaternaire. № 5. 1982. 253 p. – (CNRS).
16. Wymer J.J. The Palaeolithic Age, CROOM HELM, London & Sydney 1982. 310 p.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Юргенсон Г.А., д-р геол.-минер. наук, профессор каф. «Химия» и «География», Забайкальский государственный университет; зав. лабораторией геохимии и рудогенеза Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Чита
yurrga@mail.ru

G. Yurgenson, Doctor of Geological and Mineral Sciences, professor, Chemistry and Geography department, head of geo-chemical and ore-genesis laboratory, Federal state budget institution of science, Institute of Nature Recourses, Ecology and Cryology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Chita

Научные интересы: минералогия, геохимия, рудогенез, геммология

Scientific interests: mineralogy, geochemistry, gemology and ore deposits genesis

Мороз П.В., канд. истор. наук, зав. каф. «История», Забайкальский государственный университет
Тел.: 31-15-90

P. Moroz, Candidate of Historical Sciences, head of History department, Transbaikal State University

Научные интересы: археология каменного века, петроархеология, трасология

Scientific interests: archaeology of the stone age, petroarcheology, trasology

Мороз А.Ю., аспирант, Забайкальский государственный университет
Тел.: 31-15-90

A. Moroz, postgraduate student, Transbaikal State University

Научные интересы: изучение остеологических материалов археологических памятников каменного века с применением методов трасологии, петроархеологии и экспериментальной археологии

Scientific interests: study of osteological materials from Stone Age archaeological sites using the methods of trasology, petroarcheology and experimental archaeology

Педагогические науки

УДК 371.035. (571.54)

Доржиева Людмила Будажаповна
Ljudmila Dorzhieva

ИНТЕГРАЦИЯ ШКОЛЬНЫХ ДЕТСКО-ВЗРОСЛЫХ СООБЩЕСТВ И ШКОЛЬНЫХ СМИ КАК ФАКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ В СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

INTEGRATION OF SCHOOL CHILDREN-ADULTS COMMUNITIES AND SCHOOL PRESS AS A FACTOR OF TRANSFORMING CHILDREN PRESS INTO SOCIAL INSTITUTION OF UPBRINGING AND EDUCATION

Отражен опыт интеграции школьных детско-взрослых сообществ и школьных СМИ. Автор раскрывает многообразие тенденций и потребностей в жизнедеятельности школьных детско-взрослых сообществ, которое требует соответствующего культурного пространства, где возможно осуществление сетевой информационно-коммуникативной деятельности всех участников сообществ.

Затронуты вопросы развития детской прессы (школьного СМИ) как социального института, реализующего в отношении школьных детско-взрослых сообществ ведущие функции воспитания и образования. Дается описание процесса трансформации детской прессы в социальный институт, выполняющий новые функции и роли.

Автор приводит примеры, раскрывающие идеи сетевого взаимодействия школьных детско-взрослых сообществ, привлечение их к инновационной деятельности по созданию модели общешкольного Медиадома

Ключевые слова: *школьные детско-взрослые сообщества, интеграция, детская пресса как социальный институт воспитания и образования, инновационное развитие, межпоколенческий диалог, медиадом, информационное общество*

The experience of integration of school children-adults communities and school press is shown in the article. The author reveals the diversity of tendencies and requirements in activity of school children-adults communities which need cultural space where information—communicative activity of all the participants is fulfilled.

Some questions of children press (school press) development such as social institution playing important upbringing and educational functions are touched upon. The transformation process of school press into social institution having new functions and roles is described.

The author gives the examples showing the ideas of net interrelation of school children-adults communities, their joining innovative activity to create a model of school Mediahouse

Key words: *school children-adults communities, integration, school press as social institution of upbringing and education, innovative development, Mediahouse, intergeneration dialogue, information society*

Целью данной статьи является раскрытие содержания процессов взаимодействия школьных СМИ и школьных детско-взрослых сообществ в контексте становления детской прессы как социального института воспитания и образования. Субъекты (школы) образовательной системы Республики Бурятия постоянно находятся в процессе культурно-образовательной эволюции инновационного движения регионального образования. Это движение включает также школьное детско-взрослое движение, которое в настоящее время стало принимать самые разнообразные формы – это школьные научно-образовательные сообщества, клубы по интересам, художественные студии, школьные СМИ, школьные лаборатории, учебно-производственные детско-взрослые образования, в том числе школьные СМИ и пр.

Если в традиционной форме детские сообщества являлись средой воспитания или средой расширения учебной деятельности детей под руководством учителей-предметников, то в условиях инновационного развития школ характер взаимоотношений учителей и школьников во внеурочное время стал существенно изменяться. Расширение школьных границ функционирования и развития детско-взрослых образований связано со следующими тенденциями:

- потребностью осмысления участниками школьных детско-взрослых образований собственной деятельности в более широком социокультурном контексте динамично развивающегося информационного общества;

- потребностью сохранения и развития многообразия и уникальности форм и стилей жизнедеятельности детско-взрослых сообществ;

- расширения диалогового взаимодействия субъектов детско-взрослых сообществ по поводу поиска решений общих и частных социальных проблем;

- усиления поиска разных путей удовлетворения все расширяющегося круга информационных потребностей и запросов со стороны социума школьных сообществ;

- профориентационное усиление целей и задач, технологий их реализации детско-взрослыми сообществами;

- усиления потребностей в системном и систематическом обмене ценностно-смысловым опытом жизнедеятельности детско-взрослых сообществ,

Такое многообразие тенденций и потребностей в жизнедеятельности школьных детско-взрослых сообществ требует соответствующего культурного пространства, в котором возможно осуществление сетевой информационно-коммуникативной деятельности всех участников этих сообществ. Социокультурное насыщение такого пространства обеспечивается ценностями, смыслами, идеями, проектами каждого школьного детско-взрослого сообщества, новыми социальными отношениями, требующими быстроты и эффективности информационного обмена опытом и ресурсами и т.д.

Данное положение обуславливает формирование группы лиц, которая выполняла бы определенные для такого важного общественного дела социальные функции. Основной функцией должно стать удовлетворение и реализация перечисленных потребностей и тенденций. На наш взгляд, это возможно лишь на основе развития детской прессы (школьного СМИ) как социального института, реализующего в отношении школьных детско-взрослых сообществ следующие ведущие функции:

- *закрепления*, воспроизводства и развития социальных отношений между школьными детско-взрослыми сообществами;

- *регулятивная*, состоит в том, что функционирование школьных СМИ как социального института обеспечивает регулирование взаимоотношений между членами школьных детско-взрослых сообществ путем выработки сетевых информационно-коммуникативных моделей поведения;

- *интегративная*, включает процессы сплочения, взаимозависимости и взаимответственности школьных детско-взрослых сообществ и их членов, происходящие под воздействием институционализированных норм, правил, санкций и систем ролей;

– *транслирующая роль*. Школьное детско-взрослое сообщество не может развиваться, если не будет возможности передавать свой собственный социокультурный опыт другим.

Процесс трансформации детской прессы в социальный институт, выполняющий новые функции и роли, можно рассматривать как двоякий. С одной стороны, это изменение функций и роли как института воспитания и образования, а с другой – влияние детской прессы на социальную систему школьных детско-взрослых сообществ как во внутренней среде, так и во внешней.

Таким образом, социальное воздействие детской прессы как социального института воспитания и образования в рамках сетевой интеграции школьных детско-взрослых сообществ заключается в его активном участии в формировании мировоззрения детей и подростков. Сила воздействия увеличивается, так как ценностно-смысловой план жизнедеятельности детской прессы формируется на основе целостности взаимообусловленности и взаимодействия ее внутренней и внешней среды, тенденций развития информационного общества и ключевых задач детской прессы (рис. 1).

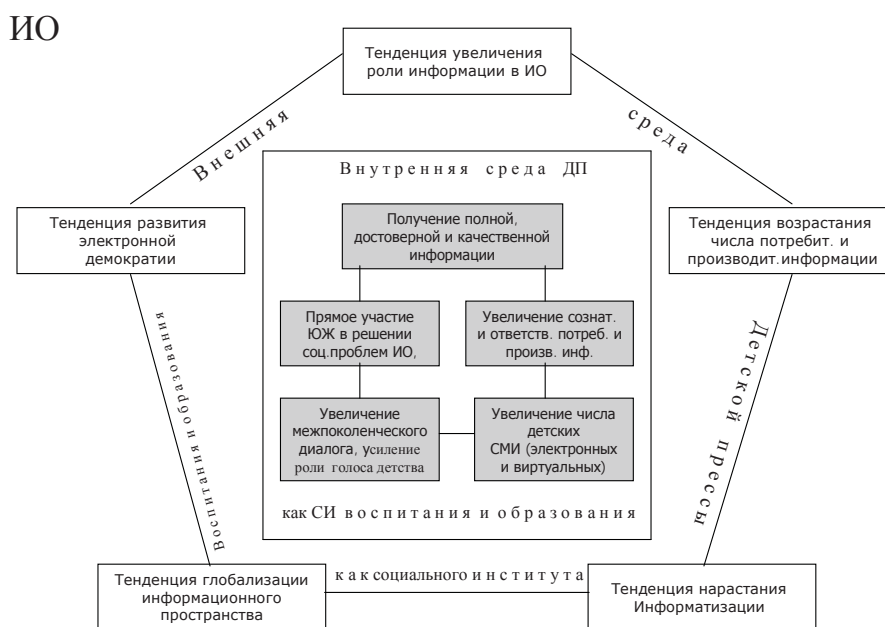

Рис. 1

Организационно-управленческий потенциал школьных СМИ по преобразованию в социальный институт реализуется поэтапно по принципу «от простого – к сложному». Так, например, через интенсивное научно-популярное информирование всех участников образовательного процесса об идеях сетевого взаимодействия школьных детско-взрослых сообществ, привлечение их к инновационной деятельности по созданию модели общешкольного Медиадома (рис. 2).

Особенностями функционирования общего медиадома являются:

- межличностные общения среди членов школьных детско-взрослых сообществ и равноправный диалог;
- информационное взаимодействие, а не совокупность школьных компьютеров, Интернета, мобильной связи и других средств определяет формирующееся новое сетевое сообщество школьных детско-взрослых сообществ как информационно-коммуникативное. Рождается, по сути,

новая школьная цивилизация – диалоговая цивилизация;

– разработка комплекса проектов и программ, обеспечивающих методологические основы развития социокультурной диалоговой деятельности школьных детско-взрослых сообществ и их членов в сетевом режиме. Научно-методологический ресурс постоянно обогащается и наращивается через усиление взаимодействия структурных элементов Медиадом с разными социальными институтами воспитания и образования (ОУ, вузы, ССУЗы, НЦ и др.) на договорной основе;

– координационный центр Меди-

дома формирует и организует работу Супермедиамаркета. В его ассортимент входят концепции развития детско-взрослых сообществ, идеи и идеалы, принципы и стандарты, базовые модели проектов и программ, опытные образцы научно-методических разработок, позволяющие взрослым и юным исследователям, проектировщикам, конструкторам варьировать форму и содержание, совершенствовать и конструировать технологии, интерпретировать концепции и идеи, моделировать новые образцы и т.д. в зависимости от их особенностей и направленности опыта и запросов, ресурсов и потенциала.

Рис. 2

Круг ключевых компетенций сетевой деятельности в разных зонах Медиадом разный и поэтому могут возникать проблемы:

– разработки и освоения, а также контекстного осознания понятийно-категориального аппарата культурного пространства Медиадом;

– различия способов и методов теоретического освоения и практического применения ресурсов (медиапродукции и ме-

диауслуг), приобретенных в Супермаркете; – в понимании и интерпретации полезных ссылок, содержания блогов.

В связи с этим необходимо непрерывно усиливать организационно-методологический ресурс Медиадом, актуализировать потенциал, преобразовывать затем его в используемый ресурс через:

– постоянное привлечение лидеров и консультантов-методологов, экспертов к

процессу формирования и развития соответствующих компетенций. Это направление реализует координационный центр (КЦ) Медиадом, оно представляет модуль «Научный консультант», который есть живая научно-методическая инфраструктура координационного центра, вбирающая в себя управление подготовкой и развитием кадров школьных детско-взрослых сообществ, управление научными ресурсами и сетью школьных лабораторий и школьных опытно-экспериментальных площадок;

– медиасеминаров, диалоговых переговорных площадок, моделирующих игры и пр.;

– поддержку общественных инициатив, комплексное сопровождение в меру необходимости и достаточности.

В ситуации активной жизнедеятельности Медиадом появляются новые лидеры, которые готовы объединиться в команду для создания новшеств, новых зон Медиадом или для организации новых детско-взрослых сообществ. Есть также лидеры-пионеры, которые, как правило, создают новые плацдармы, укрепляют их, дают другим обосноваться на них, выстроить структуру, а сами пойдут дальше, ища и находя новые точки роста (физические вакуумы), в которых возможно возникновение пространства новых событий, новых смыслов, новых идей. И этот процесс непрерывный, он реализует идею непрерывного медиаобразования членов школьных детско-взрослых сообществ как основу новой диалоговой цивилизации.

Медиадом как процесс и результат сетевой интеграции детской прессы и школьных детско-взрослых сообществ обладает способностью перерабатывать большие объемы информации в сжатые сроки, концентрировать внимание и создавать актуальные зоны как культурное пространство. Такая способность достигается разными путями – практиками и проектами. У детской прессы как социального института воспитания и образования имеется опыт индивидуального и коллективного моделирования и проектирования социообразовательных и социокультурных пространств, их струк-

турирования, организации новых смыслов, ценностей, установок.

Основным органом управления Медиадомом является координационный центр детской прессы. Как социальный институт он выполняет следующие основные функции: формирование, становление и развитие единого культурного пространства школьных детско-взрослых сообществ; информационный мониторинг инновационной деятельности детско-взрослых сообществ; создание и развитие единой системы средств массовой коммуникации (СМК) Медиадом:

а) со СМИ;

б) с разными сферами общественной жизни;

в) с вузами и другими научно-образовательными субъектами;

г) с социальными сетями информационного общества и пр.

Таким образом, предметом интегративной деятельности детской прессы как социального института становится создание социальной системы информационно-коммуникативных отношений и взаимодействий детско-взрослых сообществ в сетевом режиме. Механизмом социокультурного развития детско-взрослых сообществ является общий Медиадом, то есть целостная совокупность сетевых отношений и сетевых взаимодействий школьных детско-взрослых сообществ между собой и их с информационным обществом. Динамика расширения культурного пространства Медиадом представляет поэтапный процесс включения школьных детско-взрослых сообществ в сеть и приобретения ими своего места и роли в Медиадоме.

Перспективные направления развития деятельности Медиадом:

– усиление потенциала развития дистанционных технологий общения научно-образовательных сообществ в связи с:

а) территориальным разобщением;

б) экономией времени;

в) недостаточно научным потенциалом кадров;

– усиление роли и влияние системы вузов на развитие научно-образовательного

пространства взрослых и детей на основе сетевого взаимодействия;

– разработка технологии внедрения в практику разных концептуальных основ развития содержания научно-образовательного пространства Медиадома;

– исследование и создание реальных условий как предпосылки для осуществле-

ния совместной научно-образовательной деятельности на базе сети Internet, т.е. по сути, виртуального движения всех заинтересованных субъектов г. Улан-Удэ, Республики Бурятия, России в виртуальном научно-образовательном пространстве общего Медиадома.

Литература

Bibliography

1. Доржиева Л.Б. Детская пресса как социальный институт воспитания и образования в информационном обществе // Улан-Удэ: БГСХА. 2011. 256 с.
2. Доржиева Л.Б. От детской прессы – к преобразованию будущего. Улан-Удэ: БГСХА. 2012. 108 с.
3. Журналистика в 2012 г.: социальная миссия и профессия. сб. матер. междунар. научн.-практ. конф. М.: Факультет журналистики МГУ. 2013. 504 с.
4. Збровский Г.Е. Образование от XX к XXI веку. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. 301 с.
5. Молодежь и медиа. Экология медиaproстранства: матер. 2-й междунар. науч.-практ. конф. М., 2012. 496 с.
6. Социальная миссия и профессия // Журналистика – 2012: матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. 504 с.
7. Саймон Б. Общество и образование. М.: Прогресс, 1989. С. 30.
8. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 32-37.

1. Dorzhieva L.B. Detskaya pressa kak socialny institut vospitaniya i obrazovaniya v informatsionnom obshhestve // Ulan-Ude: BGSNA. 2011. 256 s.
2. Dorzhieva L.B. Ot detskoy pressy – k preobrazovaniyu budushhego. Ulan-Ude: BGSNA. 2012. 108 s.
3. Zhurnalistika v 2012 g.: socialnaya missiya i professiya. sb. mater. mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. M.: Fakultet zhurnalistiki MGU. 2013. 504 s.
4. Zbrovskiy G.E. Obrazovanie ot XX k XXI veku. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. prof.-ped. un-ta, 2000. 301 s.
5. Molodezh i media. Ekologiya mediaprostranstva: mater. 2-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2012. 496 s.
6. Socialnaya missiya i professiya // Zhurnalistika – 2012: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2013. 504 s.
7. Saymon B. Obshhestvo i obrazovanie. M.: Progress, 1989. S. 30.
8. Schepanskiy Ja. Eeementarnye ponyatiya sociologii. M., 1969. S. 32-37.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Доржиева Л.Б., канд. пед. наук, редактор, ст. преподаватель республиканского института кадров управления и образования, председатель лиги юных журналистов Бурятии, заслуженный работник культуры Бурятии, России
LDorzh@mail.ru

L. Dorzhieva, Candidate of Pedagogic Sciences, senior teacher, editor-in-chief of the young journalists' league of the Buryatiya Republic, Republic Institute of Management and Education staff

Научные интересы: исследование детских СМИ, практические учебные разработки для руководителей детских СМИ

Scientific interests: study children's mass media, practical training development for leaders of children's mass media

УДК 378

Каплина Светлана Евгеньевна
Svetlana Kaplina

ИННОВАЦИОННЫЙ КОНТЕНТ РАЗРАБОТКИ МЕТОДИКИ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ОЦЕНКУ ПРОГРАММ (МОДУЛЕЙ) И РЕЗУЛЬТАТОВ ИХ ОСВОЕНИЯ ОБУЧАЮЩИМИСЯ

INNOVATIVE CONTENT DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR INDEPENDENT EXPERTISE NEW EDUCATIONAL PROGRAMS, INCLUDING EVALUATION OF PROGRAMMES (MODULES) AND THE RESULTS OF THEIR STUDENTS

Рассматривается необходимость осуществления регулярной независимой общественно-профессиональной экспертизы как новых образовательных программ, так и качества их освоения обучающимися. Автор определил содержательные аспекты экспертизы, этапы ее реализации, приводится описание критериев экспертирования. В работе также уточняются техники и критерии экспертирования инновационных составляющих образовательных программ

Ключевые слова: экспертиза, образовательные программы, образовательные учреждения, инновационный контент, критерии, результаты освоения

The necessity of regular independent expert examination as of new educational programmes as the quality of their realization is observed in the article. The author defines content aspects of expert examination, stages of its realization and also give the description of expert examination's criteria. The techniques and criteria of expert examination of educational programmes' innovative units are specified in the article

Key words: expert examination, educational programmes, educational institutions, innovative content, criteria, results of realization

Сфера образования представляет собой одну из наиболее инновационных отраслей, изменения в которой во многом определяют конкурентоспособность российской экономики в целом. Инновационный вектор развития России в условиях глобализации современности требует новых подходов и к инженерному образованию [2]. При этом важнейшими задачами, которые ставят перед собой образовательные учреждения инженерного образования, являются:

- разработка практически-ориентированных учебных программ, соответствующих потребностям студентов и работодателей;
- совершенствование методов обучения техническим дисциплинам;
- поддержка использования технических и мультимедийных средств в подготовке технических кадров;
- интеграция языковых и гуманитарных дисциплин в инженерное образование;
- управленческая подготовка инженеров;

– содействие защите окружающей среды [5].

В рамках данных задач необходимо осуществление регулярной независимой общественно-профессиональной экспертизы как новых образовательных программ, так и качества их освоения обучаемыми.

Составляющая дефиниции «экспертиза» включает общее обозначение деятельности оценивания какого-либо объекта в соответствии с некоторой мерой (нормой). Понятие экспертизы – одно из сложных средств квалиметрии. Данное средство в настоящее время оказывается максимально адекватным для квалификации, оценки, нормирования инновационных изменений в образовании на всех уровнях его организации. Заказ на экспертную деятельность появляется тогда, когда происходят существенные изменения в профессионально-педагогической деятельности, становление и развитие инновационной педагогической практики, и следовательно, ее разработчикам необходимо ответить на ряд вопросов. Целью проведения экспертизы является установление соответствия (несоответствия) содержания и качества подготовки обучающихся и выпускников образовательного учреждения федеральным государственным образовательным стандартам или государственным образовательным стандартам до истечения срока реализации.

Становление экспертологии как научной дисциплины, изучающей закономерности, методологию, процессы организации и развития научных основ педагогической экспертизы, связано с развитием инновационных процессов в образовании. Экспертная деятельность как особый вид человеческой деятельности относится по своим сущностным характеристикам к аналитическому и исследовательскому типу деятельности, где объектом изучения является развивающаяся и развивающаяся практика, а в качестве продукта выступает заключение об уровне развития этого объекта.

Таким образом, на основании изложенного определения можно сформулировать следующее: экспертная деятельность

является особым видом экспертно-аналитической деятельности, который требует специальных знаний об объекте и предмете экспертизы, а также профессиональных умений (например, проектировать, анализировать, оценивать, контролировать, управлять и т.д.), результатом которой является представление мотивированного заключения.

Экспертиза возможна при выявлении трех содержательных аспектов:

1) известно, что оценивается (объект экспертизы);

2) существуют способы оценивания (процедуры экспертизы);

3) выявлены исходные основания оценки (критерии экспертизы).

В стабильных условиях существуют принятые нормы, правила, стандарты, меры, предписания, которые позволяют с помощью соответствующих средств (процедур) соотнести с ними экспертируемый объект (процесс, явление, свойство, продукт, результат и др.). Однако экспертиза в ситуации инновационного действия представляет проблему, на которую обращают внимание многие российские исследователи (Г.А. Игнатьева, В.И. Слободчиков и др.).

Экспертная деятельность, как особый вид исследования, имеет следующие структурные компоненты: сбор и анализ информации; определение проблем исследования и их ранжирование; формулирование гипотезы и цели исследования; планирование; определение инструмента и критериев исследования; проведение экспертизы; контроль и оценка; корректировка; подготовка отчета о результатах экспертизы.

На первом этапе осуществляется предварительное изучение предмета и объектов для определения целей конкретной экспертизы, вопросов проверки и анализа, выбора критериев оценки эффективности и способов ее проведения, по результатам которых подготавливается программа проведения экспертизы.

Для осуществления экспертной деятельности необходимо выбрать несколько целей. Они должны четко устанавливать рамки предмета и деятельности объектов

экспертизы, содержание которых подлежат проверке и оценке.

Основными целями экспертной деятельности являются:

– оценка степени соответствия рассматриваемых материалов некоторым нормативным моделям либо существующим требованиям или традициям;

– оценка деятельности проектировщиков по проработке инновационного проекта, приращению их профессионального мастерства, а также оценка деятельности по реализации проекта (степени реализации проекта);

– понимание авторского замысла, исходной проектной идеи, выявление ее мировоззренческого контекста, целевых ориентаций проекта и его ценностно-смысловых оснований.

По каждой из выбранных целей определяются критерии и вопросы, ответы на которые необходимо получить при осуществлении экспертной деятельности. Цели, критерии и вопросы экспертизы представляют три основных компонента, которые должны быть взаимосвязаны.

Вопросы для экспертизы определяются по каждой цели и должны ей соответствовать. Перечень и содержание вопросов заданы отражать проблемы исследования и ранжироваться по важности, чтобы результаты проверки и анализа, выступающие в форме полученных доказательств, обеспечивали достижение поставленной цели экспертной деятельности. В соответствии с вопросами аудита эффективности проводится проверка объектов экспертизы, осуществляется сбор фактических данных и информации.

Критерии применяются для оценки программ (модулей), а также результатов их освоения обучаемыми и служат основой для заключений и выводов по результатам проверки. В процессе выбора критериев необходимо обсудить и согласовать с руководством объектов проверки перечень критериев, включаемых в программу экспертной деятельности.

По результатам предварительного изучения предмета и объекта принимается

программа проведения экспертной деятельности, которая должна содержать четкий перечень вопросов и объектов проверки, определяющих масштаб ее проведения. В программе должны найти отражение: цель, предмет, объекты, перечень вопросов, определяющих рамки и масштабы экспертизы, критерии, сроки проведения экспертизы, список проверяющих, включая ответственных за конкретные направления экспертной деятельности, срок представления отчета о результатах проделанной работы.

Отдельно следует отметить процедуры экспертирования, которые определяются типом объектов экспертизы и общей формой экспертной работы.

Индивидуальная экспертиза может проводиться отдельным специалистом, профессионалом в определенной области по четко очерченному предметному содержанию (методика, учебный план и т.п.) в соответствии с либо уже существующими нормативами, либо по специально разработанным критериям.

Коллективная экспертиза может проводиться по формализованному методу Дельфа, когда отдельные фрагменты проекта получают взвешенную оценку группы профессионалов.

Комплексная оценка предполагает разработку специальной технологии по согласованию совокупности групповых и индивидуальных экспертиз относительно сложного, многоаспектного проекта в рамках единого экспертного заключения при использовании как нормативно-деятельностной, так и герменевтической экспертизы, либо обеих вместе.

Нормативно-деятельностная – форма экспертной работы по уже существующей или заранее сформированной системе критериев. По ее результатам возможна разработка рекомендации по доработке основных позиций в предмете экспертизы или мотивированный отказ от дальнейшего рассмотрения проекта.

Герменевтическая экспертиза предполагает заимствование авторской позиции, своеобразную идентификацию с ним, ин-

терпретацию его действий и демонстрацию собственных перспектив. Основными ее задачами являются понимание авторского замысла, исходной проектной идеи; выявление ее контекста, целевых ориентаций проекта и его ценностно-смысловых оснований.

На втором этапе экспертной деятельности проводятся проверка и анализ полученных результатов в соответствии с вопросами программы. Составляются акты и рабочие документы, фиксирующие результаты проверки и анализа, которые служат основой для подготовки заключений, выводов и рекомендаций.

На третьем этапе экспертной деятельности подготавливаются и оформляются ее результаты. Для этого необходимо:

- подготовить заключения по итогам сравнения собранных фактических данных и полученной информации с критериями оценки эффективности;

- сделать выводы по каждой поставленной цели экспертизы;

- разработать рекомендации по улучшению программ (модулей), а также повышению эффективности их освоения учащимися. При экспертизе промежуточных итогов реализации программы могут быть даны рекомендации о внесении изменений в программу;

- оформить итоги в отчете и других документах, которые необходимо подготовить по результатам проведения экспертной работы.

Завершающей позицией экспертной работы является экспертное заключение, в котором характер объектов экспертирования, его критериальная база и техники экспертирования должны быть раскрыты максимально полно, ясно и обоснованно. Кроме того, результаты экспертной деятельности должны излагаться в отчете в соответствии с поставленными целями и давать ответы на каждую из них на основе заключений и выводов, сделанных по итогам проверки.

В отчете также следует приводить наиболее существенные факты, свидетельствующие о неэффективном использова-

нии тех или иных программ, указывать конкретные причины и обнаруженные или возможные последствия выявленных недостатков.

На основании изложенного можно констатировать, что экспертиза представляет собой оценку качества образования, осуществляемую профессионалами / специалистами по выработанным в профессиональном сообществе процедуре и критериям.

Разработка критериев осуществляется в соответствии с принципами, составляющими методологию исследования и анализа. Так, типологически критерии экспертной деятельности базируются на трех основных позициях, которые необходимо предусмотреть экспертам.

1. Общие критерии позволяют оценить значимость (общественную и профессионально-деятельностную) предполагаемого проекта (программы) с точки зрения основных тенденций, целей и направлений развития и реформирования образования на разных уровнях его организации.

Состав критериев:

- актуальность представленного проекта: необходимость и своевременность реализации проектной идеи для совершенствования и развития соответствующего фрагмента образовательной системы;

- новизна (оригинальность) проектной идеи: принципиально новый подход, совершенствование существующей образовательной ситуации, модернизация педагогической практики, предложение альтернативы и т.д.;

- масштабность проекта: локальный, региональный, межрегиональный, общегосударственный;

- системность проекта: фрагментарный или системный характер (образовательная программа, набор педагогических действий или образовательные технологии, методическое или научно-организационное обеспечение и т.д.);

- эффективность проекта: улучшение, существенное обогащение, кардинальное преобразование существующей образовательной ситуации;

– транслируемость проектной идеи: экстраординарность условий реализации идеи, возможность ее тиражирования.

Основой общей критериальной оценки является соответствие предполагаемых действий концептуальным целям и программным установкам проекта.

2. Специальные критерии позволяют оценить компетентность автора проектной идеи (в нашем случае – образовательной программы) и содержательность проекта (программы) с точки зрения его полноты, соответствия нормативным и понятийным требованиям.

Состав критериев:

– полнота структуры проекта (программы): анализ образовательной ситуации, развернутая концепция проекта / программы (постановка целей, формирование задач), план реализации проекта / программы, включая ресурсное обеспечение);

– степень проработанности структурных элементов проекта / программы: полнота, конкретность и т.д.;

– согласованность структурных частей проекта / программы: соответствие концепции основным направлениям деятельности, целей и задач проекта / программы – существующим необходимым ресурсам (технологическим, организационным, профессиональным и т.д.).

Основой специальной критериальной оценки является соответствие целей, задач программы и плана действий той предметной области образования, относительно которой предполагаются инновационные преобразования.

3. Конкретные практические критерии позволяют оценивать степень обоснованности проекта с точки зрения возможности его воплощения и жизнеспособности.

Состав критериев:

– реалистичность проекта: соответствие идеи, целей и задач проекта реальной образовательной ситуации, уровень обеспеченности проекта разного рода ресурсами, выявленность источников дополнительных ресурсов;

– реализуемость проекта: наличие, вовлеченность и согласованность действий

других субъектов образовательной ситуации с действиями автора (-ов) проекта при его реализации (характер организационно-деятельностного ресурса);

– инструментальность (управляемость) проекта: наличие научно-организационного обеспечения, способов и плана действий по реализации проекта, сформированность образовательных ресурсов.

Основой конкретной критериальной оценки является наличие специальных механизмов формирования разнообразных ресурсов, в т.ч. профессионально-деятельностных из разных общественных практик и их соответствия реальной образовательной ситуации, на которую ориентирован данный проект.

В сложившихся, хорошо структурированных формах общественной практики осуществление экспертной деятельности обычно не представляет трудностей. Однако это вызывает сложности в практике становления, использования инноваций, например, при использовании в образовательном процессе инновационных методов и технологий. Соответственно, в данном случае речь может идти о прогнозировании, а не экспертировании объекта исследования.

Остановимся на другой проблеме – выборе адекватных процедур экспертирования. Вполне очевидно, что при уже существующих нормативах, средствах измерения, эталонах или стандартах в стабильных формах практики при возникновении определенной трудности (обычно – технического характера) способы, процедуры экспертирования, т.е. работа эксперта становится проблематичной именно из-за использования инновационных составляющих, где сами объекты и критерии экспертизы оказываются неопределенными.

Рассмотрим такую форму экспертизы, связанную с оценкой предполагаемых изменений и преобразований в образовательной среде, где в качестве предположений выступают, как правило, общественные инициативы, проекты, которые в совокупности ориентированы на будущее. Понятно, что техники и критерии экспертирования в

данном случае предполагают преобразования, требующие оценки того, чего еще нет. Однако в современных условиях практически любое изменение в сфере образования претендует (объективно или субъективно) на инновационный статус. Инновации в образовании фактически потеряли свою технологическую функцию (функцию совершенствования, обновления, нормирования образовательной деятельности), а все более обретают ценностный характер (так как быть инноватором – это престижно, а иногда – выгодно).

В образовании изменения происходили и происходят всегда. Но в стабильных ситуациях они совершаются либо в пределах существующих норм и эталонов, либо эти изменения столь длительны по времени, что качественные преобразования системы приобретают эволюционный характер и она успевает к ним приспособиться [1]. В буквальном переводе инновация – это внедрение новшества в текущий процесс. Здесь возникают сразу два объекта экспертной оценки: само новшество и способы (или условия) его внедрения; причем, в понятии инновации одно без другого не имеет смысла. Следовательно, объемлющей формой инновационного движения, всякой инновации в образовании является проектирование – как особая культурная форма деятельности, имеющая свою историю становления и образцы (программы социального переустройства и т.п.) [3].

Образование по сути – не механическая система, а органическая, которая имеет свои периоды рождения, расцвета и увядания. Именно поэтому инновации в образовании – это проектирование его развития. Экспертиза результатов проектирования в образовании требует оценки двух характеристик:

1) предметных (оценка конкретных продуктов проектирования: методика обучения, новая схема управления и др.);

2) деятельностных (оценка реального хода разработки проектной идеи и ее воплощения в конкретных обстоятельствах).

Любая инновация или образовательный проект опираются на отдельные, уже

сложившиеся и эффективно функционирующие в существующей практике средства и условия, которые, в свою очередь, вполне могут быть проэкспертированы с помощью нормативных процедур и критериев оценки. В то же время, в инновационном проекте всегда обнаруживаются такие объекты, для которых не только не существует средств оценки, но даже сама деятельность оценивания их не адекватна [4].

Основные предметы проектной деятельности (следовательно, и их экспертирования) определяются в рамках новых структурных представлений о сфере образования и новых направлений его инновационных преобразований. Известны три составляющих сферы образования:

1) образовательные среды (социокультурное содержание как источник образовательных программ и ресурсов – учебных, организационных, профессионально-деятельностных и др.);

2) образовательные институты (как организационно-нормативные комплексы, в которых осуществляется образование);

3) образовательные процессы (как совокупность разнопредметных деятельностей, в которых происходит становление базовых способностей человека).

Особую предметную область составляют два механизма обеспечения образования – это образовательная политика, реализующая самоопределение конкретной системы образования в конкретном социуме, и управление образованием, скрепляющее его как целостную сферу.

Очевидно, что в рамках такого развернутого представления о предметной структуре сферы образования экспертиза любой педагогической инновации потребует особого внимания и соответствующей оценки последствий ее реализации по всем образующим данной сферы. Подобного рода экспертиза необходима в ситуациях оценивания новых образовательных программ, придающих, в том числе, статус определенному социальному институту.

Наиболее сложны процедуры экспертирования (в связи с ее неочевидными критериями), которые связаны с практической

реализацией инновационных проектов, т.к. реализация предполагает, прежде всего, выявление носителей исходной проектной идеи. В самом общем смысле практическая реализация связана с целенаправленным формированием разного рода ресурсов: интеллектуально-волевого, нравственно-позиционного, профессионально-деятельностного, организационного, управленческого и др.

Первый методический шаг реализации связан с проектированием совместной деятельности realizаторов проекта. В нашем случае – представителей образовательных учреждений и ведущих работодателей отрасли. Построение совместной деятельности – особая работа с привлечением профессиональных знаний, умений, навыков каждого, входящего в проект, работа по выявлению общих целей, ценностей, представлений, профессиональных позиций. Суть этой работы связана, прежде всего, с нивелированием стереотипов и скрытых установок, формированием новых уровней организации сознания (именно здесь впервые образуется интеллектуальный, мировоззренческий, волевой ресурс, без которого любой проект может остаться лишь на бумаге).

Второй методический шаг реализации связан с формированием единой общности заинтересованных специалистов, которые уже были участниками разработки про-

ектной идеи, а теперь становятся ее реализаторами. В данной общности каждый является собственником своей профессиональной деятельности, соответствующей собственным (производственным) целям и устройству. В данном случае эффективна деятельностная кооперация, возможно формирование особого ресурса – организационного – гаранта.

Третий методический шаг – это рефлексивное оформление и экспертиза последствий воплощения проекта и соотношение их с исходным замыслом и всеми промежуточными шагами его реализации. И если рефлексия в данном случае есть уяснение самому себе (индивидуальному или коллективному субъекту) своих собственных действий, то экспертиза – это соотношение результатов, последствий действия либо с уже существующими нормативами деятельности, либо с системой специально выработанных критериев. Третий шаг, таким образом, является оформляющим и обобщающим деятельность проектирования как в плане разработки проекта, так и в плане его реализации.

Таким образом, при экспертизе новых образовательных программ (модулей) общественно-профессиональная экспертиза является одним из важнейших инструментов управления, функционирования и развития образовательных учреждений.

Литература

1. Гомбоева М.И. Концептуальные и институциональные основы модернизации системы управления непрерывным дополнительным профессиональным образованием как ресурс социокультурного развития региона // Вестник ЧитГУ. 2012. № 5 (84).
2. Каплина С.Е., Невмержицкая Е.В. Инновационный вектор развития образования: монография. М.: Граница, 2012. 288 с.
3. Корсаков С.В. Модернизационные процессы в образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования. Монография. Граница, 2012. 156 с.
4. Корсаков С.В. Основные требования работодателей строительных компаний к содержанию образовательных программ // Неформальное образование. 2012. № 3 (1). С. 10-15.

Bibliography

1. Gomboeva M.I. Konceptualnye i institutsionalnye osnovy modernizacii sistemy upravleniya nepre-ryvnyim dopolnitelnym professionalnym obrazovaniem kak resurs sociokulturnogo razvitiya regiona // Vestnik ChitGU. 2012. № 5 (84).
2. Kaplina S.E., Nevmerzchickaya E.V. Innovatsionnyj vektor razvitiya obrazovaniya: monografiya. M.: Granitsa, 2012. 288 s.
3. Korsakov S.V. Modernizacionnyye processy v obrazovatelnyh uchrezhdeniyah nachalnogo i srednego professionalnogo obrazovaniya. Monografiya. Granitsa, 2012. 156 s.
4. Korsakov S.V. Osnovnyye trebovaniya rabotodatelej stroitelnyh kompanij k soderzhaniju obrazovatelnyh programm // Neformalnoe obrazovanie. 2012. № 3 (1). S. 10-15.

5. Станулевич О.Е. Программа развития и модернизации образовательного учреждения как инструмент качества профессионального образования // Неформальное образование. 2012. № 6 (4). С. 89-94.

5. Stanulevich O.E. Programma razvitiya i modernizatsii obrazovatel'nogo uchrezhdeniya kak instrument kachestva professionalnogo obrazovaniya // Neformalnoe obrazovanie. 2012. № 6 (4). S. 89-94.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Каплина С.Е., д-р пед. наук, доцент, зав. каф. «Иностранные языки», Забайкальский государственный университет
kse2000@list.ru

S. Kaplina, Doctor of Pedagogic Sciences, assistant professor, head of foreign languages department, Transbaikal State University

Научные интересы: теория и методика профессионального образования, обучение иностранному языку, инновационные технологии и методы обучения

Scientific interests: theory and methodics of professional education, teaching foreign languages, innovative technologies and methods of education

УДК 378

Каплина Светлана Евгеньевна
Svetlana Kaplina

Серебренникова Оксана Леонидовна
Oksana Serebrennikova

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСЕННОЙ МУЗЫКИ

PEDAGOGIC CONDITIONS OF PROFESSIONAL AND PERSONAL STUDENTS' DEVELOPMENT WITH THE HELP OF ORIGINAL ENGLISH SONG MUSIC

Установлено, что для эффективного профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки необходимо выявление и внедрение целого ряда педагогических условий, охватывающих не отдельные, а все стороны профессионально-направленного обучения, учитывающие требования ФГОС нового поколения. Авторами доказано, что комплексный характер этих условий выступает как способ интенсификации и оптимизации всего образовательного процесса и как основа для формирования квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного, компетентного, готового к эффективной работе на уровне мировых стандартов, к постоянному профессиональному росту

Ключевые слова: педагогические условия, профессионально-личностное развитие, англоязычная аутентичная песенная музыка, обучение иностранному языку

In the article it is stated that the effectiveness of professional and personal students' development with the help of original English song music is based on the complex of pedagogic conditions, which unites all branches of education and depends on the requirements of the Federal State Educational Standards of a new generation. The authors has proved that the general character of these pedagogic conditions has become the way of optimization and intensifying of educational process and the ground for a qualitative specialist's formation of the appropriate level and specialization, competent, and ready for effective work by world standards and continuous professional growth

Key words: pedagogic conditions, professional and personal students' development, original English songs, teaching foreign languages

В современных условиях интеграции Российского государства в мировое экономическое, культурное и образовательное пространство, а также согласно концепции модернизации отечественного образования, обществу требуются квали-

фицированные специалисты соответствующего уровня и профиля, компетентные и конкурентоспособные на рынке труда. При формировании нового социального заказа в образовании резко возрастает значение иностранного языка, который в условиях

интеграции мирового сообщества и включения нашей страны в мировую торгово-экономическую систему [1, С. 106] становится для специалистов любой отрасли условием осуществления успешной профессиональной деятельности. Таким образом, востребованность выпускника вуза напрямую зависит от уровня его профессионально-личностного развития, который может эффективно формироваться при изучении аутентичной англоязычной песенной музыки.

В ходе исследования, проведенного в Забайкальском государственном гуманитарно-педагогическом университете, определены, теоретически и экспериментально обоснованы педагогические условия, способствующие, на наш взгляд, эффективному профессионально-личностному развитию студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки.

Обратимся к более детальной характеристике данных условий.

1. Проведенное исследование показало, что профессионально-личностное развитие студентов будет эффективным, если у преподавателей и студентов сформирована положительная мотивация к использованию англоязычной аутентичной песенной музыки как средства обучения и их профессионально-личного развития.

Многочисленные результаты исследований и наш личный опыт убеждают, что для достижения положительного результата своего развития личность должна быть, в первую очередь, активной.

Активность личности — понятие широкое, поскольку включает философский, биологический, социологический и психолого-педагогический аспекты. С точки зрения психологов и педагогов, одним из признаков активности является «проявление инициативы, интереса» [8, С. 33]. Применительно к проблеме нашего исследования его можно интерпретировать как способность изменять себя в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями и окружающей действительностью. Активность формирует мотивационную сферу человека, по характеру которой можно судить к чему он готов, настроен,

стремится. Отсюда вывод: значимость мотивационной сферы студента для его профессионально-личностного развития более чем очевидна.

По мнению Е.Б. Фрайфельд, мотивация задает и направленность, и характер, и способности личности, оказывая на них решающее действие [9, С. 32]. Направленность определяет позицию человека, его личное отношение к миру, людям, к себе, своей деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), его интересы, склонности, убеждения, идеалы.

В рамках нашего исследования основу такой направленности составили представления студентов о способностях, сочетаниях личностных и профессиональных качеств, необходимых профессионалу, знание потенциала аутентичной англоязычной песенной музыки и условий его использования в целях профессионально-личностного совершенствования.

Как известно, мотивы возникают, развиваются, формируются на основе потребностей. Ведущими потребностями у студентов 1...3 курсов, как показало исследование, являются познавательная потребность, желание самоопределиться и самореализоваться как профессионал. В момент перехода потребностей из статуса непосредственных побуждений на уровень личностно-значимых норм у студентов складывается система ценностей, которая вызывает определенное отношение. Любая ценность несет эмоциональное значение для ее обладателя [9, С. 38]. В силу своей эмоциональности, присущей этому возрасту, студенты наиболее ценят то, что пробуждает в них сильные чувства. Чем сильнее эти чувства, тем более значимы для них соответствующие ценности.

На основании изложенного можно заключить, что в формировании ценностной системы человека важную роль играют мотивы и эмоции. Выполняя различные функции, эмоции и чувства управляют поведением человека в качестве «непроизвольного компонента» (Е.П. Ильин), выступают как «силы первичной мотивации, представляющие собой процессы, которые пробуждают,

поддерживают и направляют деятельность» (К. Липер). Эмоции оказывают влияние на восприятие информации, вызывают ответную реакцию на информацию, которую человек получает при помощи органов чувств, участвуют в процессе ее дальнейшей обработки.

Мы предполагаем, что использование аутентичной англоязычной песенной музыки на занятиях в рамках специально разработанных методик способствует формированию мотивов и системы ценностей студентов, поскольку песня, как правило, близка и понятна студентам по форме, духу и содержанию [7]. Более того, в силу особого эмоционального воздействия, аутентичная англоязычная песенная музыка как музыкальный жанр может вызвать у студентов интерес, радость, сопереживание или желание выразить свое отношение к услышанному.

Строя процесс обучения английскому языку на материале аутентичной англоязычной песенной музыки, мы создаем мотивационную основу творческой, созидательной деятельности и способствуем формированию целого комплекса компетенций, как необходимого условия успешной личностной и профессиональной самореализации.

Изложенное дает нам право заключить, что в основе формирования положительной устойчивой мотивации к профессионально-личностному развитию студентов лежит огромный педагогический потенциал англоязычной аутентичной песенной музыки.

2. Для успешного протекания процесса профессионально-личностного развития студентов необходимо обеспечить широкое использование возможностей англоязычной аутентичной песенной музыки, обладающей профессионально и личностно-формирующим потенциалом.

Как уже говорилось, роль аутентичной англоязычной песенной музыки в процессе обучения велика, поскольку в ней заложен огромный педагогический потенциал. Еще В.А. Сухомлинский утверждал, что, только находясь в музыкальной среде, можно

по-настоящему научиться чувствовать и осмысливать окружающий нас мир. Обучение через песенную музыку способно не только вооружить студента соответствующими личностными и профессиональными умениями, навыками и качествами, но и активно направлять его внимание на то ценностное и перспективное, что в дальнейшем поможет ему стать профессионалом в своей сфере.

Для эффективной реализации педагогического потенциала аутентичной англоязычной песенной музыки нами проанализированы и выделены принципы отбора аутентичной англоязычной песенной музыки для занятий по английскому языку, направленных на профессионально-личностное развитие студентов. Анализ работ Е.Н. Горкальцевой показал, что существует три группы принципов отбора англоязычных популярных песен. Первая группа принципов касается качества песни с точки зрения ее музыкального рисунка и художественной значимости. Вторая связана с оценкой смыслового компонента песни, а третья направлена на изучение непосредственно языкового материала в песенном тексте и вопросов дидактической организации работы с песней в зависимости от развития интересующих нас компетенций [4, С. 90]. Учитывая и дополняя данную классификацию, нами выделены следующие принципы отбора аутентичной англоязычной песенной музыки, реализующие ее педагогический потенциал:

1. Общезакономерные принципы:

– *гармоничное сочетание слов и мелодии в песне.* Все музыкальные компоненты аутентичной англоязычной песенной музыки оказывают воздействие на студентов. Слова и мелодия тесно взаимосвязаны: слова делают музыку более конкретной, а мелодия усиливает эмоциональную сторону текста. Иногда, услышав мелодию, студенты вспоминают слова, которые легли в ее основу, и наоборот;

– *наличие социокультурной ценности.* Ценностные ориентации выступают определенной линией поведения и отношений, интегрирующим фактором сознания

и поведения. Аутентичная англоязычная песенная музыка побуждает студентов к обсуждению вопросов, связанных с изучением истории, особенностей мировоззрения, идеалов, ценностей, обычаев культуры народа;

– *наличие смены ощущений в мелодии песни*. Потребность в новых впечатлениях и ощущениях заложена в человеке с младенческого возраста и сопровождает нас на протяжении жизни [3, С. 286]. Удовлетворение возрастных потребностей в смене впечатлений позитивно влияет на эмоциональное состояние студентов и, следовательно, их когнитивную деятельность.

2. Содержательно-смысловые принципы:

– *сюжетность*. Каждая песня, включенная в образовательный процесс, должна иметь полноценную информационную составляющую. Песня должна быть интересной в целях извлечения информации, иметь смысловое поле для своеобразных открытий, которые совершаются в результате восприятия, понимания и интерпретации песенного текста;

– *антропоцентричность*. Предполагается, что аутентичная англоязычная песенная музыка должна затрагивать потребности и переживания студентов. Песни такого содержания мотивируют студентов к осмыслению собственного отношения к сюжету песни, обращению к личному опыту, что способствует совершенствованию когнитивно-коммуникативных умений;

– *эмоциональность*. Как уже говорилось ранее, использование песни на уроке способствует созданию эмоционального состояния, мотивирует на осуществление учебной деятельности и целенаправленного формирования профессиональных и личностных качеств. С помощью эмоций человек ощущает свою сопричастность ситуации, а с лингводидактической точки зрения это провоцирует вербальную реакцию как следствие усиления мотивационного компонента.

3. Методические принципы:

– *дидактическая ценность*. Аутентичная англоязычная песенная музыка должна иметь большой обучающий потен-

циал. Это связано с развитием и совершенствованием лингво-, инфо-, социо- и культурно ориентированных компетенций. На основе текстового содержания песни преподавателем разрабатывается система дидактических упражнений, направленных на восприятие, понимание и интерпретацию информации из текста песни, более сложной по форме презентации, чем обычный аудиотекст;

– *соответствие языковому уровню студентов*. Важным фактором является коммуникативная направленность текстового содержания аутентичной англоязычной песенной музыки. Так, вслед за Б.П. Следниковым, мы считаем правомерным выделение следующих требований к текстовому содержанию песни: равномерное чередование не слишком коротких и не слишком длинных предложений; предельная ясность удержания первого предложения текста; равномерное распределение высоко- и низкоинформативных элементов в тексте; интонационная расчлененность речевого сообщения [5, С. 75].

– *языковая нормативность*. Целесообразно использовать аутентичную англоязычную песенную музыку, содержащую лексико-грамматический материал, обогащающий понятийный аппарат и расширяющий профессиональный тезаурус студентов. Кроме того, образцы английской речи из изучаемых произведений запоминаются студентами легче, быстрее и прочнее, чем при использовании только текстового речевого материала.

Таким образом, опираясь на указанные принципы отбора аутентичной англоязычной песенной музыки, реализующие ее педагогический потенциал, преподаватель определяет набор песенных произведений в зависимости от необходимости формирования личностной или профессиональной составляющей субъектности личности студента.

3. Внедрение учебно-методического сопровождения, позволяющего использовать англоязычную аутентичную песенную музыку в качестве средства профессионально-личного развития студентов, является следующим педагогическим условием.

Под учебно-методическим сопровождением мы понимаем разработку учебно-методического комплекса, т.е. совокупность учебно-методических документов, представляющих проект учебно-воспитательного процесса, который впоследствии будет реализован на практике [2].

Структуру учебно-методического обеспечения профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки мы представляем в виде комплекса основных и вспомогательных компонентов. Основные компоненты включают рабочую учебную программу по специальности, спецкурс «Обучение через аутентичную музыку», методические рекомендации преподавателю по организации профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки, методические указания для студентов. Вспомогательные компоненты составят следующие разработки: иллюстративный и справочный материал, вопросы к зачёту, материалы для контроля.

4. Осуществление диагностического сопровождения изменений, происходящих в профессионально-личностном развитии студентов при изучении иностранного языка с использованием аутентичной англоязычной песенной музыки является одним из педагогических условий.

В процессе профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки особое место отводится построению диагностики и самодиагностики изменений, происходящих в развитии студентов. Однако на практике диагностика пока не всегда воспринимается как обязательный компонент педагогического процесса. Следствием этого являются поверхностные знания студентов, усредненность всех педагогических установок (содержания, форм, методов, средств воздействия) при возрастающем индивидуальном своеобразии современных студентов и как следствие — низкий уровень профессионально-личностного развития будущих специалистов.

При осуществлении профессиональной диагностики мы, вслед за С.Е. Каплиной [6], применяли системный, динамический и гуманистический подходы. Так, целостное изучение личности студентов, как будущих специалистов, осуществлялось с применением системного подхода:

— диагностика состояния профессионально-личностного развития в двух направлениях — по «вертикали», когда мы изучали наличие разных видов компетентности; по «горизонтали», когда устанавливали реальное состояние этих видов компетентностей за счет развития мотивационной и деятельностной сферы студентов;

— выявлением качеств студентов, характерных для формирования личностной и профессиональной составляющих субъектности личности студента.

Мы также разделяем точку зрения А.К. Марковой в том, что динамический подход в диагностике проявляется в следующем:

все компоненты профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки выявляются не только в современном, актуальном состоянии, но и в перспективе, в динамике, в развитии;

— в диагностике важно как описание, констатация, классификация, измерения, так и возможные изменения и целенаправленное воздействие (обучающая профессиональная диагностика);

— следует понимать ограниченность возможностей профессионального прогноза вследствие большой пластичности и компенсаторности качеств человека. Если студент чего-то не умеет в своей профессии, это не исключает для него возможность, опираясь на другие имеющиеся ресурсы, развивать необходимые профессиональные способности и личностные качества.

Гуманистический подход в профессиональной диагностике заключается в следующем:

— при проведении диагностики важно учитывать, насколько у человека развиты те или иные качества, которые необходимы ему для осуществления профессиональной деятельности, и насколько сама профессия

удовлетворяет внутренней сущности человека, для того чтобы правильно определить траекторию его профессионально-личностного развития;

– при оценке уровня профессионально-личностного развития следует ориентироваться не только на внешние объективные показатели результативности, но и внутренние;

– необходимо четко определить согласованность мотивационной сферы труда человека (что он хочет) и операционной сферы (что он может сделать в плане своего профессионально-личностного развития);

– при осуществлении диагностики не следует пренебрегать самодиагностикой обучаемого, учитывая соотношение его самооценки с оценкой преподавателя.

Основные методы диагностики, которые мы применяли для определения уровня профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки – это наблюдение, беседа, устные и письменные опросы, анкетирование, тестирование, эксперимент, анализ творческой деятельности, самоанализ, зачеты, экзамены и др.

В соответствии с предметом нашего исследования диагностика протекала в два этапа. На первом этапе мы исследовали уровень знаний студентов в области аудирования аутентичной англоязычной песенной музыки. Для этого нами использована специально разработанная система упражнений и контрольных заданий, представленная в содержании спецкурса «Обучение через аутентичную музыку». На втором этапе мы выявляли уровень сформированности личностных и профессиональных качеств студентов. Для этого нами применялись: метод беседы, различные опросники и анкеты. При изучении профессиональных действий применялось непосредственное наблюдение. Занимаясь изучением мотивационной сферы студентов, надежным методическим приемом выяснения наличия мотивов и их характера стало включение студентов в различные виды дидактических игр и творческой деятельности, где им пришлось решать профессиональные задачи и учиться взаимодействовать в группе. Проявление способности к сотрудничеству и взаимодействию мы диагностировали методами наблюдения, экспертной оценки со стороны, а также самооценки самих студентов.

Результатом профессионально ориентированной диагностики стала разработка соответствующих рекомендаций по преобразованию личностной и профессиональной составляющих субъектности личности студентов, определением уровня их профессионально-личностного развития средствами аутентичной англоязычной песенной музыки, что было проверено в ходе практической деятельности.

Названные педагогические условия имеют комплексный характер, служат показателем успешности профессионально-личностного развития студентов, они взаимосвязаны, обеспечивают успешное функционирование каждого. Признаком, объединяющим названные условия в единый комплекс, является цель образовательной системы школы, обуславливающая подготовку квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, конкурентоспособного, компетентного, готового к эффективной работе на уровне мировых стандартов, к постоянному профессиональному росту [1, С. 106]. Кроме того, при формировании нового социального заказа в образовании резко возросло значение иностранного языка, который в период интеграции нашей страны в мировое сообщество становится необходимым условием осуществления профессионально-личностного развития современного специалиста.

Литература

1. Баканова И.Г. Профессионально-личностное развитие студентов – будущих экономистов средствами иностранного языка // Вестник Самарского государственного университета. 1995. № 64.1. С. 106-111.

Bibliography

1. Bakanova I.G. Professionalno-lichnostnoe razvitie studentov – budushhikh jekonomistov sredstvami inostrannogo jazyka // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 1995. № 64.1. S. 106-111.

2. Беспалько В.П., Татур Ю.Т. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов. М.: Высшая школа, 1989. 142 с.

3. Божович Л.И. Потребность в новых впечатлениях // Психология мотивации и эмоции. М.: ЧеРо, 2002. С. 286-291.

4. Горкальцева Е.Н. Развитие когнитивно-коммуникативных умений на основе англоязычной популярной песни в процессе обучения иностранному языку // Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 6 (108). С. 89-92.

5. Иванов А.А. Совершенствование английской разговорной речи на основе аутентичных песенных произведений: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 160 с.

6. Каплина С.Е. Профессиональная мобильность личности — залог качества подготовки будущих инженеров: науч. изд. Чита: ЧитГУ, 2008. 350 с.

7. Каплина С.Е., Серебренникова О.Л. Роль аутентичной англоязычной песенной музыки в профессионально-личностном развитии студентов высшей школы // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2012. № 3. (82). С. 83-90.

8. Низамов Р.А. Дидактические основы активизации учебной деятельности студентов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. 304 с.

9. Фрайфельд Е.Б. Художественный фильм как средство профессионально-личностного развития студентов при изучении иностранного языка в высшей школе: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2006. 257 с.

2. Bepalko V.P., Tatur Ju.T. Sistemno-metodicheskoe obespechenie uchebno—vospitatelnogo procesa podgotovki specialistov. M.: Vysshaya shkola, 1989. 142 s.

3. Bozhovich L.I. Potrebnost v novyh vpechatleniyah // Psihologiya motivacii i jemocii. M.: CheRo, 2002. S. 286-291.

4. Gorkalceva E.N. Razvitie kognitivno-kommunikativnyh umenij na osnove anglojazychnoj populjarnoj pesni v processe obuchenija ino-strannomu jazyku // Vestnik TGPU. 2011. Vyp. 6 (108). S. 89-92.

5. Ivanov A.A. Sovershenstvovanie anglijskoj razgovornoj rechi na osnove autentichnyh pesennyh proizvedenij: dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2006. 160 s.

6. Kaplina S.E. Professionalnaya mobilnost lichnosti — zalog kachestva podgotovki budushhih inzhenerov: nauch. izd. Chita: ChitGU, 2008. 350 s.

7. Kaplina S.E., Serebrennikova O.L. Rol autentichnoj anglojazychnoj pesennoj muzyki v professionalno-lichnostnom razvitii studentov vysshej shkoly // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2012. № 3. (82). S. 83-90.

8. Nizamov R.A. Didakticheskie osnovy aktivizacii uchebnoj deyatelnosti studentov. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1975. 304 s.

9. Frajfeld E.B. Hudozhestvennyj film kak sredstvo professionalno-lichnostnogo razvitiya studentov pri izuchenii inostrannogo jazyka v vysshej shkole: dis. ... kand. ped. nauk. N. Novgorod, 2006. 257 s.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Каплина С.Е., д-р пед. наук, доцент, зав. каф. «Иностранные языки», Забайкальский государственный университет
kse2000@list.ru

S. Kaplina, Doctor of Pedagogic Sciences, assistant professor, head of foreign languages department, Transbaikal State University

Научные интересы: теория и методика профессионального образования, обучение иностранному языку, инновационные технологии и методы обучения

Scientific interests: theory and methodics of professional education, teaching foreign languages, innovative technologies and methods of education

Серебренникова О.Л., аспирант, ассистент, каф. «Английский язык», Забайкальский государственный университет

O. Serebrennikova, postgraduate student, assistant of English language department, Transbaikal State University

Научные интересы: профессионально-личностное развитие, обучение иностранному языку, роль музыки в обучении студентов

Scientific interests: professional and personal development of students, teaching foreign languages, role of music in teaching students

УДК 37

Корсаков Сергей Владимирович
Sergei Korsakov

МОНИТОРИНГ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

MONITORING IN THE SYSTEM OF PRIMARY AND AVERAGE PROFESSIONAL EDUCATION

Статья посвящена проблеме актуализации модернизационных процессов в образовательных учреждениях начального и профессионального образования. В данных условиях особое значение приобретает качество оказания образовательных услуг, повышение которого позволяет решать теоретические и практические задачи, стоящие перед системой образования. Одним из успешных способов решения поставленных задач является мониторинг. В статье приводятся источники, задачи, принципы, методы и виды мониторинга. Автор рассматривает организацию мониторинга и его основные направления на примере ресурсного центра

Ключевые слова: модернизационные процессы, система начального и среднего профессионального образования, мониторинг, принципы, методы и виды мониторинга, ресурсный центр

The article is devoted to the problem of educational processes' currency improvement in the system of primary and average professional education. Under these conditions special attention is paid to the quality of educational services. The increasing of quality can help to solve theoretical and practical tasks in the educational system. One of the most successful means of solving such problems is monitoring. The sources, tasks, principles, methods and kinds of monitoring are given in the article. The author considers the organizing of monitoring and its main areas on the example of resource center

Key words: educational processes' currency improvement, system of primary and average professional education, monitoring, principles, methods and kinds of monitoring, resource center

В настоящее время в системе подготовки кадров на базе образовательных учреждений начального профессионального образования (НПО) и среднего профессионального образования (СПО) существуют различные формы социального партнерства, усиливается интеграция учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования, внедряются государственно-общественные формы управления. В данных условиях особое значение приобретает качество оказания образовательных услуг, повышение которого позволяет решать теоретические и практические задачи, стоящие перед системой образования.

В данном аспекте одним из эффективных способов решения поставленных задач является мониторинг, позволяющий анализировать, диагностировать и прогнозировать тенденции и направления развития системы образования, корректировать образовательную систему региона, отдельного города или деятельность конкретного образовательного учреждения.

В современных научных, методических трудах отсутствует единый подход к построению мониторинга применительно к системе НПО и СПО. Основные отличия заключаются в:

– толковании понятия эффективности и результативности работы учебного заведения;

– подходах к оценке возможностей образовательного учреждения и ответственности за результаты его деятельности;

– значимости роли мониторинга в организации образовательной среды учреждений профессионального образования и изучении влияния этой среды на развитие профессиональных и социальных компетенций студентов и др.

Проблемам применения мониторинга в образовательной практике посвящены работы исследователей О.А. Абдуллина, А.С. Белкин, Н.К. Жукова, С.Н. Силина, М.А. Домбровская, В.Д. Жаворонков, В.В. Коротаяева, В.А. Кальней, С.Е. Шишов, И.С. Краморенко, А.С. Курбанов, В.Г. Попов, В.П. Голубков, Л.Д. Федотова, Н.С. Худолый и другие.

Теоретические, методологические, методические аспекты мониторинга регулярно обсуждаются на Всероссийских, региональных совещаниях, семинарах (например, «Качество среднего профессионального образования как основной фактор совершенствования подготовки специалистов в условиях модернизации российского образования», 2003-2007 гг., 2008-2012 гг. в публикациях журналов «Среднее профессиональное образование», «Профессиональное образование. Столица», «Стандарты и мониторинг в образовании», «Неформальное образование» и др.

В научных исследованиях мониторинг является предметом изучения в аспектах:

– подготовки специалистов (например, докторской диссертации С.Н. Силиной «Профессиографический мониторинг становления специалиста в образовательном процессе педагогического вуза»);

– качества обучения в учреждениях профессионального образования региона в условиях рыночной экономики региональной значимости (кандидатская диссертация М.А. Домбровской «Мониторинг качества обучения в учреждениях профессионального образования региона в условиях рыночной экономики»);

– развития личностных качеств молодежи (Р.Т. Фархутдинова «Совершенствование управленческой деятельности по решению социальных проблем молодежи на основе мониторинга») и др.

Система управления качеством образования на основе новых технологий подробно рассматривается в работе Д.Ш. Матроса, Д.М. Полева, Н.Н. Мельниковой «Управление качеством образования на основе новых информационных технологий и образовательного мониторинга». Инновационные методы, базирующиеся на системе управления качеством образовательного процесса, представлены в исследованиях Е.В. Невмержицкой (2010-2012) [3].

В теоретическом аспекте авторы касаются содержания и сущности основных понятий качества образования, определения системы внешних и внутренних показателей на федеральном и региональном уровнях, квалитологии образования и квалитометрии – теории его измерения.

Вместе с тем, определение мониторинга до настоящего времени не имеет однозначного значения. Терминологические разногласия сказываются на постановке вопроса в целом и решении отдельных задач, а также на выборе адекватных процедур проверки и оценки результатов диагностики.

В целом в научной литературе понятие «мониторинг» имеет сходные трактовки. Расхождения связаны лишь со сферой его применения. Так, в словаре В.М. Полонского мониторинг определяется как «длительное наблюдение за состоянием обучения и воспитания и управления этими процессами путем своевременного информирования участников о возможном наступлении неблагоприятных, критических или недопустимых ситуаций» [3].

В некоторых исследованиях понятие «мониторинг» (от лат. monitor – напоминающий, надзирающий) определяется как планомерное диагностическое отслеживание профессионально-образовательного процесса; подчеркивается принципиальное отличие широко используемых в педагогике и психологии понятий «обратная связь»,

«рефлексия», «контроль» и «аттестация» от «мониторинга», главная задача которого — отслеживание учебно-воспитательного процесса, а не только результата образования.

Анализ работ, посвященных применению мониторинга в образовании, демонстрирует, что цели его использования самые разные, например, сбор, обобщение и первичный анализ информации о состоянии образования и основных показателях ее использования для оценки и прогнозирования тенденций развития, принятия обоснованных управленческих решений.

Задачами мониторинга выступают:

- организация наблюдений и измерений; получение достоверной и объективной информации об условиях проведения, содержании и результатах образовательного процесса;
- разработка и применение унифицированных нормативных документов, методик диагностики, процедур их использования; систематизация и апробация информации, проведения мониторинговых исследований на всех уровнях;
- разработка программного и технического обеспечения мониторинга и т.д.

Предметом мониторинга выступают конкретные изменения состояния системы образования в определенные периоды времени. Необходимо подчеркнуть важность анализа не только отдельных количественных и качественных показателей состояния образовательной системы, но и изменений, полученных в результате сравнений.

Объекты мониторинга также разнообразны: образовательные учреждения, органы управления образованием, структурные элементы и компоненты образовательных систем различных уровней, процессы формирования и развития, содержание образования, цели обучения, учебные программы, планы, методики, средства, запросы работодателей и др.

В исследовании Н.Л. Гунявиной «Научно-методические основы мониторинга реализации государственного образовательного стандарта СПО (на примере педагогических специальностей)» показано, что положительное влияние мониторинга

возможно в тех случаях, когда будет разработана научно обоснованная методика, направленная на получение целостной информации о соответствии фактических результатов освоения СПО образовательных стандартов основным целям, задачам и нормативам.

В условиях активной деятельности межрегионального ресурсного центра мониторинг становится реальным фактором как повышения результативности образовательного учреждения, так и управления учреждением профессионального образования в режиме развития. При этом если он будет направлен на анализ образовательной среды учебного заведения с точки зрения не только организации учебно-воспитательного процесса, но и учета возможностей, которые предоставляет эта среда для:

- создания условий развития личности;
- возможности трудоустройства выпускников;
- повышения квалификации мастеров профессионального обучения и преподавателей;
- организации разнообразных форм, видов и способов, адекватных особенностям конкретной образовательной ситуации учебного заведения;
- выбора индикаторов и показателей, позволяющих проследить взаимосвязь между компонентами учебно-воспитательного процесса;
- готовности инженерно-педагогического коллектива к возможным изменениям;
- своевременного принятия управленческих решений на основе объективных данных результатов обучения и социально-экономических требований, учета региональных особенностей и др.

Понимая мониторинг по отношению к сфере профессионального образования как комплекс различных диагностических процедур, применяемых для систематического измерения и оценки планируемых или существующих характеристик образовательной системы, выявим его отличия от традиционных методов оценки.

Мониторинг в системе НПО и СПО — это специально организованный непре-

рывный процесс выборочного или постоянного наблюдения на основе предварительно планируемых и научно обоснованных показателей, характеризующих текущие и прогнозируемые изменения системы или ее отдельные элементы, отражающие состояние подготовки специалистов в учреждении профессионального образования с целью получения оперативных данных в аспекте их соответствия поставленным целям, принятия коррекционно-упреждающих мер, управленческих, научно обоснованных решений.

Мониторинг охватывает все структуры, отделы, службы учреждения профессионального образования, включая индивидуальный мониторинг обучающихся, студентов, слушателей, выполняет качественные, контрольно-наблюдательные, управленческие, прогностические, информационные, социальные функции.

Критериями мониторинга являются степень соответствия целям, задачам, нормам, требованиям применительно к конкретному объекту мониторинга; изменение состояния конкретного объекта мониторинга системы профессионального образования.

Опыт работы в Межрегиональном ресурсном центре КАС № 7 позволил нам определить основные принципы мониторинга, которые могут быть применимы ко всей системе профессионального образования:

– принцип системности – проведение мониторинга, соответствующего целям и характеру исследуемых процессов на основе разовых, периодических, постоянных или выборочных наблюдений за объектами, субъектами образовательной системы и их отношениями;

– принцип научности – проведение мониторинга должно базироваться на анализе научных данных, которые поддаются эмпирической проверке и идентификации и могут быть подтверждены или опровергнуты другими исследователями;

– принцип объективности и непротиворечивости, включающий выбор данных, которые объективно существуют и не противоречат друг другу. Речь идет об иден-

тичных результатах, полученных разными группами наблюдателей при оценке уровня готовности рабочих, специалистов и т.д. к профессиональной деятельности;

– принцип целостности, включающий проверку показателей, комплексная характеристика которых дает полное представление об объекте в целом, а не только об отдельных его частях;

– принцип оперативности и прогностичности, требующий получения информации для принятия управленческих решений в необходимый момент времени, а не в тот момент, когда произошедшие изменения не могут быть скорректированы;

– принцип адекватности, предполагающий выбор процедур измерения, адекватных целям и задачам мониторинга, а также возможностям и этическим нормам;

– принцип масштабности, характеризующий федеральным, региональным, муниципальным или индивидуальным охватом объектов и субъектов мониторинга. Имеется в виду мониторинг всего образовательного пространства или его отдельных составляющих.

Основные источники мониторинга, используемые в деятельности учреждений НПО и СПО, это:

– статистические данные;

– социологические исследования;

– материалы контроля знаний (в т.ч. итоги аттестации образовательного учреждения и т.п.);

– отчеты учреждения профессионального образования;

– результаты анкетирования, опроса, интервью;

– результаты конкурсов, олимпиад обучающихся, студентов;

– результаты выпускных квалификационных экзаменов, экзаменационных материалов;

– результаты промежуточного и итогового тестирования студентов, слушателей, обучающихся.

Инструментарием мониторинга являются формы статистической отчетности, анкеты, опросные листы, различного рода задания и методики. Собственно монито-

ринг представляет собой совокупность процедур сбора, обработки, представления и распространения информации, организацию и обеспечение соответствующих мониторинговых процедур.

При использовании методов оценки результатов мониторинга, проводимого на базе любого Межрегионального ресурсного центра, применяются:

- метод сравнительной оценки (сравнение с нормами качества СПО);
- экспертиза (внутренняя и внешняя);
- анкетирование студентов, обучающихся, слушателей, родителей, представителей предприятий, учреждений, организаций, в т.ч. строительной отрасли, связанное с оценкой качества подготовки на базе межрегионального ресурсного центра;
- опрос (индивидуальный и в группах);
- протоколы наблюдений и др.

Основными средствами оценки результатов мониторинга являются тесты для оценки знаний; оценочные средства, моделирующие практическую деятельность; социологический инструментарий. Эти характеристики могут быть найдены с помощью индикаторов, недоступных непосредственному измерению. Отношения индикатора и теоретического знания носят вероятностный характер. Один и тот же индикатор может указывать на разные теоретические свойства, поэтому для фиксации теоретического свойства необходима совокупность индикаторов. Другое свойство индикатора – его контекстуальность. Индикатор указывает на развитость определенного свойства или признака только в определенном контексте.

На уровне отдельного учреждения профессионального образования мониторинг направлен на конкретные объекты педагогической деятельности: результаты образовательного процесса, выраженные в педагогических целях данного образовательного учреждения:

- учебный процесс (реализуемый уровень образования);
- результаты обучения (планируемый уровень образования);

– результаты обучения и учет степени удовлетворенности преподавателей, мастеров производственного обучения и студентов, обучающихся, слушателей качеством преподавания и учения (достигнутый уровень).

Таким образом, результаты мониторинга не пассивно регистрируют фактическое положение дел, а оказывают активное влияние на дальнейшее развитие образовательного учреждения, творческий потенциал инженерно-педагогического коллектива, повышение уровня профессиональной компетентности участников мониторинга – работодателей, социальных партнеров, мастеров производственного обучения, педагогов и управленцев.

Мониторинг, с одной стороны, позволяет вовлечь педагогов и мастеров производственного обучения в систематическую диагностику качества образования, с другой – предполагает не только улучшить, но и выявить резервные возможности саморазвития творческого потенциала педагога. Он обеспечивает преподавателей, руководителей структур учебного заведения объективной и своевременной информацией, необходимой для принятия решений по управлению, пересмотру, внесению корректив в целевые, технологические, организационные, информационные, нормативные параметры организации подготовки специалистов; дает возможность прогнозировать результаты на разных этапах образовательного процесса [2].

Мониторинг в учреждении НПО и СПО – это специально организованный непрерывный процесс поиска групп и комплексного анализа показателей с целью оперативного диагностирования и прогнозирования состояния образовательной системы в соответствии с поставленными целями, выработка коррекционно-упреждающих мер управленческого воздействия. При проведении мониторинга учитываются:

- характеристика учебного заведения;
- качественный состав абитуриентов;
- качество подготовки специалистов;
- востребованность в рабочих и специалистах на региональном рынке труда;

- квалификация инженерных и педагогических кадров;
- содержание профессионального образования;
- научная и инновационная работа в образовательном учреждении;
- охрана и укрепление здоровья обучающихся;
- информационно-методическое и материально-техническое обеспечение образовательного процесса;
- управление учреждением НПО и СПО.

Эффективная организация мониторинга на уровне ресурсного центра связана с определением и выбором оптимального сочетания разнообразных форм, видов и способов мониторинга, целей обучения на каждом этапе реализации Федеральной целевой программы, исходя из квалификационной характеристики и модели специалиста, разработанных в соответствии с федеральным и региональным компонентами государственного образовательного стандарта СПО [5].

Повышение эффективности подготовки рабочих и специалистов на базе ресурсного центра на основе мониторинга представляет собой систему поэтапного отслеживания основных результатов обучения на планируемом, реализуемом и достигнутом уровнях.

Мониторинг на этапе планирования предполагает оценку квалификационных характеристик, учебных планов по специальностям, программно-методического обеспечения учебного процесса, содержания и уровня усвоения, которые достигаются в процессе и результате подготовки специалистов СПО.

Мониторинг на реализуемом уровне позволяет комплексно оценить уровень готовности студентов к профессиональной деятельности.

Мониторинг на этапе достигнутого дает возможность сравнить цели, планируемые и реализуемые, внести соответствующие коррекционные изменения в его организацию.

Применительно к СПО специалистами Межрегионального ресурсного центра вы-

делена следующая классификация мониторинга:

- по целям обучения (стратегический, тактический, оперативный);
- по этапам обучения (входной, промежуточный и итоговый); по временной зависимости (ретроспективный, текущий, опережающий);
- по частоте процедур (разовый, периодический, систематический);
- по охвату объекта наблюдения (локальный, выборочный, сплошной);
- по организационным формам (индивидуальный, групповой, фронтальный);
- по формам объект-субъектных отношений (внутренний и внешний).

Мониторинг обеспечивает преподавателей, мастеров производственного обучения, руководителей служб Межрегионального ресурсного центра качественной и своевременной информацией, необходимой для принятия решений по управлению, пересмотру, внесению корректив в целевые, технологические, организационные, информационные, нормативные параметры организации подготовки рабочих и специалистов, дает возможность прогнозировать результаты на разных этапах образовательного процесса.

Мониторинг образовательных учреждений профессионального образования охватывает учебно-воспитательный процесс в целом и его составные части:

- содержание образования;
- учебные планы по специальностям;
- программы учебных дисциплин;
- формы и методы преподавания и учения;
- методы оценки и проверки знаний студентов на разных этапах учебно-воспитательного процесса;
- содержание и организацию профессиональной практики;
- занятость мастеров производственного обучения и преподавателей учебной нагрузкой;
- инновационную и исследовательскую работу педагогического коллектива;
- материально-техническое и информационное обеспечение образовательного процесса и др.

Все это способствовало стабильности и качеству подготовки специалистов среднего звена, а также позволило обеспечить переход образовательных учреждений из режима функционирования в режим развития.

При использовании результатов исследования Н.Г. Бурковой [1] определены основные направления мониторинга подготовки специалистов в учреждении НПО и СПО (см. таблицу).

Основные направления мониторинга подготовки специалистов среднего звена в учреждениях начального и среднего профессионального образования

Направление	Задачи	Результат
Социально-экономическое проектирование подготовки кадров в условиях региона	Изучить перспективные потребности региона в кадрах; выявить перспективную потребность региона в специалистах; прогнозировать введение новых перспективных специальностей; спрогнозировать роль и функции учебного заведения в предоставлении образовательных услуг населению; выявить перспективные потребности в переподготовке и повышении квалификации кадров региона	Создание инструментария для изучения перспективных потребностей региона в кадрах; получение данных: о потребности в специальностях по которым ведется подготовка; о потребности региона в образовательных услугах
Личностно ориентированная модель образования	Выявить и охарактеризовать систему индивидуальных траекторий обучения студентов в условиях среднего профессионального образования; определить цели, задачи, функции каждой из индивидуальных траекторий обучения; создать вариативные учебные планы и программы применительно к разным траекториям обучения студентов; разработать систему объективного контроля за качеством обучения	Методические рекомендации, интегративные программы, экспериментальные учебные планы; сравнительная характеристика качества подготовки студентов в учебном заведении
Содержание профессиональной подготовки студентов учреждения СПО	Изучить вопросы содержания профессиональной подготовки студентов; определить принципы отбора, структурирования, содержания учебных планов, программ и их соответствие требованиям госстандарта	Рекомендации по совершенствованию учебных планов и программ
Технологии профессиональной подготовки студентов учреждения СПО	Исследовать технологии профессиональной подготовки студентов, выявить их сходство и различия; проанализировать изменения педагогических технологий при переходе выпускников среднего специального учебного заведения в высшее; разработать эффективные образовательные технологии обучения	Теоретическое обоснование технологий образовательной и профессиональной подготовки студентов
Содержание и организация самостоятельной работы студентов в учреждении СПО	Обобщить имеющийся опыт организации самостоятельной работы студентов; выявить соотношение аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов, а также трудозатраты, необходимые для ее осуществления; разработать технологии организации самостоятельной работы студентов; подготовить методические рекомендации для преподавателей и студентов	Методическое пособие по организации самостоятельной работы студентов в системе непрерывного профессионального образования
Организация и содержание производственной (профессиональной) практики	Определить эффективное соотношение теоретической и практической подготовки студентов на разных этапах профессионального образования; выявить эффективность различных видов проведения производственной (профессиональной) практики; обосновать содержание практической подготовки студентов, определить виды, цели, содержание производственной (профессиональной) практики и необходимые для ее проведения трудозатраты	Учебно-методическое пособие по производственной (профессиональной) практике студентов

Окончание таблицы

Направление	Задачи	Результат
Мониторинг качества подготовки студентов на разных этапах профессионального образования	Обосновать показатели качества подготовки студентов на разных этапах профессионального образования; определить виды и формы мониторинга качества подготовки студентов на разных этапах профессионального образования и методику их организации; разработать систему квалификационных заданий с целью диагностики и коррекции качества подготовки студентов	Учебно-методическое пособие «Мониторинг качества подготовки студентов на разных этапах профессионального образования»
Система управления образовательным процессом	Обосновать принципы, функции, критерии и виды управления образовательным процессом, программу повышения квалификации преподавателей; разработать программу управления образовательным процессом, повышением квалификации преподавателей	Программа управления образовательным процессом. Программа повышения квалификации преподавателей
Развитие информационно-технической базы учреждения СПО	Разработать перспективный план развития информационно-технической базы учебного заведения; разработать технологию обучения студентов на основе использования компьютерных программ, телекоммуникаций и др.	Программа развития информационно-технической базы учебного заведения; методические рекомендации по совершенствованию форм организации учебного процесса на основе использования современных информационных технологий
Совершенствование системы планирования, организации и управления учебно-воспитательным процессом в учебном заведении	Разработать систему отбора и поддержки талантливых студентов, а также планирования и организации системы образования; разработать и внедрить адаптивную модель учебного заведения; обосновать и выстроить иерархию направлений развития учебного заведения	Модель развития учебного заведения

Таким образом, принципиальные отличия мониторинга от традиционных методов измерения образовательного процесса состоят в том, что результаты мониторинга не пассивно регистрируют фактическое положение дел, а оказывают активное влияние на дальнейшее развитие образовательного учреждения, творческий потенциал инженерно-педагогического коллектива, повышение уровня его профессиональной компетентности на рост конкурентоспособности и обеспечение устойчивости развития образовательного учреждения.

При этом необходимо сформировать определенную информационную систему, которая будет транслировать профессионально значимые требования и требования компетентности в систему профессионального образования [4]. В этих условиях могут быть выделены мониторинг исполнения и мониторинг ситуации.

Мониторинг исполнения может рассматриваться как комплекс различных диагностических процедур, применяемых для

систематического измерения и оценки планируемого хода реального процесса обучения относительно изначального плана.

Мониторинг ситуации предполагает измерение того, как изменяются или не изменяются определенные требования или набор требований, определяющих кадровые ресурсы в стране в целом и данном конкретном регионе с учетом потребностей рынка. Это позволит получить информацию для обоснования необходимости изменения образовательной программы, адаптировать ее к новым формам практики обучения обучающихся / студентов / слушателей.

Мониторинг федерального и регионального компонентов государственного образовательного стандарта СПО позволяет сделать процесс структурно целостным; кроме того, дает возможность осуществить преемственность на всех этапах профессионального образования; способствует сохранению, развитию и повышению квалификации инженерно-преподавательского состава, а также стимулирует инноваци-

онную деятельность педагогов и мастеров производственного обучения в сфере профессионального образования.

В учреждениях НПО и СПО мониторинг реализуется на разных уровнях. На уровне планирования мониторинг учитывает цели и задачи учебно-воспитательного процесса, требования к квалификации педагогического коллектива. На уровне реализации мониторинг направлен на учет степени достижения поставленных целей педагогическим коллективом и администрацией, учет степени удовлетворенности преподавателей и студентов качеством преподавания и учения.

Применение сформулированных принципов проведения мониторинга (системности, научности, объективности и непротиворечивости, целостности, оперативности и прогностичности, адекватности, масштабности) позволяет выявлять взаимосвязь профессиональных технологий и предметных знаний, выстроить и упорядочить учебный материал по каждому предмету / дисциплине на основе последних достижений педагогической науки и логики изучаемого предмета / дисциплины. В результате у студентов формируются наглядные и содержатель-

ные представления о будущей специальности / профессии.

На основе мониторинга принципиально изменяется структура образовательного процесса, обеспечиваются новые этапы изучения профессии / специальности. Каждый этап включает освоение новых знаний как рубежных и построение более полной модели профессии / специальности. В частности:

1) формирование на основании полученных знаний базы профессиональных знаний и умений специалиста;

2) на этапе изучения социальных и общекультурных отношений между профессией / специальностей и социумом профессиональные знания вводятся в контекст культуры (города, региона, страны);

3) изучаемые предметы и дисциплины дают понимание технологий, способов и методов решения профессиональных задач, а также повышают качество итогового продукта.

Применение мониторинга будет эффективным при условии заинтересованности всех участников образовательного процесса в получении объективной и достоверной информации, наличия определенной материально-технической базы.

Литература

Bibliography

1. Буркова Н.Г. Мониторинг образовательной среды в учреждении среднего профессионального образования // Среднее профессиональное образование. 2008. № 2.

2. Денисова Л.Н., Якубов А.В. Мониторинг качества учебно-производственного обучения в среднее профессиональном образовании (из опыта работы) // Современные научные технологии. 2007. № 10.

3. Корсаков С.В. Модернизационные процессы в образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования: монография. Граница, 2012. 156 с.

4. Малышев Е.А. Система образования как одна из основ формирования саморазвивающихся регионов // Вестник ЧитГУ. 2012. № 4 (83).

5. Мониторинг развития региональной системы образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. № 2. 3033 с.

1. Burkova N.G. Monitoring obrazovatelnoj sredy v uchrezhdenii srednego professionalnogo obrazovaniya // Srednee professionalnoe obrazovanie. 2008. № 2.

2. Denisova L.N., Jakubov A.V. Monitoring kachestva uchebno-proizvodstvennogo obucheniya v sredne professionalnom obrazovanii (iz opyta raboty) // Sovremennye nauchnye tehnologii. 2007. № 10.

3. Korsakov S.V. Modernizacionnye processy v obrazovatelnyh uchrezhdenijah nachalnogo i srednego professionalnogo obrazovaniya: monografiya. Granitsa, 2012. 156 s.

4. Malyshev E.A. Sistema obrazovaniya kak odna iz osnov formirovaniya samorazvivajushihhsja regionov // Vestnik ChitGU. 2012. № 4 (83).

5. Monitoring razvitiya regionalnoj sistemy obrazovaniya // Standarty i monitoring v obrazovanii. 2000. № 2. 3033 s.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Корсаков С.В., канд. пед. наук, директор, ГБОУ СПО Колледж архитектуры и строительства № 7, г. Москва
07@prof.educom.ru

S. Korsakov, Candidate of Pedagogic Sciences, director, GBOU SPO College of Architecture and Construction № 7, Moscow

Научные интересы: теория и методика профессионального образования, модернизационные процессы в системе НПО и СПО, инновационные технологии и методы обучения

Scientific interests: theory and methodics of professional education, modernization processes in the system of primary and secondary professional education, innovative technologies and methods of education

УДК 37.012

Поздеева Светлана Игнатовна
Svetlana Pozdeeva

Швецов Михаил Юрьевич
Mikhail Shvetsov

ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕНИИ КАК ЗАЛОГ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА

THE NEED FOR COMMUNICATION, AS A PLEDGE OF THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A STUDENT

Статья посвящена проблеме развития коммуникативной компетентности будущих педагогов. Коммуникативная компетентность студента рассматривается как одно из ведущих и стержневых образований личности и понимается как составная профессиональной компетентности.

Выявлены основные принципы построения содержания коммуникативной деятельности студентов. Обоснованы психолого-педагогические условия, способствующие развитию коммуникативной компетентности будущего учителя, при которых студент вынужден занимать активную личностную позицию

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, профессиональная компетентность, коммуникативные способности

The article deals with the problem of the development of the communicative competence of future teachers. The communicative competence of a student is considered as one of the main structures of personality, the main component of professional competence. The authors examined the basic principle of the communicative content of students. The authors proved the psychological-pedagogical conditions; psycho-pedagogical conditions favour the development of the communicative competence of a future teacher

Key words: communicative competence, professional competence, communication skills

Поиск условий развития ключевых компетентностей студентов, в том числе коммуникативной, в практике решается на основе анализа осознанной деятельности субъекта, концепция формирования и развития которой разработана в русле культурно-исторической теории личности (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Д.Б. Эльконин, Б.Д. Эльконин и др.).

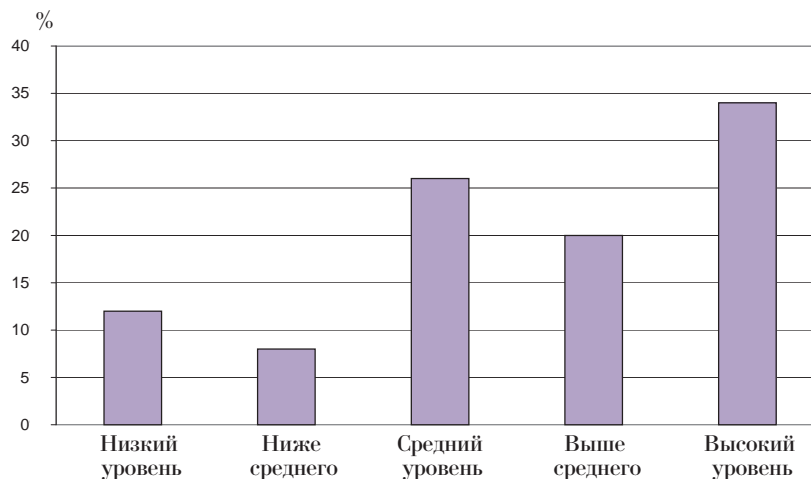
В разработке условий развития коммуникативной компетентности как ключевой

мы опираемся на одну из наиболее важных идей Л.С. Выготского о том, что источник психического развития находится не внутри личности, а в её отношениях с окружающими, которые не противостоят личности и не перестраивают её природу, но являются органически необходимым условием её развития [3]. Однако решающее значение для возникновения потребности в общении имеет позиция педагога в отношении к студенту. Педагог открывает в студенте прежде всего личность. Это открытие стано-

вится началом потребности в общении, которая и побуждает коммуникативную деятельность. В этой логике отношение педагога к студенту предшествует деятельности общения и определяет ее.

Прежде чем организовывать работу по созданию условий, способствующих развитию коммуникативной компетентности, мы провели анкетирование студентов 2

курса с целью выявить у них уровень проявления коммуникативных и организаторских способностей. В ходе анализа результатов анкетирования отмечено, что лишь 34 % из числа студентов 2 курса обладают высоким уровнем развития коммуникативных способностей и 20 % – выше среднего (см. рисунок).

Результаты анкетирования по выявлению коммуникативных и организаторских способностей студентов 2 курса, 12.10.2007 г.

Если обратиться к продуктам коммуникативной деятельности, то первейшими из них являются взаимоотношения партнеров по коммуникации. Они зарождаются, меняются и развиваются в ходе коммуникации. При этом степень и качество взаимоотношений определяются характером общения. «Партнер, который позволяет собеседнику удовлетворить потребность в общении..., вызывает у него симпатию и расположение. Чем больше общение с партнером соответствует конкретному содержанию потребности собеседника (во внимании, уважении, сопереживании), тем больше тот его любит» [10].

Другим продуктом коммуникативной деятельности является образ себя и другого, который становится результатом познания различных качеств (своих и другого). В процессе коммуникации они отражаются в сознании и формируют образ другого человека и самого себя. «Образ самого себя воз-

никает у студента в ходе различных видов жизненной практики: опыта индивидуальной деятельности и опыта общения. Именно общение вызывает особенно острую нужду в самопознании и создает наилучшие условия для его протекания» [10].

Исходя из изложенного, можно предположить, что развитие коммуникативной компетентности особенно важно для студентов, поскольку общение является ведущей деятельностью в общеобразовательном учреждении и основные трудности в общении студенты испытывают из-за недостаточной сформированности коммуникативных умений. В свою очередь учебный процесс в определенной степени усугубляет эту проблему: образовательная практика все еще носит преимущественно информационный характер: студента готовят к получению диплома, сохранению и воспроизведению теоретической информации по учебным дисциплинам. Это обусловило активный

поиск коммуникативно-направленного содержания при изучении отдельных дисциплин. Обращаясь к работам Д.И. Архаровой, М.Т. Баранова, Г.Б. Вершининой, Т.Д. Долининой, Т.А. Лодыженской, М.Р. Львова, НА. Пленкина, А.П. Чудинова и других, мы определили результат развития коммуникативной компетентности как развитие коммуникативных умений:

– выразить свою мысль (в устной и письменной форме) осмысленно, грамматически правильно, используя различные источники информации;

– самоопределяться в социуме, в группе, в межличностных отношениях;

– понимать ценности своей и чужой позиции в коммуникации при решении конкретных проблем;

– сотрудничать, владеть собой, предвидеть последствия своих речевых действий, владеть основными методами разрешения и предотвращения конфликтных ситуаций.

Практика показывает, что для повышения эффективности процесса освоения коммуникативных умений необходимо создание таких психолого-педагогических условий, при которых студент вынужден занимать активную личностную позицию и наиболее полно раскрываться как субъект учебно-воспитательной деятельности. Выделим основные из них:

1. Интерактивное ведение занятий. Реализуя коммуникативный подход, педагог не только способствует усвоению студентами норм эффективного коммуникативного взаимодействия, но и развивает базовые способности личности к рефлексивному мышлению, аналитическому подходу, к предметному содержанию, самовыражению. Поэтому на лекциях создаются проблемные ситуации, вопросы, которые позволяют студентам самостоятельно проанализировать проблему, сделать определённые умозаключения. Например, в рамках изучения дисциплины «Социальная психология», рассматривая тему «Природа конфликтов и пути их разрешения», предлагаются следующие задания: работа с ассоциациями, проживание студентами конфликтных ситуаций на «телесном» и

эмоциональном уровнях, тренировка умения взглянуть на ситуацию с различных точек зрения и др.

2. Организация предметных недель, направленных на применение различных форм групповой и индивидуальной работы. Ежегодно в рамках «Недели педагогики» студенты принимают активное участие в тематических конференциях, творческих лабораториях, конкурсах. Ряд докладов студентов напрямую связан с проблемой развития коммуникативной компетентности. Так, например, доклады студентов 4 курса: «О коммуникативной культуре учителя», «Роль общения в жизни человека» и др.

3. Реализация межпредметных проектов студентов на основе коммуникативной деятельности. Их главная цель – креативное самовыражение в контексте того или иного предметного содержания, развитие коммуникативных способностей. Так, студенты старших курсов, применяя знания, полученные на занятиях информатики и используя информационные технологии, защищают собственные творческие мультимедийные проекты.

4. Коммуникативная направленность внеаудиторной деятельности. В учебном заведении создано Студенческое научное общество – это форма внеаудиторной деятельности студентов, которая сочетает в себе работу над учебными исследованиями, коллективное обсуждение промежуточных и итоговых результатов этой работы, организацию круглых столов, дискуссий, дебатов, интеллектуальных игр, публичных защит, конференций.

Совет Студенческого научного общества является инициатором многих творческих дел. Студенты предлагают темы мероприятий, продумывают вопросы для обсуждения за круглым столом, разрабатывают положения конкурсов, конференций, составляют задания для интеллектуальных игр.

В привлечении студентов к учебно-исследовательской деятельности в рамках СНО важную роль играют информирование и агитация. С этой целью Совет сту-

денческого научного общества использует разнообразные способы педагогической «рекламы»: стенгазеты, выступления в группах, День СНО, экскурсии в музей колледжа, презентации новых членов СНО, устная «реклама», проводимая активными участниками, листовки и газета «Начинающий исследователь».

Опыт работы СНО позволяет утверждать, что это именно тот вид педагогического взаимодействия, в котором максимально раскрываются возможности сотрудничества, соавторства, сотворчества. Выступление с докладами, участие в научно-практических конференциях, круглых столах являются школой научного творчества, постоянного поиска, самосовершенствования исследовательских и коммуникативных умений.

Работа в студенческом научном обществе представляет важнейший этап подготовки к педагогической деятельности, способствует углублению профессиональных знаний, помогает выработать исследовательские умения, развивает педагогическое мышление, коммуникативную компетентность и творческие способности учителя-исследователя.

Реализуя коммуникативный подход в учебной деятельности, отметим основные принципы построения содержания коммуникативной деятельности студентов на занятии:

– *речевая направленность обучения через общение*. Это означает практическую ориентацию занятия. Прежде всего, это касается содержания, форм и методов его организации. Чем ближе они к реальному общению, тем эффективнее;

– *функциональность* предполагает, что освоение предмета происходит в коммуникативной деятельности. Например, студент выполняет какую-либо коммуникативную задачу: подтверждает мысль, сомневается в услышанном, спрашивает о чем-то, утверждает собственную точку зрения и др.;

– огромное значение играет *ситуативность*, ролевая организация учебного занятия. Принципиально важным является

отбор и организация материала на основе коммуникативных ситуаций, которые интересуют студентов. Чтобы развить коммуникативную компетентность студентов, необходимо помочь им изучать и осваивать окружающий мир при помощи коммуникативного взаимодействия;

– важное значение имеет *личностная ориентация общения*. Один человек отличается от другого своими природными свойствами (способностями), умением осуществлять коммуникативную деятельность, своими личностными характеристиками;

– *коллективное взаимодействие* – такой способ организации учебного процесса, при котором студенты активно общаются друг с другом и условие успеха каждого является условием успеха остальных.

Особенности работы в ходе реализации условий, способствующих развитию коммуникативной компетентности студентов, заключались в использовании следующих приемов:

1) применение коммуникативных упражнений. При коммуникативном обучении все упражнения должны быть по характеру речевыми, т.е. упражнениями в общении. Так, например, Е.И. Пассов выстраивает два ряда упражнений: условно-речевые (специально организованные для формирования навыка работы с темой, проблемой, идеей, типом и стилем речи, планом, конспектом, структурой устного или письменного высказывания и т.д.) и речевые (пересказ текста, описание процесса, комментирование, презентация собственных текстов и др.) [3]. При изучении некоторых тем студентам предоставляется возможность составить свои собственные тексты, сочинить стихи. При изучении дисциплины «Социальная психология» по теме «Природа конфликтов и пути их решения» студенты составляют портреты конфликтной личности;

2) ведение мониторинга коммуникативного развития студентов. Специально подобранный диагностический инструментарий позволяет проводить самооценку и взаимооценку полученных результатов

коммуникативной деятельности. С этой целью разработан и апробирован социально-психологический практикум по развитию коммуникативной компетентности студентов;

3) расширение пространства общения. «Погружению» в коммуникативную среду способствуют классные часы, тренинги и соответствующие групповые занятия.

Выполнение названных условий, способствующих развитию коммуникативной компетентности студентов, привело к позитивным результатам. Анализируя результаты тестирования студентов выпускных групп, мы отмечаем, что 94 % из числа опрошенных обладают достаточным уровнем развития коммуникативных способностей. Студенты выпускных групп в ходе преддипломной практики продемонстрировали широкий спектр умений – интеллектуальных, коммуникативных, организационно-деятельностных; проявили индивидуальные творческие способности как в общении с детьми, так и в выборе форм организации учебных занятий, показав особенно высокий результат в коммуникативном взаимодействии с учениками и учителями школ: количественное применение различного рода коммуникативных действий (выражение согласия и несогласия, аргументирование, формулирование вопроса и ответа на вопрос, спонтанные высказывания и др.).

Таким образом, понимание обозначенной проблемы позволило нам обогатить содержание процесса подготовки специалистов, разработать и обосновать условия, способствующие развитию коммуникативной компетентности будущего учителя. Коммуникативная компетентность выступает одним из ведущих и стержневых образований личности и понимается нами как составная профессиональной компетентности, которая характеризуется единством личностных и профессиональных ценнос-

тей, обуславливающих направленность педагога на другого субъекта взаимодействия. Основными ее составляющими являются способность к согласованию и соотнесению своих действий с другими, принятию и восприимчивости другого; потребность в другом как партнере коммуникации, к расширению границ коммуникации; готовность к гибкому тактичному взаимодействию с другим, к рефлексивной деятельности. [12] Диалоговые формы организации процесса изучения психолого-педагогических дисциплин, наличие коммуникативно-диалоговых ситуаций, рефлексивный характер оценки усвоения содержания играют важную роль в профессиональной подготовке и способствуют развитию коммуникативной компетентности молодых специалистов.

Коммуникативная компетентность, как справедливо заметил В.С. Библер, характеризует неповторимость индивида. [6] На наш взгляд, коммуникативная компетентность педагога является основой профессионально-педагогической деятельности и определяет ее успешность.

Профессиональное своеобразие педагогической деятельности заключается в том, что дидактическая (содержательная) подсистема реализуется через коммуникативную (формообразующую). Каждое дидактическое воздействие должно иметь определенное коммуникативное обеспечение. Личностным, психологическим основанием, базисом такого обеспечения являются способности педагога, причем коммуникативные способности являются интегративными, они формируют его коммуникативную компетентность и замыкают на себе все педагогические способности. Таким образом, развитие коммуникативной компетентности будущего педагога – обязательное условие его профессиональной подготовки.

Литература

1. Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога // Педагогика. 2003. № 10. С. 51-55.

Bibliography

1. Vvedenskij V.N. Modelirovanie professionalnoj kompetentnosti pedagoga // Pedagogika. 2003. № 10. S. 51-55.

2. Кучугурова Н.Д. Формирование профессиональной компетентности будущего специалиста // Проблемы и перспективы педагогического образования в XXI веке. М., 2000. С. 360-362.

3. Личностно-ориентированный урок: конструирование и диагностика / под ред. М.И. Лукьяновой. М.: Педагогический поиск, 2008.

4. Лукьянова М.И. Локальная профессиональная среда как фактор развития компетентности педагогов // Управление ДОУ. 2007. № 2. С. 8-13.

5. Лукьянова М.И. Психолого-педагогическая компетентность учителя // Педагогика. 2001. № 10. С. 56-61.

6. Маркова А.К. Психология труда учителя. М.: Академия, 2003.

7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с.

8. Равен Дж. Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы / пер. с англ. 2-е изд., испр. М.: Когито-Центр, 2001. 142 с.

9. Сорокина Т.М. Развитие профессиональной компетенции будущих учителей начальной школы: монография. Нижний Новгород: НГПУ, 2002. 168 с.

10. Сорокина Т.М. Развитие профессиональной компетенции будущего учителя средствами интегрированного учебного содержания // Начальная школа. 2004. № 2. С. 110-114.

11. Халзакова Л.А. Теория и практика формирования самообразовательной компетентности учителя // Вестник ЗабГУ. Чита, 2012. № 10. С. 52-57.

12. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.

2. Kuchugurova N.D. Formirovanie professionalnoj kompetentnosti budushhego specialista // Problemy i perspektivy pedagogicheskogo obrazovaniya v XXI veke. M., 2000. S. 360-362.

3. Lichnostno-orientirovannyj urok: konstruirovaniye i diagnostika / pod red. M.I. Lukijanovoj. M.: Pedagogicheskij poisk, 2008.

4. Lukiyanova M.I. Lokalnaya professionalnaya sreda kak faktor razvitija kompetentnosti pedagogov // Upravlenie DOU. 2007. № 2. S. 8-13.

5. Lukiyanova M.I. Psihologo-pedagogicheskaja kompetentnost uchitelja // Pedagogika. 2001. № 10. S. 56-61.

6. Markova A.K. Psihologija truda uchitelja. M.: Akademija, 2003.

7. Raven Dzh. Kompetentnost v sovremennom obshhestve: vyjavlenie, razvitie i realizacija: per. s angl. M.: Kogito-Centr, 2002. 396 s.

8. Raven Dzh. Pedagogicheskoe testirovanie: Problemy, zabluzhdenija, perspektivy / per. s angl. 2-e izd., ispr. M.: Kogito-Centr, 2001. 142 s.

9. Sorokina T.M. Razvitie professionalnoj kompetencii budushhih uchitelej nachal'noj shkoly: monografija. Nizhnij Novgorod: NGPU, 2002. 168 s.

10. Sorokina T.M. Razvitie professional'noj kompetencii budushhego uchitelja sredstvami integrirovannogo uchebnogo sodержaniya // Nachal'naja shkola. 2004. № 2. S. 110-114.

11. Halzakova L.A. Teoriya i praktika formirovaniya samoobrazovatel'noj kompetentnosti uchitelja // Vestnik ZabGU. Chita, 2012. № 10. S. 52-57.

12. Hutorskoj A.V. Kljuchevye kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy // Narodnoe obrazovanie. 2003. № 2. S. 58-64.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Поздеева С.И., ст. преподаватель, каф. БЖД, Забайкальский государственный университет
kafedra.bjd@mail.ru

S. Pozdeeva, senior teacher, safety of life department, Transbaikal State University

Научные интересы: педагогика, социальная психология, деловая культура, коммуникативная культура, исследовательская деятельность

Scientific interests: pedagogic activities, social psychology, business and communicative culture, research activities

Швецов М.Ю., д-р пед. наук, профессор, декан факультета социальных и политических систем, Забайкальский государственный университет
skstl@mail.ru

M. Shvetsov, Doctor of Pedagogic Sciences, professor, dean of Social and Political Systems faculty, Transbaikal State University

Научные интересы: педагогика, психология, социология, политические науки

Scientific interests: pedagogic activities, psychology, sociology, political sciences

Социальная медицина

УДК 615.917

Михайличенко Сергей Игоревич
Sergey Mikhailichenko

Горбунов Владимир Владимирович
Vladimir Gorbunov

АНДРОГЕННЫЙ ДЕФИЦИТ И ЖИРНОКИСЛОТНЫЙ ДИСБАЛАНС КАК ФАКТОР, УВЕЛИЧИВАЮЩИЙ СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫЙ РИСК У ПАЦИЕНТОВ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

THE ANDROGEN DEFICIENCY AND FATTY ACID IMBALANCE AS A FACTOR THAT INCREASES CARDIOVASCULAR RISK IN PATIENTS WITH ALCOHOL DEPENDENCE

Изложены факторы риска развития сердечно-сосудистых заболеваний при алкогольной зависимости. Указываются и объясняются такие понятия как «возрастной андрогенный дефицит», «ожирение», «сердечно-сосудистые заболевания». Дается оценка состояния андрогенного статуса и жирнокислотного состава липидов крови у лиц с алкоголизмом с учетом критерия ожирения. Автор считает, что андрогенный дефицит и жирнокислотный дисбаланс могут служить основой для развития сердечно-сосудистых заболеваний и являться фактором, увеличивающим сердечно-сосудистый риск у пациентов с алкогольной зависимостью

Ключевые слова: алкоголизм, возрастной андрогенный дефицит, андрогенный статус, сердечно-сосудистые заболевания, ожирение, жирнокислотный состав липидов крови, смертности

The factors of cardiovascular diseases development at alcoholic dependence are described in the offered article. Such concepts as age androgenic deficiency, obesity, cardiovascular diseases are specified and explained. The assessment of a condition of androgenic status and fatty acid structure of blood lipids at persons with alcoholism, taking into account criterion of obesity is given in the work. The authors come to the conclusion that androgenic deficiency and fatty acid disorders are reasons of cardiac risk in the patient with chronic alcoholism

Key words: alcoholism, age androgenic deficiency, androgenic status, diseases of cardiovascular system, obesity, fatty acid structure of blood lipids, mortality

Несмотря на распространенное представление о том, что алкоголь предохраняет сосуды от атеросклероза, в многочисленных исследованиях показано, что хроническая алкогольная интоксикация является независимым фактором риска развития ишемической болезни сердца (ИБС)

[3]. Прием большого количества алкоголя, или абстинентный синдром, часто сопровождается повышением артериального давления, способным привести к поражению органов-мишеней (гипертоническая энцефалопатия, острое нарушение мозгового кровообращения, острый коронарный

синдром, острая сердечная недостаточность, расслаивающая аневризма аорты). В настоящее время проблема алкоголизма занимает ведущие позиции в современном обществе во всех странах мира. Количество смертей в Российской Федерации по причине злоупотребления алкоголем составляет 600...800 тыс. ежегодно [4]. «С середины 60-х гг. и до начала XXI в. в России гибель людей, связанная с пьянством, сравнима с потерями в Отечественной войне» [10]. Численность населения России к 1 января 2012 г. составила 143 млн человек и с начала 1996 г. уменьшилась на 5,3 млн человек (на 3,6 %) [19]. Следует учитывать, что численные потери компенсируются на 50...60 % возросшей в последние годы миграцией населения из других стран, а естественная убыль сохраняется на высоком уровне, несмотря на незначительный рост рождаемости в последнее время. По данным доклада «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации», подготовленного в рамках Программы развития ООН, население Российской Федерации действительно умирает с большей скоростью и в более ранних возрастах, чем во всех развитых странах, а рождаемость, хотя и несколько возросла в последние годы, не обеспечивает даже простое воспроизводство населения. Так, на 100 женщин приходится 127 детей, это почти в 2 раза ниже, чем необходимо для того, чтобы население РФ хотя бы не уменьшалось [8]. Причиной депопуляции в Российской Федерации является также сверхсмертность людей трудоспособного возраста [5].

Ежегодно в РФ происходит рост потребления абсолютного количества алкоголя на душу населения, что, безусловно, сопровождается увеличением числа больных хроническим алкоголизмом. Абсолютное количество выпитого спирта на душу населения в РФ составляет 17 л, что в два раза превышает показатели, свидетельствующие о национальном бедствии. Следует учитывать влияние алкоголя на репродуктивную функцию. Лица молодого и зрелого возраста — до 40 лет (до 67 % от общего числа больных алкоголизмом) представляют наиболее

значимый в биологическом, экономическом и социальном плане контингент населения. В то же время значительная часть (44,3 %) из них не участвует (12,9 % — холосты, 37,3 % — разведены) в важных демографических процессах воспроизводства населения [1]. У государства существуют свои демографические интересы, но личность имеет право самостоятельно выбирать — участвовать ей в репродуктивных процессах или постараться избежать этого участия [6].

Остается актуальной проблема возрастного андрогенного дефицита, который развивается у мужчин после 40 лет (partial androgen deficiency of aging men (PADAM), и ожирения. Установлено, что при ожирении патология липидного обмена выражается в избытке насыщенных жирных кислот и недостатке эссенциальных ненасыщенных жирных кислот в сыворотке крови. [14]. Безальтернативно считается, что наличие гипогонадизма ассоциируется с комплексом рисков поражения сердечно-сосудистой системы, таких как ожирение, сахарный диабет, атеросклероз, артериальная гипертензия [15]. Гормональные нарушения в первую очередь способствуют отложению жира преимущественно в висцеральной области, а также непосредственно или опосредованно развитию инсулинорезистентности и метаболических нарушений [2]. Подтверждена и непосредственная связь между уровнем половых гормонов и развитием атеросклероза. В исследовании Sieminska L. показано, что уровень свободного тестостерона достоверно ниже у пациентов с коронарным атеросклерозом [17].

Самой частой причиной ранней мужской смертности по-прежнему остаются сердечно-сосудистые заболевания, а лишь затем — смерти от «внешних факторов» (куда относятся и насильственные смерти, и суицид, и катастрофы, и т.д.) [9]. Огромные алкогольные потери России составляют не только прямые (например, отравления алкоголем), но и не прямые, когда чрезмерное употребление спиртного провоцирует различную сердечную патологию. Этанол оказывает прямое кардиодепрессивное

действие, независимо от добавочного действия ацетальдегида, который повреждает миокард аналогичным образом [18].

В настоящее время роль гипогонадизма и нарушений липидного обмена при алкоголизме на развитие сердечно-сосудистых нарушений не определена. Имеется незначительное количество исследований, в которых сопоставляются показатели гормонального фона, жирнокислотного состава крови при ожирении и алкогольной зависимости.

Для решения этих вопросов является актуальным изучение состояния андрогенного статуса и жирнокислотного состава липидов крови у лиц с алкоголизмом, с учетом критерия ожирения.

В этой связи в настоящее исследование включено 33 мужчины, которые были распределены на три группы: первая группа – контрольная (12 человек). Окружность талии в данной группе составляла менее 94 см; вторая и третья группы – 11 и 10 % соответственно являлись исследуемыми и включали пациентов с диагнозом: алкогольная зависимость второй стадии; окружность талии в данных группах составляла более 94 и менее 94 см соответственно. Средний возраст пациентов – $44,7 \pm 1,2$ лет.

Содержание гормонов определяли методом иммуноферментного анализа с использованием стандартных наборов реагентов: «СтероидИФА-тестостерон» «СтероидИФА-секс-стероид-связывающий глобулин», фирмы «Алкор-Био», Россия. Измерение проводили на микропланшетном ридере Multiscan (DigiScan), Австрия при длине волны 450 нм.

С целью определения фракционного состава ВЖК в сыворотке крови и эритроцитах проводили экстракцию липидов из плазмы и эритроцитов крови и метилирование жирных кислот по соответствующей методике (1995) [18]. Метилловые эфиры жирных кислот анализировали на газовом хроматографе «Кристалл 2000 м» (Россия) с плазменно-ионизационным детектором. В работе использовали капиллярную колонку FFAP. Разделение выполняли в изотермическом режиме функционирования тер-

мостата колонок при температуре 176 °С, температуре инжектора 250 °С. Скорость потока газа-носителя (азот) – 20 мл/мин. Для калибровки прибора применяли стандартные смеси метиловых эфиров жирных кислот фирмы «Sigma» (USA). Аналогичным способом определяли фракционный состав ВЖК в эритроцитах крови. Расчеты выполнены с помощью программы Microsoft Excel и пакета Statistica 6.0. для Windows. Рассчитывали средние величины, их средние отклонения и стандартные ошибки. Гипотезу о равенстве средних оценивали по критерию Стьюдента. Вероятность того, что статистические выборки различались, существовала при $p < 0,05$.

При анализе андрогенного статуса пациентов выявлено следующее: наибольшее снижение показателей общего тестостерона отмечалось во второй группе – $9,78 \pm 1,7$ нмоль/л. Данный показатель в третьей испытуемой группе изменялся статистически недостоверно и составил $13,38 \pm 2,92$ нмоль/л, относительно контроля – $19,79 \pm 2,37$ нмоль/л.

В результате исследования секс-стероид связывающего глобулина по соответствующей методике статистически значимых отличий в изучаемых группах обнаружено не было.

При определении концентрации свободного тестостерона показатели были статистически достоверны и составили: во второй опытной группе – $156 \pm 44,5$ пкмоль/л, в третьей опытной группе – 226 ± 23 пкмоль/л. Концентрация гормона в изучаемых группах была достоверно ниже контрольной группы в 91 % случаев. Контрольные данные составили 445 ± 74 пкмоль/л.

Исследование жирнокислотного состава сыворотки и эритроцитов крови показало следующее: при анализе спектра свободных жирных кислот в сыворотке крови значения опытной группы статистически достоверно не отличались от контрольной группы. При исследовании фракционного состава высших жирных кислот в эритроцитах крови выявлено следующее: во всех опытных группах наблюдается значимое увеличение спектра насыщенных и моно-

ненасыщенных жирных кислот (преимущественно за счет повышения миристиновой (C14:0), пентадекановой (C15:0), пентадеценовой (C15:1), гептадекановой (C17:0) кислот) относительно контрольной группы также достоверно повышался показатель суммы насыщенных жирных кислот ($44,494 \pm 0,42$ и $45,2 \pm 0,46$ во второй и третьей изучаемых группах соответственно). При исследовании полиненасыщенных жирных кислот (ПНЖК) в опытных группах отмечается снижение γ -линоленовой, арахидоновой и докозопентаеновой кислот относительно контрольной группы. Также показатель суммы ПНЖК в исследуемых группах ($30,86 \pm 0,81$ и $33,94 \pm 0,51$ во второй и третьей группах) был ниже контрольных показателей ($35,49 \pm 0,93$). Коэффициент соотношения ненасыщенных/насыщенных кислотам: контрольная группа – 1,356, первая опытная группа – 1,246, вторая опытная группа – 1,210.

В проведенном исследовании у пациентов с алкогольной зависимостью в большинстве случаев отмечался андрогенный дефицит и изменения в жирнокислотном спектре клеточных мембран эритроцитов крови в виде увеличения насыщенных, мононенасыщенных жирных кислот и снижения полиненасыщенных жирных кислот. Подобные изменения более выражены у пациентов с абдоминальным ожирением. Полученные данные согласовываются с ли-

тературными, что при употреблении этанола происходит активация тканевых липаз, в результате триглицериды расщепляются на свободные жирные кислоты и глицерин, в связи с чем в крови накапливается избыточное количество свободных жирных кислот [16]. Вследствие накопления больших количеств насыщенных жирных кислот и снижения полиненасыщенных жирных кислот в клетках возникает дестабилизация мембранных ферментных систем и функционирования в кардиомиоцитах калий-натриевого насоса. Это в значительной мере изменяет клеточную проницаемость для ионов калия, что создает условия для развития нарушений ритма сердца [7,11,12]. Cristensen J.N. et al. показано, что полиненасыщенные жирные кислоты увеличивают текучесть клеточных мембран, усиливают обменные процессы, обладают противоритмическим действием, повышая порог фибрилляции желудочков снижая риск возникновения острых сердечно-сосудистых событий [13].

Таким образом, согласно проведенному исследованию, полученные показатели андрогенного статуса и жирнокислотные нарушения в эритроцитах крови у больных с алкоголизмом могут служить основой для развития сердечно-сосудистых заболеваний и являться фактором, увеличивающим сердечно-сосудистый риск у данной категории пациентов.

Литература

1. Артемчук А.Ф. Распространенность сердечно-сосудистой патологии у больных алкоголизмом. М.: Медицина, 1999. С. 289-295.
2. Бутрова С.А. Метаболический синдром: патогенез, клиника, диагностика, подходы к лечению. Русский медицинский журнал 2001. № 2. С. 56-60.
3. Верткин А.Л., Цыганков Б.Д., Москвичев В.Г. Гендерспецифические аспекты алкоголюбловленных соматических заболеваний // Терапевт. 2008. № 7. С. 60-68.
4. Волкотруб Л.П., Докторова Э.Е., Михайлова С.А. Эпидемиология суцидов в Республике Алтай // Социальная медицина и организация здравоохранения. М., 2005. С. 46.
5. Говорин Н.В., Сахаров А.В. Алкогольная смертность: монография. Томск; Чита: Изд-во «Иван Федоров», 2012. 164 с.

Bibliography

1. Artemchuk A.F. Rasprostranennost serdechno-sosudistoj patologii u bolinyh alkogolizmom. M.: Medicina, 1999. S. 289-295.
2. Butrova S.A. Metabolicheskiy sindrom: patogenez, klinika, diagnostika, podhody k lecheniju. Russkij medicinskiy zhurnal 2001. № 2. S. 56-60.
3. Vertkin A.L., Cygankov B.D., Moskvichev V.G. Genderspecificcheskie aspekty alkogol obuslovlennyh somaticheskikh zabolevanij // Terapevt. 2008. № 7. S. 60-68.
4. Volkotrub L.P., Doktorova Je.E., Mihajlova S.A. Jepidemiologija suicidov v Respublike Altaj // Social'naja medicina i organizacija zdravooхранenija. M., 2005. S. 46.
5. Govorin N.V., Saharov A.V. Alkogol'naja smertnost': monografija. Tomsk; Chita: Izd-vo «Ivan Fedorov», 2012. 164 s.

6. Михайличенко С.И. Криминологический анализ репродуктивного поведения и отношения к проблеме небезопасного аборта среди студенток города Читы // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2011. № 12. С. 43-48.

7. Мравян С.Р. Повреждение миокарда и состояние его метаболизма при миокардите и ДКМП // Кардиология. 1995. № 2. С. 73-76.

8. Народ вымирает. Доклад «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации», подготовленный в рамках Программы развития ООН: статья // Известия. 2007. № 210. С. 3-4.

9. Недогода С.В., Чаляби Т.А. Сосудистая жесткость и скорость распространения пульсовой волны: новые факторы риска сердечно-сосудистых осложнений и мишени для фармакотерапии // Артериальная гипертензия. 2006. № 4. С. 17-18.

10. Немцов А.В. Алкоголизм в России: история вопроса, современные тенденции // Журнал неврологии и психиатрии. 2007. № 1. С. 3-7.

11. Скворцов Ю.И. Поражение сердца при алкоголизме // Российский кардиологический журнал. 2000. № 5. С. 41-44.

12. Abrahan R., Rieversa R.A., Wood D. Adipose fatty acid composition and risk of serious ventricular arrhythmias in acute myocardialinfarction // Amer.J. Cardiol. 1989. Vol. 63. P. 269-272.

13. Cristensen J.N., Dyerberg J., Schmidt E.B. B. n-3 fatty acid and risk of sudden cardiac death assessed by 24-hour heart rate variability // Lipids. 1999. Vol. 34. P. 197.

14. Hino A., Adachi H. Et al. Very long chain n-3 FA intake and carotid atherosclerosis. Atherosclerosis 2004; 176. P. 145-149.

15. Lund F. Rasmussen F. // Br. J. Urol. P. 1988.

16. Ontko J. Effects of etanol on the metabolism of free fatty acids in asolated liver ceiiis // J. Lipid. Res. 1973. Vol. 14, № 1. P. 78-86.

17. Sieminska L. Et al. Med Sei Monit. 2003; 9(5). P. 214-218.

18. Willem Onkenhout, Vicki Venizelos, Peter F. H. van der Poet, CLIN. CHEM. 2005. 41/10. P. 1467-1474.

19. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: Электронный ресурс. [Режим доступа]: <http://www.gks.ru>. 18.05.2012 г.

6. Mihajlichenko S.I. Kriminologicheskij analiz reproduktivnogo povedenija i otnoshenija k probleme nebezopasnogo aborta sredi studentok goroda Chity // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2011. № 12. S. 43-48.

7. Mravjan S.R. Povrezhdenie miokarda i sostojanie ego metabolizma pri miokardite i DKMP // Kardiologija. 1995. № 2. S. 73-76.

8. Narod vymiraet. Doklad «O razvitii chelovecheskogo potenciala v Rossijskoj Federacii», podgotovlennyj v ramkah Programmy razvitija OON: statiya // Izvestija. 2007. № 210. S. 3-4.

9. Nedogoda S.V., Chaljabi T.A. Sosudistaja zhestkost i skorost rasprostraneniya pulsovoj volny: nove faktory riska serdechno-sosudistyh oslozhenij i misheni dlja farmakoterapii // Arterialnaja gipertenzija. 2006. № 4. C. 17-18.

10. Nemcov A.V. Alkogolizm v Rossii: istorija voprosa, sovremennye tendencii // Zhurnal nevrologi i psihiatrii. 2007. № 1. S. 3-7.

11. Skvorcov Ju.I. Porazhenie serdca pri alkogolizme // Rossijskij kardiologicheskij zhurnal. 2000. № 5. S. 41-44.

12. Abrahan R., Rieversa R.A., Wood D. Adipose fatty acid composition and risk of serious ventricular arrhythmias in acute myocardialinfarction // Amer.J. Cardiol. 1989. Vol. 63. P. 269-272.

13. Cristensen J.N., Dyerberg J., Schmidt E.B. B. n-3 fatty acid and risk of sudden cardiac death assessed by 24-hour heart rate variability // Lipids. 1999. Vol. 34. P. 197.

14. Hino A., Adachi H. Et al. Very long chain n-3 FA intake and carotid atherosclerosis. Atherosclerosis 2004; 176. P. 145-149.

15. Lund F. Rasmussen F. // Br. J. Urol. P. 1988.

16. Ontko J. Effects of etanol on the metabolism of free fatty acids in asolated liver ceiiis // J. Lipid. Res. 1973. Vol. 14, № 1. P. 78-86.

17. Sieminska L. Et al. Med Sei Monit. 2003; 9(5). P. 214-218.

18. Willem Onkenhout, Vicki Venizelos, Peter F. H. van der Poet, CLIN. CHEM. 2005. 41/10. P. 1467-1474.

19. Oficialnyj sajt Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki: Jelektronnyj resurs. [Rezhim dostupa]: <http://www.gks.ru>. 18.05.2012 g.

Коротко об авторах

Михайличенко С.И. ассистент, каф. «Пропедевтика внутренних болезней», Читинская государственная медицинская академия
Тел.: 8-914-443-34-83

Научные интересы: терапия, наркология, уголовное право и криминология, репродуктивная сфера человеческой жизни

Briefly about the authors

S. Mihajlichenko, assistant, Propaedeutics of internal diseases department, Chita State Medical Academy

Scientific interests: therapy, narcology, criminal law and criminology, reproductive sphere of human life

Горбунов В. В., д-р мед. наук, профессор, зав. каф. «Пропедевтика внутренних болезней», Читинская государственная медицинская академия

V. Gorbunov, Doctor of Medical Sciences, professor, head of Propedeutics of internal diseases department, Chita State Medical Academy

Научные интересы: кардиология, терапия, нар-
кология

Scientific interests: cardiology, therapy, narcology

УДК 615, 616.8

*Сафронова Екатерина
Сергеевна
Ekaterina Safronova*

*Юнцев Сергей
Васильевич
Sergey Yuntsev*

*Белозерцев Юрий
Алексеевич
Yureiy Belozertsev*

ПОИСК ПРОТИВОСУДОРОЖНЫХ СРЕДСТВ С МНОГОФАКТОРНЫМ НЕЙРОПРОТЕКТОРНЫМ ДЕЙСТВИЕМ ДЛЯ ТЕРАПИИ ДИФФУЗНОЙ АКСОНАЛЬНОЙ ТРАВМЫ МОЗГА

SEARCH ANTISPASMS DRUGS WITH MULTIFACETED NEUROPROTECTIVES PROPERTIES FOR TREATMENT DIFFUSE AXONAL INJURY OF BRAIN

Исследована эффективность противосудорожных средств у животных с диффузным аксональным повреждением мозга (ДАП) в различные сроки посттравматического периода. Установлено, что вальпроат натрия в ранний и поздний посттравматические периоды оказывал выраженное противосудорожное, а также умеренное антигипоксическое и антиишемическое действие. Установлено, что ламотриждин обладал высокой противосудорожной активностью в отдаленный период ДАП. Кроме того, ламотриждин проявлял выраженный антигипоксический и антиишемический эффект на протяжении всего посттравматического периода

Ключевые слова: диффузное аксональное повреждение, вальпроат натрия, ламотриждин, нейропротекция

The efficiency of antispasms drugs was studied at animals with diffuse axonal injury (DAI) in various terms of the posttraumatic period. It was established valproate sodium to show the expressed antispasms, moderate antihypoxemic and antiischemic action both in early and during the late posttraumatic period. It was established lamotrigine possessed high antispasms activity in the remote period of DAI. In addition, lamotrigine has been pronounced antiischemic and antihypoxemic effect throughout the posttraumatic period

Key words: diffuse axonal injury, valproate sodium, lamotrigine, neuroprotection

Лечение экологозависимых заболеваний является одной из важнейших проблем в современной медицинской науке. В последние десятилетия наблюдается пандемическое распространение техногенной

черепно-мозговой травмы (ЧМТ) в связи с увеличением количества скоростных транспортных средств, индустриализацией, локальными военными конфликтами и т.п. [1,3]. Среди повреждений головного моз-

га после автомобильных аварий наиболее часто развивается диффузная аксональная травма. Диффузное аксональное повреждение (ДАП) характеризуется тяжелым клиническим течением и формированием длительных посттравматических расстройств [8]. В острый период ЧМТ характеризуется высоким риском развития посттравматических судорог (ПТС) у пациентов, которые являются одним из ведущих факторов вторичного повреждения мозга. ПТС встречаются в 8...15 % случаев средней и тяжелой ЧМТ [2, 5, 6]. В настоящее время нет единого мнения о выборе противосудорожных средств для лечения и профилактики ПТС. Для лечения ПТС при ЧМТ рекомендуют применять карбамазепин, фенитоин, фенобарбитал, вальпроаты, но нет убедительных данных, в том числе основанных на результатах рандомизированных исследований, о преимуществах предлагаемых антиконвульсантов [4]. Следовательно, актуальной задачей является поиск новых противосудорожных средств с многофакторными нейропротекторными свойствами для терапии диффузной аксональной травмы мозга.

Цель работы. Изучить нейропротекторную активность противосудорожных средств вальпроата натрия и ламотриджина в условиях диффузного аксонального повреждения мозга.

Материалы и методы. Эксперименты выполнены на 150 белых мышах массой 20...30 г в соответствии с «Правилами лабораторной практики при проведении доклинических исследований в РФ» (ГОСТ 3 51000.3 – 96 и 51000ю4 – 96) и Приказом МЗ РФ № 267 от 19.06.2003 г. ЧМТ наносили с помощью модели травмы путем инерционного ускорения у животных в модификации J. Meythaler под эфирным наркозом [10]. Повреждение мозга проводили в течение 60 с при скорости движения животного 60 см/с. Состояние механизмов защиты от ишемических, гипоксических и судорожных расстройств оценивали на 3, 7 и 14-е сутки посттравматического периода ЧМТ. Антиишемическую активность препаратов определяли после декапитации на уровне

1-го шейного позвонка по продолжительности и частоте агонального дыхания [9]. Антигипоксическую активность препаратов регистрировали по величине резервного времени у мышей в условиях гермокамеры [7]. Противосудорожный эффект препарата регистрировали по продолжительности латентного и тонико-клонического периодов на модели генерализованных тонико-клонических электрошоковых судорог [7]. Препараты вводили п/к в течение 14 суток посттравматического периода с учетом межвидового перерасчета доз: вальпроат натрия 100 мг/кг, ламотриджин 25 мг/кг [7]. Статистическая обработка данных проведена с использованием пакета программ «Биостат». Оценку статистической значимости различий (контроль-опыт) проводили по критерию (t) Стьюдента и критерию (U) Манна - Уитни.

Результаты. В серии экспериментов исследовано противосудорожное действие препаратов после травмы мозга. Диффузное аксональное повреждение мозга снижало продолжительность тонического периода судорог у контрольной группы животных на 42...57 % ($p < 0,05$) в сравнении с интактной (табл.1). При этом защитный индекс существенно не менялся. После курсового введения вальпроата натрия установлено уменьшение продолжительности судорог на 3-и сутки (вальпроат натрия $3,7 \pm 1,4$, контроль $9,2 \pm 1,1$, $p < 0,05$) и 14-е сутки посттравматического периода (вальпроат натрия $2,4 \pm 0,6$, контроль $8,1 \pm 0,63$, $p < 0,05$). Также зарегистрировано значительное (в 2,5 раза) повышение защитного индекса на 14-е сутки после ЧМТ в сравнении с контрольной группой животных ($p < 0,05$). Ламотриджин в первые сутки после ДАП незначительно снижал продолжительность судорог и увеличивал количество животных, защищенных от судорог в сравнении с контролем (табл. 2). В последующем на 8-е и 14-е сутки посттравматического периода ламотриджин оказывал выраженное противосудорожное действие, существенно уменьшая продолжительность судорог (в 2,1 и 2,3 раза соответственно, $p < 0,05$). Одновременно на 8-е сутки посттравматического

периода на фоне введения ламотриджина отмечалось достоверное увеличение количества животных, защищенных от судорог (на 44,6

%, $p < 0,05$), а на 14-е сутки защитный индекс существенно не менялся по сравнению с контролем.

Таблица 1

Противосудорожное действие вальпроата натрия и ламотриджина после диффузного аксонального повреждения мозга

Группа животных, препарат и число наблюдений	Сутки после ЧМТ	Латентный период тонической экстензии, с	Длительность тонической экстензии, с	Защитный индекс
Контрольная 1 Интактные (n=10)	–	0,9±0,07	15,9±3,3	0/10
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=9	3	0,9±0,05	9,2±1,1*	0/9
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=7)		0,6±0,2*	3,7±1,4*	3/7*
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)	8	0,3±0,09*	8,8±3,2	2/7
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=8		0,9±0,12	6,8±1,4*	1/8
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=7)	14	0,6±0,1*	5,5±1,8	1/7
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		0,3±0,14*	3,1±1,5*	4/7*
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=8	14	1,1±0,12*	8,1±0,6*	3/8
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=16)		0,6±0,1*	2,4±0,6*	8/16*
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		0,3±0,14*	3,5±1,3*	3/7

Примечание. Статистическая значимость различий: контроль 1 (интактные животные) – контроль 2 (мыши после ЧМТ); контроль 2 (мыши после ЧМТ) – опыт (ЧМТ + препараты): * при $p < 0,05$. n – количество мышей

Таким образом, вальпроат натрия оказывал выраженное противосудорожное действие на 3-и и 14-е сутки посттравматического периода, тогда как ламотриджин на 8-е и 14-е сутки после ДАП.

В следующей серии экспериментов проведено изучение динамики выносливости мышей в посттравматический период к двум факторам вторичного повреждения мозга – гипоксической гипоксии и гиперкапнии (табл. 2). На протяжении всего посттравматического периода отмечается снижение продолжительности резервного времени жизни (РВЖ) контрольных животных (мыши с ЧМТ) в гермокамере на 34,8...40 % ($p < 0,05$) по сравнению с

интактной группой, что свидетельствует о снижении устойчивости нейронов к гипоксии с гиперкапнией на фоне диффузного аксонального повреждения мозга.

Введение вальпроата натрия достоверно увеличивало устойчивость животных к гипоксии на 8-е и 14-е сутки посттравматического периода. РВЖ возрастало соответственно на 24 и 17 % ($p < 0,05$). На фоне курсового введения ламотриджина выявлено повышение РВЖ на протяжении всего посттравматического периода на 14,1...80,3 % ($p < 0,05$), при этом максимум антигипоксического эффекта наблюдался на 3-и сутки после травмы мозга (табл. 2).

Таблица 2

Влияние противосудорожных средств на устойчивость экспериментальных животных к гипоксии при диффузном аксональном повреждении мозга

Группа животных, препарат и число наблюдений	Сутки после ЧМТ	Время наступления судорог, мин	Резервное время жизни, мин
Контрольная 1 Интактные (n=10)	–	29,3±2,3	30,4±2,3
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=6)	3	18,2±0,2*	19,8±2,1*
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=7)		20,2± 1,5	21,4±1,6
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		34,5±3,5*	35,7±3,5*
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=6)	8	17,5±2,0*	18,3±2,0*
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=7)		21,0± 1,1*	22,7±1,2*
Опытная 2 Ламотриджин (n=)		28,5±2,8 *	29,5±2,8*
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=6)	14	19,5±1,2*	20,5±1,2*
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=12)		22,7±0,9*	24,0±0,9*
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		22,1±1,3*	23,4±1,3*

Примечание. Статистическая значимость различий: контроль 1 (интактные животные) – контроль 2 (мыши после ЧМТ); контроль 2 (мыши после ЧМТ) – опыт (ЧМТ+препараты): * при $p < 0,05$. n – количество мышей

Таким образом, анализ антигипоксического действия препаратов в различные сроки острого периода ЧМТ выявил существенные различия в динамике эффективности вальпроата натрия и ламотриджина.

Исследование устойчивости животных к глобальной ишемии после ДАП продемонстрировало уменьшение продолжительности времени гаспинга у контрольной группы на 3-и и 14-е сутки посттравматического периода на 20 и 15,3 % соответственно ($p < 0,05$), а его частота в сравнении с интактными животными осталась без изменений (табл. 3). На фоне введения вальпроата натрия в посттравматический период установлено достоверное увеличение времени гаспинга на 3-и и 14-е сутки

(33,3 и 11,6 % соответственно, $p < 0,05$), при этом частота агональных дыхательных движений менялась неоднозначно: на 3-и сутки находилась на одном уровне с контролем, а спустя 7 и 14 суток после ДАП повышалась на 29,6 и 20,0 % соответственно ($p < 0,05$). Применение ламотриджина увеличивало на 33,5...74,4 % ($p < 0,05$) устойчивость животных к глобальной ишемии на протяжении всего посттравматического периода, при этом максимум антиишемического действия наблюдался на 8-е сутки после травмы мозга. В то же время частота агональных дыхательных движений также повышалась в течение всего посттравматического периода в 1,8 раза ($p < 0,05$).

Таблица 3

Влияние вальпроат натрия и ламотриджина на устойчивость экспериментальных животных к глобальной ишемии мозга после диффузного аксонального повреждения

Группа животных, препарат и число наблюдений	Сутки после ЧМТ	Частота агональных дыхательных движений	Время гаспинга, с
Контрольная 1 Интактные (n=10)	–	9,1±0,8	18,3±1,1
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=7)	3	9,0±0,3	14,7±1,0*
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=6)		9,8±1,1	19,6±1,4*
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		16,8±1,4*	24,2±1,4*
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=7)	8	14,5±0,4*	18,4±0,9
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=7)		10,2±1,1*	18,1±1,9
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		16,7± 1,1*	32,1±2,4*
Контрольная 2 (мыши с ЧМТ) n=6)	14	10,5±0,8*	15,5±0,8*
Опытная 1 Вальпроат натрия (n=11)		12,6±1,0*	17,3±1,1*
Опытная 2 Ламотриджин (n=7)		16,8±0,4*	20,7±0,7*

Примечание. Статистическая значимость различий: контроль 1 (интактные животные) – контроль 2 (мыши после ЧМТ) и контроль 2 (мыши после ЧМТ) – опыт (ЧМТ+препараты) : * при $p < 0,05$. n – количество мышей

Таким образом, вальпроат натрия проявлял слабый антиишемический эффект на 3-е и 14-е сутки посттравматического периода. Выраженным антиишемическим действием обладал ламотриджин на протяжении всего периода после травмы мозга.

На основании полученных экспериментальных данных ГАМК-миметик вальпроат натрия можно рекомендовать для применения в первую и третью недели после ДАП. Ламотриджин, ограничивая глутаматергическую активность, эффективно предупреждает развитие судорог в течение второй и третьей недель острого периода

ДАП и дополнительно защищает мозг при гипоксии и глобальной ишемии.

Таким образом, в условиях диффузного аксонального повреждения мозга вальпроат натрия в ранний и поздний посттравматический период проявлял выраженное противосудорожное, а также умеренное антигипоксическое и антиишемическое действие. Ламотриджин обладал высокой противосудорожной активностью в отдаленный период ДАП и выраженной антигипоксической и антиишемической активностью на протяжении всего посттравматического периода.

Литература

Bibliography

1. Живолупов С.А., Самарцев И.Н., Коломенцев С.В. Патогенетические механизмы травматической болезни головного мозга и основные направления их коррекции // Неврологии и Психиатрии. 2009. № 10. С. 42-46.
2. Запольская Ю.А. Влияние антиконвульсантов на ишемические, гипоксические и мнестические расстройства при черепно-мозговой травме: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.03.06. М., 2011. 20 с.
3. Зеркалов Д.В. Экологическая безопасность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yandex.ru>. Загл. с экрана (28 марта 2013).
4. Неврология: Национальное руководство / Е.И. Гусева [и др.]. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 1040 с.
5. Нейропротекторы и черепно-мозговая травма / Ф.Ю. Белозерцев [и др.]. Чита: ИИЦ ЧГМА, 2007. 119 с.
6. Сравнение антиишемической активности гамкержических препаратов в условиях локальной ишемии и травмы мозга [Электронный ресурс] / Ф.Ю. Белозерцев [и др.] // Забайкальский медицинский вестник. 2009. № 2. С. 35-37. Режим доступа: <http://medacadem.chita.ru/zmv> (28 янв. 2013)
7. Хабриев Р.У. Руководство по экспериментальному (доклиническому) изучению новых фармакологических веществ. 2 изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 2005. 832 с.
8. Diffuse tensor tractography of traumatic diffuse axonal injury / J.Y. Wang [et al.] // Archives of neurology. 2008. Vol. 65(5). P. 619-626.
9. Effect of ischemia on known substrates and cofactors of the glycolytic pathway in brain / O.H. Lowry [et al.] // J.Biol.Chem. 1964. Vol. 239. P. 18-30.
10. Meythaler M. Peduzzi J. Elftheriou E. Patent 4601572 USA, Int.Cl A6 B1 19/00. Apparatus for simulating traumatic brain injury and method for inducing spinal cord injury. №09/913, 017. PCT Filed 08.02.2000; PCT Pub. 10.08.2000. U.S.Cl 128/897. 11p.
1. Zhivolupov S.A., Samarcev I.N., Kolomencev S.V. Patogeneticheskie mehanizmy travmaticheskoy bolezni golovnogo mozga i osnovnye napravleniya ih korrekcii // Nevrologii i Psihiatrii. 2009. № 10. S. 42-46.
2. Zapolskaya Ju.A. Vlijanie antikonvulsantov na ishemicheskie, gipoksicheskie i mnesticheckie rasstrojstva pri cherepno-mozgovej travme: avtoref. dis. ... kand. med. nauk: 14.03.06. M., 2011. 20 s.
3. Zerkalov D.V. Jekologicheskaya bezopasnost [Jelektronnyj resurs]. M.: Osnova, 2012. Rezhim dostupa: <http://www.yandex.ru>. Zagl. s jekrana (28 marta 2013).
4. Nevrologiya: Nacionalnoe rukovodstvo / E.I. Guseva [i dr.]. M.: GJEOTAR-Media, 2009. 1040 s.
5. Nejroprotektory i cherepno-mozgovaja travma / F.Ju. Belozercev [i dr.]. Chita: IC ChGMA, 2007. 119 s.
6. Sravnenie antiishemicheskoy aktivnosti gamkergicheskikh preparatov v uslovijah lokal'noj ishemii i travmy mozga [Jelektronnyj resurs] / F.Ju. Belozercev [i dr.] // Zabajkalskij medicinskij vestnik. 2009. № 2. S. 35-37. Rezhim dostupa: <http://medacadem.chita.ru/zmv> (28 janv. 2013)
7. Habriev R.U. Rukovodstvo po jeksperimentaln'nomu (doklinicheskomu) izucheniju novyh farmakologicheskikh veshhestv / R.U. Habriev. 2 izd., pererab. i dop. M.: Medicina, 2005. 832 s.
8. Diffuse tensor tractography of traumatic diffuse axonal injury / J.Y. Wang [et al.] // Archives of neurology. 2008. Vol. 65(5). P. 619-626.
9. Effect of ischemia on known substrates and cofactors of the glycolytic pathway in brain / O.H. Lowry [et al.] // J.Biol.Chem. 1964. Vol. 239. P. 18-30.
10. Meythaler M. Peduzzi J. Elftheriou E. Patent 4601572 USA, Int.Cl A6 B1 19/00. Apparatus for simulating traumatic brain injury and method for inducing spinal cord injury. №09/913, 017. PCT Filed 08.02.2000; PCT Pub. 10.08.2000. U.S.Cl 128/897. 11p.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Сафронова Е.С., аспирант, Читинская государственная медицинская академия
Safronova_Kate87@mail.ru

E. Safronova, postgraduate student, Pharmacology department, Chita State Medical Academy

Научные интересы: фармакология, клиническая фармакология, фармакология психотропных и нейропротекторных средств

Scientific interests: pharmacology, clinical pharmacology, pharmacology of psychotropic and neuroprotectives drugs

Юнцев С.В., канд. мед. наук, доцент, зав. каф. «Фармакология», Читинская государственная медицинская академия
yuntsev@mail.ru

S. Yuntsev, Candidate of medical sciences, associate professor, head of Pharmacology department, Chita State Medical Academy

Научные интересы: фармакология, клиническая фармакология, фармакология психотропных и нейропротекторных средств

Scientific interests: pharmacology, clinical pharmacology, pharmacology of psychotropic and neuroprotectives drugs

Белозерцев Ю.А., д-р мед. наук, профессор, каф. «Фармакология», Читинская государственная медицинская академия
beloz@mail.ru

Y. Belozertsev, Doctor of Medical Sciences, professor, Pharmacology department, Chita State Medical Academy

Научные интересы: фармакология, клиническая фармакология, фармакология психотропных и нейропротекторных средств

Scientific interests: pharmacology, clinical pharmacology, pharmacology of psychotropic and neuroprotectives drugs

УДК 582.998.1:581.19:546.28

Федько Ирина
Валерьевна
Irina Fedko

Хващевская Альбина
Анатольевна
Albina Khvashevskaya

Камбалина Мария
Геннадиевна
Maria Kambalina

РАСТЕНИЯ СЕМЕЙСТВА *ASTERACEAE* КАК ВОЗМОЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ КРЕМНИЯ

PLANTS OF THE *ASTERACEAE* AS POSSIBLE SOURCES OF SILICON

Приведены результаты сравнительного исследования содержания кремния в растениях семейства *Asteraceae*. Методом исследования служил спектрофотометрический анализ, основанный на способности кремниевой кислоты давать с ионами молибдена в кислой среде растворимую кремнемолибденовую кислоту. Результаты исследования показали, что наиболее перспективными видами для фитотерапии туберкулеза легких являются *Achillea millefolium L.*, *Inula helenium L.*, *Chamomilla recutita L.* Полученные данные позволили предложить все исследованные растения в качестве источника кремния

Ключевые слова: туберкулез, фитотерапия, химические элементы

This article presents the results of a comparative study of the Si content in the plants of the family *Asteraceae*. Research method was a spectrophotometric assay based on the ability of silica to produce molybdenum ions in the acidic environment krennemolibdenovuyu soluble acid. Results of the study showed that the most promising species for herbal medicine of pulmonary tuberculosis are *Achillea millefolium L.*, *Inula helenium L.*, *Chamomilla recutita L.*. The data allowed to offer all the studied plants as a source of Si

Key words: medicinal plants, tuberculosis, phyto

В лечебной практике чаще всего приходится сталкиваться с инфекционно-воспалительными процессами, локализованными в верхних отделах дыхательных путей. Туберкулез – самое распространенное инфекционное заболевание в мире, возбудителем которого являются микобактерии комплекса *Mycobacterium tuberculosis* [1]. Источником распространения

инфекции являются больные туберкулезом легких, выделяющие мельчайшие частицы мокроты, содержащие микобактерии туберкулеза. Туберкулез развивается тогда, когда иммунная система не в состоянии локализовать туберкулезную инфекцию [2]. Несмотря на бурное развитие химии и рост количества новых высокоэффективных препаратов микробного и синтетическо-

го происхождения, растения продолжают занимать значительное место в арсенале лекарственных средств. Они с давних времен пользуются большой популярностью среди широких слоев населения. При использовании фитопрепаратов практически отсутствуют осложнения и нежелательные побочные эффекты, существует широкий простор выбора растений, обладающих одинаковыми видами действия [3]. С учетом этиопатогенетических особенностей туберкулеза легких используют растения нескольких фармакотерапевтических групп [4]. Одна из причин туберкулеза – недостаток кремния. Поэтому восполнение организмом органических соединений кремния предупреждает развитие туберкулеза и является средством для его лечения.

Кремний играет в организме важную роль, повышая его самозащитные функции и способствуя детоксикации. Отчасти это обусловлено тем, что соединения кремния облегчают удаление с мочой метаболитов, чужеродных и токсичных веществ, служат барьером, задерживающим распространение дегенеративных процессов, интенсифицируют биосинтез коллагена. В настоящее время твердо установлено, что соединения кремния необходимы для нормального функционирования эпителиальных и соединительных тканей, которым они придают прочность, эластичность и непроницаемость.

В связи с этим целью нашей работы явилось скрининговое исследование растений семейства *Asteraceae*, возможных источников кремния.

Семейство *Asteraceae* – огромное семейство, насчитывающее около 24000

видов, объединяемых примерно в 1200 родов.

Облик сложноцветных можно легко представить, вспомнив общеизвестное растение — подсолнечник однолетний (*Helianthus annuus*) и виды ромашек. Сложноцветные примечательны цветками, собранными в соцветие корзинку, характерный вид которой позволяет узнавать их в природе без особых затруднений. Сложноцветные селятся везде, где вообще возможно существование высших растений [5].

Объектами исследования служили растения, разрешенные к применению в медицине: девясил высокий (*Inula helenioides* L.), ромашка аптечная (*Chamomilla recutita* L.), мать-и-мачеха обыкновенная (*Tussilago farfara* L.), календула лекарственная (*Calendula officinalis* L.), полынь горькая (*Artemisia absinthium* L.), одуванчик лекарственный (*Taraxacum officinale* Wigg.), тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium* L.).

Количественное определение соединений кремния проводили спектрофотометрическим методом, основанным на способности кремниевой кислоты давать с ионами молибдена в кислой среде (pH = 1,5...1,7) растворимую кремнемолибденовую кислоту [6]. Высушенное растительное сырье предварительно сжигали в фарфоровых тиглях при температуре 550...650 °С до постоянной массы.

Обсуждение результатов

Результаты анализа приведены в таблице. Данные получены усреднением четырех параллельных определений и обработаны методом математической статистики [7].

Содержание кремния в исследуемых образцах, % от массы сухого сырья

Девясил высокий	Ромашка аптечная	Календула лекарственная	Полынь горькая	Одуванчик лекарственный	Тысячелистник обыкновенный	Мать-и-мачеха обыкновенная
0,330±0,020	0,100±0,012	0,057±0,030	0,066±0,012	0,053±0,013	0,500±0,020	0,089±0,015

Из приведенных в таблице данных следует, что все образцы содержат кремний в сопоставимых количествах. Наибольший интерес представляет трава тысячелист-

ника обыкновенного (содержание кремния 0,500 % от массы сухого вещества). В наземной части тысячелистника содержится эфирное масло (до 1 %), основным

компонентом которого является хамазулен. Тысячелистник используется как противовоспалительное средство, обладающее регенерирующими свойствами, что при лечении туберкулеза легких имеет особое значение. Следующими, наиболее интересными объектами являются корневища с корнями девясила высокого и цветки ромашки аптечной (содержание кремния 0,330 и 0,100 % соответственно). Корневища с корнями девясила применяются в качестве отхаркивающего средства, обладающего противовоспалительными свойствами, содержат до 3 % алантового масла [8]. Цветки ромашки аптечной содержат до 0,8 % эфирного масла, обладают противовоспалительными, спазмолитическими, противовирусными свойствами. Листья мать-и-мачехи обыкновенной, трава полыни горькой, цветки календулы лекарственной и корни одуванчик лекарственного менее богаты кремнием, однако все они содержат его в сопоставимых количествах. Данные растения относятся к разным терапевтическим группам и широко используются в медицине [9]. Листья мать-и-мачехи содержат полисахариды, в частности слизи, обладающие отхаркивающими, обволакивающими и противовоспалительными свойствами.

Трава полыни горькой содержит ароматические горечи, которые можно рекомендовать в сопутствующей комплексной терапии туберкулеза легких в качестве противовоспалительного, бактерицидного компонента. Цветки календулы лекарственной содержат каротиноиды и могут быть рекомендованы в качестве антисептического и противовоспалительного средства [10]. Корни одуванчика лекарственного содержат горькие вещества сексвитерпеновой природы, применяемые как горечь для усиления аппетита, что важно при туберкулезе легких, который сопровождается значительной потерей в массе тела.

Выводы

1. В образцах предложенных растений содержится жизненно важный биогенный элемент – кремний в сопоставимых количествах. Особый интерес представляют *Achillea millefolium L.*, *Inula helenium L.*, *Chamomilla recutita L.*, содержание кремния в которых варьирует 0,1...0,5 %.

2. Образцы лекарственных растений семейства *Asteraceae* являются перспективными для дальнейшего исследования и могут быть рекомендованы в качестве источника кремния при фитотерапии туберкулеза легких.

Литература

Bibliography

1. Кошечкин В.А., Иванова З.А. Туберкулез. М.: 2007. 304 с.
2. Цыбикова Э.Б., Сон И.М. Динамика показателей заболеваемости и смертности от туберкулеза в России в 2005 г. // Проблемы туберкулеза и болезней легких. 2007. № 3. С. 8-11.
3. Фурса Н.С., Зотов А.А., Дмитрук С.Е., Фурса С.Н. Валериана в фитотерапии (комплексное лечение заболеваний желудочно-кишечного тракта). – Томск: НТЛ, 1998. 212 с.
4. Турищев С.Н. Фитосредства при острых респираторных вирусных инфекциях // Фармация. 2002. № 5. С. 47-48.
5. Яковлев Г.П., Челомбитко В.А. Ботаника. Москва: «Высшая школа», 1990. 367 с.
6. Коломиец Н.Э., Калинин Г.И. Определение кремния в хвощах // Фармация. № 3. 2009. С. 13-15.
7. Доерфель К. Статистика в аналитической химии. М., 1969. 247 с.

1. Koshechkin V.A., Ivanova Z.A. Tuberkulez. M.: 2007. 304 s.
2. Tsybikova Je.B., Son I.M. Dinamika pokazatelej zaboлеваemosti i smertnosti ot tuberkuleza v Rossii v 2005 g. // Problemy tuberkuleza i boleznej legkih. 2007. № 3. S. 8-11.
3. Fursa N.S., Zotov A.A., Dmitruk S.E., Fursa S.N. Valeriana v fitoterapii (kompleksnoe lechenie zabolevanij zheludochno-kishechnogo trakta). – Tomsk: NTL, 1998. 212 s.
4. Turishhev S.N. Fitosredstva pri ostryh respiratornyh virusnyh infekciyah // Farmaciya. 2002. № 5. S. 47-48.
5. Yakovlev G.P., Chelombitko V.A. Botanika. Moskva: «Vysshaya shkola», 1990. 367 s.
6. Kolomiec N.Je., Kalinkina G.I. Opredelenii kremnija v hvoshhah // Farmaciya. № 3. 2009. S. 13-15.
7. Doerfel K. Statistika v analiticheskoy himii. M., 1969. 247 s.

8. Беляков К.В. Определение сесквитерпеновых лактонов в корневищах с корнями девясила высокого (*Inula helenium L.*) // Фармация. 2002. № 5. С. 10-12.

9. Ковалева Н.Г. Лечение растениями: Очерки по фитотерапии. М.: Медицина, 1972. 351 с.

10. Лекарственное растительное сырье. Фармакогнозия / Под ред. Г.П. Яковлева, К.Ф. Блиновой. СПб.: Спец. Лит, 2004. 765 с.

8. Belyakov K.V. Opredelenie seskviterpenovykh laktonov v kornevishhah s kornjami devyasila vysokogo (*Inula helenium L.*) // Farmaciya. 2002. № 5. S. 10-12.

9. Kovaleva N.G. Lechenie rastenijami: Ocherki po fitoterapii. M.: Medicina, 1972. 351 s.

10. Lekarstvennoe rastitelnoe syre. Farmakognoziya / Pod red. G.P. Yakovleva, K.F. Blinovej. SPb.: Spec. Lit, 2004. 765 s.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Федько И.В., канд. фарм. наук, зам. декана фармацевтического факультета, Сибирский государственный медицинский университет
linachina@yandex.ru

I. Fedko, Candidate of Pharmaceutical Sciences, Deputy Dean of the faculty of pharmacy, Siberian State Medical University

Научные интересы: фитотерапия бронхолегочных заболеваний, фитотерапия туберкулеза

Scientific interests: psychotherapy, phytotherapy bronchopulmonary diseases, phytotherapy tuberculosis

Хвощевская А.А., канд. геол.-минер. наук, зав. лабораторией РС ТПУ
unpc_voda@mail.ru

A. Khashevskaya, Candidate of Geological and Mineral Sciences, head of laboratory of the RS TPU

Научные интересы: изучение состава природных вод, оценка их качества при эколого-геохимических исследованиях, а также изучение состава питьевых вод и оценка их качества при водоподготовке

Scientific interests: study of the composition of natural waters, assessment of their quality in the ecological-geochemical studies, as well as the study of the composition of drinking water and assessment of their quality at water treatment

Камбалина М.Г., мл. научн. сотрудник лаборатории РС ТПУ
mari_kambalina@mail.ru

M. Kambalina, junior scientific researcher of laboratory of RS TPU

Научные интересы: изучение состава природных вод, оценка их качества при эколого-геохимических исследованиях, а также изучение состава питьевых вод и оценка их качества при водоподготовке

Scientific interests: study of the composition of natural waters, assessment of their quality the ecological-geochemical studies, as well as the study of the composition of drinking water and assessment of their quality at water treatment

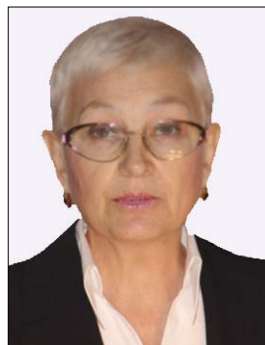

Социологические науки

УДК 316

Романова Нелли Петровна
Nelly Romanova

Леконцева Ксения Владимировна
Kseniya Lekontseva

ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF CONSUMPTION: MODERN IDEAS

Дан обзор современных теорий потребления. Основное внимание уделяется социальным аспектам потребления в исследованиях зарубежных и отечественных авторов. Рассмотрены проблемы демонстративного потребления. Предлагается сравнительный анализ двух моделей потребителя

Ключевые слова: *потребительство, демонстративное потребление*

The article highlights contemporary theories of consumer behavior; the main attention is devoted to social aspects of consumption. The comparison of two consumer models and problem of demonstrative consumption are observed in the article

Key words: *consumerism and conspicuous consumption*

Проблематика потребления долгое время оставалась на периферии научного интереса гуманитарного и обществоведческого знания. Однако социальная, экономическая и духовная ситуации современности делают проблематику потребления чрезвычайно актуальной.

«Способ, которым современное общество «формирует» своих членов, диктует в первую очередь обязанность играть роль потребителей» [1]. Так, З. Бауман характеризует современное состояние общества: детерминирующую роль в нем играют система потребления, формируемые ею индивиды и производимые вещи. Потребление из чисто экономического явления перерас-

тает в социокультурное, отношения купли-продажи становятся системообразующими и пронизывают все сферы жизни общества.

В настоящее время потребительские практики и проблемы, связанные с ними, приобрели совершенно особый статус и в корпусе социогуманитарных наук. Социология была одной из первых наук, поставивших проблемы потребления в центр исследовательского дискурса. По мнению немецкого исследователя Г. Висведе, социология потребления является относительно молодой отраслью социологии, в связи с чем она пока еще недостаточно целостна и не имеет устойчивых коррелятов между те-

оретическими построениями и эмпирическими исследованиями [2].

С 80-х гг. XX в. в процессы потребления вовлекается большинство населения западных обществ. Даже если часть населения не способна покупать себе товары, она участвует в потреблении, желая их. Это позволяет считать почти все население вовлеченным в социальные и культурные практики потребления, находящимся под влиянием идеологии потребительства. Такое распространение практик потребления делает этот процесс принципиально отличным от форм более раннего периода, в которых участвовали лишь отдельные группы общества, обладающие покупательной способностью в отношении определенных товаров, т.е. потребителем фактически являлся покупатель. В настоящее время наличие желания является достаточным условием получения индивидом статуса потребителя, поскольку индивид включается в потребление уже на этапе ожидания объекта желания, усваивая идею объекта посредством знаков и символов [3].

Во второй половине XX в. в западных странах развивается интеллектуальное течение, получившее название постмодернизма. Глобальные изменения, происходящие в жизни общества, некие сдвиги в сознании, позволяющие говорить о рождении общества постмодерна, изменили не только объект изучения — поведение потребителей, но и теорию, а также методологию его исследования. Рост индустрии услуг, появление новых форм организации потребления вызвали концептуальный сдвиг в подходе к истолкованию *социальной роли потребления*. Так, исходный тезис постмодернистской теории потребления Ж. Бодрийера заключается в том, что вещи приобретают характер знаков, образующих специфический дискурс. Бодрийер называл потребительство «систематическим актом манипуляции знаками», [4] тем самым выводя потребление из сферы материальных отношений. Субъект, по Бодрийеру, в процессе потребления не взаимодействует ни с чем материальным — объектом потребления являются идеи, в связи с этим

отношения потребления больше нельзя описать отношениями поглощения и уничтожения, утилизации и использования объекта. Согласно его концепции, объектом потребления является не вещь как таковая (материальный объект), а некоторая идея человеческих отношений, реализуемая в этой вещи. «Потребляются не сами вещи, а именно отношения ... потребляется идея отношения через серию вещей, которая ее проявляет» [4]. Ж. Бодрийер предлагает новое концептуальное объяснение потребления, исключая потребность из числа оснований потребления. Потребление — символическая деятельность по усвоению идей отношений в вещах. Индивидуальное потребление Ж. Бодрийер обозначает как «управляемую персонализацию». Субъект воспринимает свою «персонализацию» как свободу, обратная сторона которой — формальность. Представляя себя свободным в выборе объектов потребления, потребитель не замечает подмены и, не ведая, выполняет программу экономического спроса, т.е. желает то, что предложено желать. «Жизненный проект» каждого потребителя включает следующие желания: стремление к реальности, стремление к уникальности — именно эти желания являются основанием современного потребления, уверен Ж. Бодрийер.

Как отмечает В.И. Ильин [5], у социологов и экономистов современности исчезает вера в единый эталон потребительского поведения. Для разных групп потребителей вводится понятие соответствующих эталонных групп.

Модернизм и постмодернизм существенно различаются в понимании самого потребителя. «Модернистское видение потребителей, — отмечает М. Томас, — представляет их как рациональных, планирующих, организованных, конформистских и, вероятно, лояльных. Постмодернизм смотрит на потребителей как на иррациональных, непоследовательных, противоречивых и, возможно, аморальных, но уж точно не моральных индивидуалистов» [6]. Это направление в научных исследованиях часто называют интерпретаторским, так как

главной целью здесь считается не указание того, как надо делать, а интерпретация (объяснение) того, как это делается сейчас. Постмодернистский подход к исследованию потребительского поведения опирается в первую очередь на такие методы исследования, как глубокое интервью, семиотический анализ использования вещей, вообще потребления как процесса передачи информации с помощью символов, и этнографические методы. Последние заимствованы из культурной антропологии. В их основе лежит техника включения исследователя в изучаемое общество с целью понимания значений, смысла разных видов культурной практики. В этом случае процесс потребления конкретного предмета рассматривается и описывается в деталях, которые показывают его связь с более широким контекстом социальных, экономических и культурных отношений. Это позволяет уловить смысл, который вкладывают люди, приобретая ту или иную вещь, выбирая из многих.

В постмодернистском мировоззрении стираются некогда жесткие междисциплинарные рамки, поскольку объект исследования рассматривается с разных сторон. В результате потребительское поведение попадает в центр интереса не только экономистов, но и социологов, социальных психологов, психологов, антропологов, этнологов и этнографов, экологов, политологов, культурологов. Его изучение с точки зрения традиций одной из классических наук превращается в анахронизм. Появляется все больше специалистов, которые не вписываются в традиционные профессиональные определения, работая на стыке ряда наук одновременно, используя их инструментарий.

К подобным исследованиям можно отнести и работы в области исследования потребления как текста. «Можно утверждать, что большая часть современного потребления, — пишет М. Томас, — это поиск ответа на вопрос: «Кто я?» [6]. Городская жизнь, обезличивающие нас организации и работа, массовое производство одинаковых вещей — все это подрывает устойчивость идентификации. В этих условиях потребление заполняет образующийся вакуум

идентичности. Ученые говорят о феномене, который называют *социальным конструированием чувства идентичности*, принадлежности к той или иной группе. Это конструирование представляет собой процесс использования определенных предметов потребления для обозначения себя как члена той или иной группы или наоборот — для подчеркивания своего пребывания вне ее [7]. Зарубежные авторы подчеркивают, что «... мы живем в постмодернистском обществе, характеристикой которого является потребление, где люди понимают, кто они через то, что они потребляют» [8].

В рамках культурологического подхода разрабатываются категории «потребительская культура» и «культура потребления». Потребительская культура, по мнению Е.Н. Нарховой, является операциональным понятием и фиксирует внимание на технологии приобретения товаров и услуг, а более широкое понятие «культура потребления» отражает смыслообразующий аспект потребительского поведения [9]. Например, С.В. Костомиров на примере потребления средств гигиены показал, что потребительское благо «чистота» выступает как «функциональная нормативная ценность культуры, элемент структуры языка и мышления, многозначный атрибут культурной системы, маркер социальной дифференциации и предмет властных отношений» [10].

В этой связи необходимо представить теорию демонстративного поведения, автором которой был Т. Веблен. Он определял такое поведение как «использование потребления для доказательства обладания богатством», потребление «как средство поддержания репутации» [11]. Примерно в то же время аналогичный феномен потребления как смысла повседневной жизни изучался Г. Зиммелем, но уже на материалах Берлина. В период между двумя мировыми войнами идеи Т. Веблена и Г. Зиммеля были забыты. О них вновь вспомнили в 1980-е гг., когда проблема потребления была выдвинута в центр внимания социальных и экономических наук.

Термин «демонстративное потребление» (*conspicuous consumption*) первым в

социологический и экономический дискурс ввел Т. Веблен в 1899 г. в своей книге «Теория праздного класса» [11]. Он использовал этот термин для обозначения поведенческих характеристик т.н. «нуворишей», класса, появившегося в XIX в. как результат первичного накопления капитала в период второй индустриальной революции. Одного только накопленного богатства недостаточно для утверждения статуса, необходимо некое подтверждение благосостояния, для чего используется демонстрация расточительности. Т. Веблен описал воздействие потребительских предпочтений высшего класса («leisure class») на другие экономические группы, в ходе которого низшие классы начинают подражать привычкам богатых. Для представителей «праздного класса» вещи теряют свои функциональные свойства. Их значение в том, чтобы сигнализировать окружающим: их владелец достаточно богат, чтобы не заниматься физическим трудом и вообще не работать. В основе демонстративного потребления лежат подражание и соперничество, стремление «не ударить в грязь лицом», поддерживать свой социальный статус. Т. Веблен стал основоположником бихевиористского подхода к феномену демонстративного (статусного, престижного) потребления.

Г. Зиммель в своем анализе потребления также использует понятие «подражание», рассматривая потребление как процесс утверждения и демонстрации социального статуса. Демонстрация, таким образом, не «побочный эффект» потребления, а выражение его сущности. В своей статье «Мода» [12] Г. Зиммель утверждает, что низкостатусные социальные группы всегда стремятся превзойти в одежде группы, обладающие более высоким статусом. Однако он показывает, что соревнование статусов приводит не только к подражанию, но и к дифференциации. Группы людей, имеющих более высокий статус, ищут способы дистанцироваться от своих ближайших соперников, перенимая все более новые модные тенденции. Эссе Г. Зиммеля было ранней артикуляцией того, что впоследствии получило известность как «стека-

ющая» теория диффузии моды. «Имитируя, мы переносим не только требование созидательной деятельности, но также и ответственность за действия с себя на другого. Таким образом, индивид освобождается от необходимости выбора и становится просто творением группы, сосудом с социальным содержанием» [12], – писал Г. Зиммель.

Идея класса у Г. Зиммеля является центральной для понимания изменения моды, которая является ярким выражением демонстративного потребления. Зиммель указывал на то, что существуют различные моды для разных классов. Таким образом, мода выполняет двойственную функцию инклюзии и эксклюзии в одно и то же время: она объединяет всех тех, кто принял моду конкретного класса или группы и исключает тех, кто этого не сделал. По словам Зиммеля: «Как только нижние классы начинают копировать их стиль, высшие классы отказываются от этого стиля и принимают новый, который, в свою очередь отличает их от масс; и таким образом игра счастливо продолжается» [12]. Это, конечно, предполагает общество, которое принимает законность иерархии и верит, что можно, в каком-то смысле, подняться в этой иерархии, имитируя высшие классы.

Со времен выхода «Теории праздного класса», социологический анализ потребления демонстрирует понимание товара как медиума для идентичности с определенной группой, желанию следовать определенным стандартам поведения и само потребление рассматривается уже не столько как использование продукта по прямому назначению, сколько для того, чтобы произвести впечатление. Продукт помогает потребителю расширить границы своего «Я» и продемонстрировать социальные и индивидуальные характеристики его личности [13].

Отечественная исследовательница в области психологии потребления и маркетинга А.А. Максименко указывает, что с точки зрения семиотики, демонстративное потребление – это сообщение, состоящее из символов (сознательно сконструированных знаков). А.А. Максименко изучает демонстративное потребление табака, которое, в

связи с изложенным, представляет собой идентичность с легендами, доносимыми табачными легендами. Для каждой вовлекаемой в табакокурение целевой аудитории продвигается особенная идея, ценность. К примеру, детям и подросткам доносят идею того, что курение — признак самостоятельности, ответственности, а значит и взрослости; женщины и девушки вовлекаются в потребление благодаря формированию имиджа гламурности и сексуальности курения, изыска тонких сигарет и стильных пачек и т.д. [13].

На протяжении десятилетий, последовавших за исследованиями Веблена, ученые-обществоведы принимали его теорию как основу для дальнейших изысканий, дискутировали и не соглашались с ней, однако на сегодняшний день не существует единой конвенциональной теоретической модели статусного потребления, которая бы объясняла все нюансы современного демонстративного потребительского поведения.

В 1950-х гг. американский экономист Х. Лейбенштайн развил теорию Т. Веблена и выпустил, ставшей классической, статью «Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса» [14]. В России эта работа была переведена только в 1999 г. И, хотя исследование Х. Лейбенштайна носит экономический характер и служит целям маркетинга и экономической теории потребления, концептуальная основа исследования является результатом серьезной социологической рефлексии. Х. Лейбенштайн предложил ряд терминов, описывающих различные феномены поведения потребителей.

Эффект Веблена, по мнению Х. Лейбенштайна, возникает, когда товары приобретаются для того, чтобы произвести неизгладимое впечатление на других. Цена товара в этом случае складывается из двух составных частей: его реальной стоимости и престижной. Поэтому под эффектом Веблена понимается эффект увеличения потребительского спроса, связанный с тем, что товар имеет более высокую, по сравне-

нию с товарами-заместителями, а не более низкую цену. Эффект Веблена похож на эффект сноба. Однако принципиальное различие заключается в том, что эффект сноба зависит от размеров потребления остальных, тогда как эффект Веблена зависит прежде всего от цены на аналогичные товары, когда потребитель выбирает самую высокую цену из возможных.

Эффект присоединения к большинству побуждает потребителя покупать то, что покупают все. Он вызван желанием быть «на волне жизни» (*the swim of things* [14]), не отставать от других. Индивид стремится приобрести тот товар, который в данный момент приобретает большинство других покупателей, чтобы чувствовать себя равным им, выдерживать общий стиль. Отчасти эффект присоединения к большинству является одной из популярных теорий, объясняющих процесс распространения моды и модных тенденций в обществе. Также этот эффект проявляется, когда индивидум не хочет быть «белой вороной» или он стремится соответствовать тому кругу людей, в котором хотел бы вращаться. То есть под эффектом присоединения к большинству подразумевается «величина, на которую возрастет спрос на товар из-за того, что другие тоже покупают этот же самый товар» [14].

Группа ученых-обществоведов из ведущих американских университетов в 2011 г. провела исследование на тему: как соотносится демонстративное потребление мужчин с целью произвести впечатление на вероятных партнерш [15]. Исследователи выявили следующую закономерность — мотивация к показному потреблению в той степени, насколько она обусловлена мотивом поиска партнера, ярче всего проявляется среди мужчин, преследующих цель получения сексуального опыта. Демонстративное потребление обнаруживается присущим мужчинам, заинтересованным преимущественно в краткосрочных связях; такое потребление расценивается целевой аудиторией женщин соответствующе, утверждают исследователи [15]. В исследовании предлагается аллегорическое

сравнение дорогой спортивной машины и павлиньего хвоста — и то, и другое служит для привлечения противоположного пола. В данной ситуации демонстративное потребление выступает «межполовой сигнальной системой» [15], то есть речь идет не просто о демонстрации некоего статуса, но и о заявлении определенных намерений в отношении конкретного круга лиц. Выставление напоказ своего благосостояния может играть важную функцию коммуникативной стратегии достижения «репродуктивного признания».

Еще одним примером рассмотрения показного потребления с неожиданной стороны может служить работа американских ученых, посвященная стратегии демонстративного потребительства как способа включения в систему социальных отношений. Авторский коллектив под руководством Н.Л. Мида и Р.Ф. Баумстейра [16] обнаружил, что материалистические устремления людей, включая демонстрацию своего благосостояния посредством потребления, выступают средством обретения социальных взаимосвязей. Люди приобре-

тают вещи, демонстрирующие их принадлежность к определенной группе, чтобы избежать одиночества, не испытывать социальную фрустрацию.

Подводя итоги теоретического анализа, отметим следующее:

1. Значительная часть социологических исследований поведения потребителей развернулась в культурологической области, фокусируясь прежде всего на символической стороне потребления. Дополнительный импульс этим исследованиям придало развитие постмодернистских традиций.

2. Современные социологи выводят потребление за пределы сферы удовлетворения потребностей в потребительских благах как таковых. Масштабы и характер потребления не просто отражают сложившееся в обществе неравенство в распределении ресурсов. Потребительские практики становятся средством, активно производящим это социальное неравенство. Потребление, таким образом, оказывается не конечной целью, а лишь инструментом реализации более сложных социальных стратегий классовой и статусной дифференциации.

Литература

Bibliography

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004.

2. Wiswede G. Konsumsoziologie — eine vergessene Disziplin // Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / D. Rosenkranz, F. (Hg) Schneider. Opladen : Leske und Budrich, 2000. S. 23-72.

3. Ракитных М.Б. Социокультурная природа феномена потребления в обществе постмодерна: автореф. дис... канд. социол. наук.

4. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.

5. Ильин В.И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000. С. 50.

6. Thomas M.J. Consumer market research: does it have validity? Some postmodern thoughts // Marketing Intelligence & Planning. Vol. 15. 1997. № 2. P. 57.

7. Bocoek R. Consumption. L., 1993. P. 28.

8. Berner A., Van Tonder Cl. The Postmodern Consumer: Implications Of Changing Customer Expectations For Organisation Development In Service Organisation // SA Journal of Industrial Psychology, 2003, 29 (3), P. 10.

1. Bauman Z. Globalizacija. Posledstviya dlja cheloveka i obshhestva. M., 2004.

2. Wiswede G. Konsumsoziologie — eine vergessene Disziplin // Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven / D. Rosenkranz, F. (Hg) Schneider. Opladen : Leske und Budrich, 2000. S. 23-72.

3. Rakitnyh M.B. Sociokul'turnaja priroda fenomena potreblenija v obshhestve postmoderna: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk.

4. Bodrijjar Zh. Sistema veshhej. M.: «Rudomino», 2001.

5. Il'in V. I. Povedenie potrebitelej. SPb.: Piter, 2000. S. 50.

6. Thomas M.J. Consumer market research: does it have validity? Some postmodern thoughts // Marketing Intelligence & Planning. Vol.15. 1997. N 2. P. 57.

7. Bocoek R. Consumption. L., 1993. P. 28.

8. Berner A., Van Tonder Cl. The Postmodern Consumer: Implications Of Changing Customer Expectations For Organisation Development In Service Organisation // SA Journal of Industrial Psychology, 2003, 29 (3), P. 10.

9. Нархова Е.Н. Культура потребления современных российских студентов: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007.

10. Костомиров С.В. Чистота как предмет потребления в современном обществе: социокультурные аспекты: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004.

11. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. 367 с.

12. Зиммель Г. Мода // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 266-291.

13. Максименко А.А., Пичугина Е.Г. Капитализация Я-бренда как ведущий мотив потребления табака молодыми женщинами [Электронный ресурс] // С заботой о брендах. Режим доступа: <http://www.brandcare.ru/articles/kapitalizacija-ja-brenda-kak-vedushij-motiv-potreblenija-tabaka-molodymi-zhencshinami.htm>

14. Лейбенштайн Х. (1999). Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса / пер. с англ. И. Попович. В кн.: Вехи экономической мысли / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. Т. 1: Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа. 200. 304-325 с.

15. Douglas J. M., Kenrick T., Griskevicius V., Tybur J. M., Vohs K. D., Beal D. J. Peacocks, Porsches, and Thorstein Veblen: Conspicuous Consumption as a Sexual Signaling System. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100, No. 4. PP. 664-680.

16. Mead N. L., Baumeister R. F., Stillman T.F. Social Exclusion Causes People to Spend and Consume Strategically in the Service of Affiliation // *Journal of consumer research, Inc.* Vol. 37 (5). 2011. PP. 902-919.

9. Narhova E.N. Kultura potreblenija sovremennyh rossijskih studentov: dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2007.

10. Kostomirov S.V. Chistota kak predmet potreblenija v sovremennom obshhestve: sociokulturnye aspekty: dis. ... kand. sociol. nauk. Saratov, 2004.

11. Veblen T. Teorija prazdnogo klassa. M., 1984. 367 s.

12. Zimmel G. Moda // Izbrannoe. T. 2. Sozerkanie zhizni. M.: Jurist#, 1996. S. 266-291.

13. Maksimenko A.A., Pichugina E.G. Kapitalizacija Ja-brenda kak vedushhij motiv potreblenija tabaka molodymi zhenshhinami [Jelektronnyj resurs] // S zabotoj o brendah. Rezhim dostupa: [http://www.brandcare.ru/articles/kapitalizacija-brenda-kak-vedushhij-motiv-potreblenija-tabaka-molodymizhencshinami.htm](http://www.brandcare.ru/articles/kapitalizacija-brenda-kak-vedushij-motiv-potreblenija-tabaka-molodymizhencshinami.htm)

14. Lejbenstajjn H. (1999). Jeffekt prisoeдинeni-ja k bolshinstvu, jeffekt snoba i jeffekt Veblena v teorii pokupatel'skogo sprosa / per. s angl. I. Popovich. V kn.: Vehi jekonomicheskoj mysli / sost. i obshh. red. V.M. Galperina. T. 1: Teorija potrebitel'skogo povedenija i sprosa. SPb.: Jekonomicheskaja shkola. 200. 304-325 s.

15. Douglas J. M., Kenrick T., Griskevicius V., Tybur J. M., Vohs K. D., Beal D. J. Peacocks, Porsches, and Thorstein Veblen: Conspicuous Consumption as a Sexual Signaling System. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100, No. 4. PP. 664-680.

16. Mead N. L., Baumeister R. F., Stillman T.F. Social Exclusion Causes People to Spend and Consume Strategically in the Service of Affiliation // *Journal of consumer research, Inc.* Vol. 37 (5). 2011. PP. 902-919.

Коротко об авторах

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Леконцева К.В., аспирант, Забайкальский государственный университет

Научные интересы: государственная граница, трансграничный регион

Briefly about the authors

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, professor, Transbaikal State University

Scientific interests: philosophy of solitude, gender studies, and business communications

K. Lekontseva, postgraduate student, Transbaikal State University

Scientific interests: state border, cross-border region

УДК 316.35

Сапожникова Татьяна Ильинична
Tatjana Sapozhnikova

Логина Екатерина Николаевна
Ekaterina Logina

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ СИРОТЫ КАК ЛИЧНОСТИ

SOCIALIZATION OF CHILD CARE INSTITUTIONS' PUPILS: PECULIARITIES OF FORMATION OF AN ORPHAN AS PERSONALITY

Статья посвящена проблеме социализации сирот. В центре внимания – анализ особенностей формирования ценностных ориентаций у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые воспитываются в специальных учреждениях. Выявлены факторы, препятствующие успешному формированию ребенка как личности и определены благоприятные условия этого процесса

Ключевые слова: дети-сироты; социализация сирот; учреждения для сирот; подготовка к самостоятельной жизни; интеграция в общество; дезадаптация; агрессия; процесс саморегуляции; условия для социализации

Article is devoted to the problem of socialization of orphans being in child care institutions. The main attention is paid to the analysis of formation features of valuable orientations of orphan children and children without parental support who are brought up in special establishments, and also the factors of successful formation of a child as personality are defined

Key words: orphan children; socialization of orphans; institutions for orphans; preparation for independent life; integration into society; disadaptation; education out of family; aggression; self-control process; conditions for socialization

Одной из приоритетных задач государства является воспитание здорового, полноценного поколения с четкой гражданской позицией. Реализация поставленной цели невозможна без внимания к такой проблеме, как рост беспризорности и безнадзорности, детской преступности и проституции. Рост социального сиротства, детской безнадзорности так же как демографическая катастрофа (число несовершеннолетних в Российской Федерации убывает ежегодно на 1 млн) [4], имеет в своей основе кризис семьи. Небывалый ду-

ховный, политический, экономический, социальный кризис, который наблюдается в настоящее время в России, привел к увеличению числа семей с тем или иным уровнем социальной, психологической или структурной дезорганизации.

Резкое падение жизненного уровня населения вызвало такое явление как отказ от ребенка в связи с отсутствием возможности его содержать и воспитывать. Кризисные явления в российском обществе усилили рост преступности, алкоголизма, психических заболеваний, наркомании, расширив

источки детского неблагополучия. В результате этого с каждым годом увеличивается число учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детям, попавшим в названные жизненные ситуации, присущ крайне низкий уровень социализации.

В России, согласно статистическим данным, количество учтенных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приближается к 1 млн человек, и, что особенно тревожно, на протяжении последних десятилетий сохраняется устойчивая тенденция роста контингента таких детей.

Таким образом, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, составляют значительный пласт населения нашей страны. Дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей и не получившие положительного опыта семейной жизни, не могут создать здоровую полноценную семью. Воспитываясь в государственных учреждениях, воспитательные системы которых далеки от совершенства, они часто повторяют судьбу своих родителей, лишаясь родительских прав, тем самым расширяя поле социального сиротства. По данным исследований, 40 % детей, вышедших из интернатных учреждений, становятся преступниками, 40 % – наркоманами, 10 % – заканчивают жизнь самоубийством и лишь 10 % – способны к полноценной самостоятельной жизни [4].

На фоне увеличивающегося числа учреждений для сирот в последние годы все более явным становится проблема дезадаптации, вызывает беспокойство психосоциальное здоровье детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Изучению особенностей развития детей, оставшихся без попечения родителей, посвятили свои труды многие ученые. Основоположником направления изучения влияния отсутствия родителей на развитие ребенка является английский психолог Дж. Боулби. В России разработкой теоретических и практических аспектов, связанных с проблемами детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, занимались такие ученые как Г.В. Семья,

И.Ю. Дементьева, Е.И. Морозова. Л.В. Бадя провела большую работу по анализу исторического опыта социальной работы в России [2]; В.В. Беляков изучал проблемы детей-сирот в годы Великой Отечественной войны; Г.М. Иващенко занимался проблемами, методикой и опытом социальной реабилитации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в современных условиях. В.И. Слущкий исследовал влияние феномена общественной собственности на формирование личности воспитанников детских домов. И.Б. Назарова работала над определением основных факторов, оказывающих негативное воздействие на социальную адаптацию воспитанников и выпускников учреждений интернатного типа. Еще одно серьезное исследование на эту тему – изучение детей в школе-интернате, проведено под руководством Л.И. Божович. В нем представлены методы изучения личности детей, а также методика составления психолого-педагогической характеристики как необходимого условия накопления знаний об учащихся для диагностических и прогностических суждений о них. Исследование на тему развития детей, оставшихся без попечения родителей, и разработка методов для создания оптимальных условий для развития в настоящее время проводятся такими учеными как А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых и т.д. Однако данная проблема требует дальнейшего изучения и определения новых подходов к ее решению. На наш взгляд, особенно актуализируется проблема включения детей-сирот в социальную целостность, в социальную структуру общества. Основным понятием, которое описывает такого рода включения, является «социализация», позволяющая человеку стать членом общества.

Под социализацией понимается процесс вхождения индивида в социум, что порождает изменения в социальной структуре общества и в структуре личности. Последнее обстоятельство обусловлено фактом социальной активности человека, а следовательно, его способностью при взаимодействии со средой не просто усваивать ее

требования, но и изменять эту среду, влиять на нее [9].

Социализация — процесс, посредством которого индивидом усваиваются нормы его группы таким образом, что через формирование собственного «Я» проявляется уникальность данного индивида как личности, процесс усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного функционирования в данном обществе [9].

В социализации детей, важнейшую роль играет семья. От того, в каких условиях растет и развивается ребенок, зависит его физическое и эмоциональное состояние.

Семейное воздействие на ребенка уникально по интенсивности и результативности, ибо оно затрагивает все стороны формирующейся личности, продолжается многие годы непрерывно и основано на эмоциональных взаимоотношениях детей и родителей.

Что касается воспитания вне семьи, например, в специальных учреждениях, то во многих отечественных исследованиях высказывается идея формирования особого типа личности у ребенка детского дома. Авторы описывают формирование личности с недоразвитием внутренних механизмов активного, инициативного и свободного поведения.

Недоразвитие механизмов саморегуляции компенсируется формированием различного рода «защитных реакций». Так, вместо творческого мышления развивается шаблонное, вместо становления произвольности поведения — ориентация на внешний контроль, вместо умения самому справиться с трудной ситуацией — тенденция к излишне бурному реагированию, обиде [1].

Для детей из специальных учреждений специфичен особый тип общения как со взрослыми, так и со сверстниками. Ученые указывают на гипертрофированную потребность в общении с взрослыми. Зависимость эмоционального благополучия ребенка от отношения к нему взрослого определяет сверхценность последнего и создает специфический тип общения со взрослым,

который, в свою очередь, влияет на отношения со сверстниками. У таких детей наблюдается доминирование защитных форм поведения в конфликтных ситуациях, неспособность продуктивного, конструктивного решения конфликта, что проявляется в агрессии, неумении признать свою вину, склонности переложить всю ответственность на окружающих [3].

Ограничение общения и деятельности детей-сирот преимущественно искусственной социальной средой детского дома приводит к тому, что у них не развиваются в должной мере навыки жизнедеятельности в обычной социальной среде сверстников и взрослых (недостаточно формируется инициативность).

Дефицит адекватного общения приводит к тому, что у ребенка закрепляется агрессивная, негативная позиция по отношению к другим людям. Дети практически не имеют родственной привязанности к собственным братьям и сестрам и в процессе общения оказываются не способными устанавливать конструктивные, эмоционально адекватные отношения с другими людьми.

Особая проблема в условиях детского дома связана с феноменом «мы». Здесь у детей возникает своеобразная идентификация друг с другом. В нормальной семье всегда есть фамильное «мы» — чувство, отражающее причастность именно к своей семье. В жизни без родительского попечительства у детей стихийно складывается детдомовское «мы». Это совершенно особое психологическое образование. Дети без родителей делят мир на «свои» и «чужих», на «мы» и «они». От «чужих» они совместно обособляются, проявляют по отношению к ним агрессию, готовы использовать других людей в своих целях. У них своя особая нормативность поведения: они часто живут по двойному стандарту — одни правила для своих, а совершенно другие — для «чужих» [10].

Таким детям присущ особый социальный статус «ничейности» — никто ими не интересуется, по существу, они никому не нужны, что порождает состояние незащищенности, неуверенности в себе, в своем будущем. Официальные категорические

нормативы, с одной стороны, положительны: дисциплина, организация жизнедеятельности, с другой — отрицательны: ограничивается возможность личностного выбора в поведении, удовлетворение потребности в самореализации. Отмечается дефицит общения воспитанников со взрослыми, минимум индивидуальных контактов. Все это затрудняет осознание своего «Я», своей уникальности, замедляет развитие эмоциональной сферы, познавательной деятельности [6].

Феномен «общественной собственности» затрудняет формирование адекватного отношения к себе и другим, т.к. вещи и предметы имеют для детей не столько определенную потребительскую ценность, сколько помогают им подтвердить свою самость, материализовать свое «Я».

Лишение индивидуальности, обезличивание порождается особой коммунальной организацией быта. Жизнь ребенка в детском доме основана на зависимости воспитанника от персонала. Это проявляется в невозможности получить объективную и достоверную информацию, принимать решения о своем будущем, поскольку считается, что ребенок не способен самостоятельно решать вопросы, касающиеся собственного благополучия.

Специфические особенности самосознания личности ребёнка-сироты состоят в том, что воспитанники детских домов зачастую не знают и не принимают себя как личность, вследствие формирования неадекватных социальных ожиданий они, как правило, претендуют на признание в своей среде через физическую силу, агрессию, асоциальные формы поведения. У детей не развивается ответственное отношение к собственной жизни, для них характерно проживание по групповому, нравственно-му нормативу, ориентация на групповую совесть и поруку, что откладывает отпечаток на самосознание детей.

Важное место в жизнедеятельности воспитанников детского дома занимает проблема жёсткой регламентации и контроля извне. Процесс саморегуляции затруднён, внешнее поведение не заменяется пос-

тепенно на внутренний самоконтроль, что затрудняет развитие автономности, инициативности, освоение социально-ролевых позиций.

Одна из важнейших проблем выпускников детских домов — это процесс перехода от опеки к самостоятельности. Они сталкиваются с проблемами жилья, поиска работы, организации быта, питания, взаимодействия с другими людьми, получения медицинской помощи, создания и сохранения собственной семьи, с формированием здорового, полноценного образа жизни [11] и многими другими. После выпуска из детского дома бывшие воспитанники продолжают сохранять социальные связи преимущественно в своей среде, роль сироты часто реализуется в течение всей жизни. Часто сироты не отождествляют себя с обществом, окружающими людьми, а противопоставляют себя им [8].

Исходя из сказанного, среди приоритетных направлений социализации в детском доме должно стать создание условий, способствующих успешной социализации детей-сирот через их полноценное участие во всех сферах социальных отношений.

Для воспитательного процесса детского дома необходимо использование таких форм и методов работы, которые были бы направлены на освоение воспитанниками различных видов социальной деятельности, включение их в эту деятельность, самореализацию, самоутверждение в ней и через нее в обществе, что в конечном итоге обеспечивает социализацию личности [7].

Таким образом, в результате ряда причин социализация воспитанников детского дома может быть затруднена. Это и жесткая регламентация времени, и формальная организация среды детского дома, коммунальная организация быта, ограниченность неформального внешнего общения.

Процесс социализации детей, формирование предпосылок их интеграции в общество должен осуществляться комплексно и требует включения в воспитательный процесс специального содержания, направленного на развитие личности ребенка, его самосознания, обогащения социальных

представлений, обучение культуре общения и взаимоотношений с окружающими людьми навыкам социально-бытовой ориентировки, приобщение к культурным, историческим традициям, общечеловеческим ценностям.

Наиболее слабым аспектом в общей характеристике социально-личностного развития выпускников сиротских учреждений является их недостаточная личностная готовность к процессам взаимодействия с людьми. Результаты исследования степени готовности воспитанников-сирот – учащихся старших классов интерната к самостоятельной жизни показали, что её низкий уровень вызван несформированностью необходимых ценностных ориентаций, личностных качеств, знаний и навыков, обусловленных не только нарушениями психофизического и интеллектуального развития, но и отсутствием или недостаточностью соответствующей работы психолога образовательного учреждения [5]. В качестве основных направлений работы по коррекции нарушений личностного становления детей-сирот можно выделить следующие: развитие самооценки; развитие образа «Я» и образа окружающего мира; развитие установки и отношения к себе как полноценному человеку; создание пространства (как межличностного, так и профессионального) для реализации такой установки и отношения.

Оценка социальной зрелости личности воспитанника сиротского учреждения должна основываться на таких личностных свойствах, как эмоциональная устойчивость, общительность, высокий уровень самоконтроля при общении в коллективе, спокойствие, доверчивость. Решающее условие, позволяющее говорить о возможности успешного жизнеустройства выпускника школы-интерната, – чувство удовлетворённости своим положением, своей работой, взаимоотношениями с взрослыми и сверстниками. В основе критериев оценки готовности выпускников к самостоятельной жизни лежат:

1) адекватное профессиональное самоопределение;

2) готовность и умение устанавливать продуктивные социальные контакты для получения помощи;

3) соответствие моральным нормам и требованиям общества;

4) использование личного опыта в изменяющихся условиях [10].

В самостоятельной жизни выпускникам придется вступать в общественные отношения, что требует развития социальных умений и навыков личности – ответственности, умения делать выбор и работать в сотрудничестве. Необходимо разнообразить обстановку и формы социальной жизни. Поскольку речь идет о ребенке-сироте, то именно здесь должна быть создана развивающая среда, максимально содействующая расширению и углублению его социализации в трех основных сферах: деятельности, общении, самопознании. Этому во многом будет способствовать активное участие детей-сирот в работе детской организации при условии совместной деятельности детей и взрослых, т.е. сотрудничестве. Необходимо предоставлять детям возможность предлагать свои варианты предстоящей деятельности, обустройства жизни и быта, оформления учебных помещений и двора, и прийти им на помощь.

Таким образом, для социализации детей-сирот, формирования социальной компетенции выпускника, адекватной оценки себя и других в социуме педагогам и специалистам интернатного учреждения и органам власти, компетентным в данной сфере, следует обратить внимание на развитие таких качеств личности, которые обеспечивают успешность именно в современной жизни: коммуникативную культуру, умение следовать поведенческим моделям, адекватным ситуации; умение сделать осознанный и ответственный выбор; умение работать в группе, коллективе; способность к творческой деятельности, умение решать проблемные ситуации. Именно эти аспекты следует усиливать в образовательном процессе как в учебных занятиях, так и во внеурочное время.

Подытожив сказанное, выделим основные характерные черты детей, воспитывающихся в детских домах. Воспитанники

детских домов не способны устанавливать конструктивные, эмоционально адекватные отношения с другими людьми. Им присуща агрессивная позиция по отношению к другим людям. Они не принимают себя как личность, у них отсутствует набор ценностных ориентаций, личностных качеств, знаний и навыков. Сироты, привыкшие к изживенчеству, не умеют заботиться о себе, о своем будущем, они знают, что им некому помочь. Они не подготовлены к самостоятельной жизни.

Среди главных направлений по совершенствованию социализации детей-сирот мы выделяем формирование положительного отношения к труду, обеспечение продуктивности социальных контактов и становление четкой жизненной перспективы. В этом должны быть заинтересованы не только работники социальных учреждений, педагоги, органы власти, но и общество в целом для сохранения социальной стабильности и гармоничного развития.

Литература

Bibliography

1. Астоянц М.С. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения // Социс. 2006. № 3. С. 54-63.
2. Бадя Л.В. Исторический опыт социальной работы в России. М.: Рос. академ. образования, 1994. 203 с.
3. Барябина Е.Н. Проблемы социализации выпускников детских домов и интернатов // Социальное неравенство и образование: проблемы, исследования, действия. Саратов, 2001. С. 36-38.
4. Бреева Е.Б. Социальное сиротство. Опыт социологического обследования // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 12-15.
5. Гудонис В. Исследование социальных навыков воспитанников детского дома // Дефектология. 2008. № 6. С. 8-13.
6. Дементьева И. Дети, нуждающиеся в государственной помощи и поддержке // Социальная педагогика. 2003. № 3. С. 69-73.
7. Климантова Г.И., Федотовская Т.А. О профилактике беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации // Основные проблемы социального развития России. 2009. № 20. С. 97.
8. Короткова Т. Сирота под защитой // Социальная защита. 2005. № 10. С. 35.
9. Ключко Ю.Н., Ермилова Н.Ю., Ключко А.Ю. Социализация личности, её социальный статус и социальная роль [Официальный сайт Северо-Кавказского федерального университета] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ncstu.ru> (24.11.2012 г. — дата обращения).
10. Пескова М.Е. Особенности формирования жизненного опыта у воспитанников детского дома // Дефектология. 2007. № 5. С. 27-29.
11. Романова И.В. Категория «образ жизни» в отечественной и зарубежной научной литературе // Вестник ЗабГУ. Чита: ЗабГУ, 2012. № 10 (89). С. 63-78.
1. Astojanc M.S. Detisiroty: analiz zhiznennykh praktik v usloviyah internatnogo uchrezhdenija // So-cis. 2006. № 3. S. 54-63.
2. Badja L.V. Istoricheskiy opyt social'noj ra-boty v Rossii. M.: Ros. akadem. obrazovaniya, 1994. 203 s.
3. Barjabina E.N. Problemy socializacii vypusk-nikov detskih domov i internatov // Social'noe nera-venstvo i obrazovanie: problemy, issledovaniya, dejstvi-ja. Saratov, 2001. S. 36-38.
4. Breeva E.B. Socialnoe sirotstvo. Opyt sociolo-gicheskogo obsledovaniya // Sociologicheskie issledova-nija. 2011. № 4. S. 12-15.
5. Gudonis V. Issledovanie social'nyh navykov vospitannikov detskogo doma // Defektologija. 2008. № 6. S. 8-13.
6. Dement'eva I. Deti, nuzhdajushhiesja v gosudarstvennoj pomoshhi i podderzhke // Social'naja pe-dagogika. 2003. № 3. S. 69-73.
7. Klimantova G.I., Fedotovskaja T.A. O profilak-tike besprizornosti i beznadzornosti nesovershennolet-nih, nahodjashhihsja v trudnoj zhiznennoj situacii // Osnovnye problemy socialnogo razvitija Rossii. 2009. № 20. S. 97.
8. Korotkova T. Sirota pod zashhitoy // Social'na-ja zashhita. 2005. № 10. S. 35.
9. Klochko Ju.N., Ermilova N.Ju., Klochko A.Ju. Socializacija lichnosti, ejo social'nyj status i social'na-ja rol' [Oficial'nyj sajt Severo-Kavkazskogo federal'no-go universiteta] [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostu-pa: <http://www.ncstu.ru> (24.11.2012 g. — data ob-rashhenija).
10. Peskova M.E. Osobennosti formirovanija zhi-znennogo opyta u vospitannikov detskogo doma // De-fektologiya. 2007. № 5. S. 27-29.
11. Romanova I.V. Kategorija «obraz zhizni» v otechestvennoj i zarubezhnoj nauchnoj literature // Vestnik ZabGU. Chita: ZabGU, 2012. № 10 (89). S. 63-78.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Сапожникова Т.И., канд. социол. наук, доцент, каф. «Государственное муниципальное управление», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
sapti@mail.ru

T. Sapozhnikova, Candidate of Sociological sciences, associate professor, Transbaikal State University

Научные интересы: геронтосоциология, социология управления

Scientific interests: gerontosociology, management sociology

Логинава Е.Н., аспирант, Забайкальский государственный университет
len11111989@mail.ru

E. Loginova, postgraduate student, Transbaikal State University

Научные интересы: социология управления, государственная и региональная политика в социальной сфере; социальное проектирование; государственная политика в сфере защиты детей-сирот; особенности социализации сирот

Scientific interests: orphanhood problems; socialization of orphans, state and regional policy in social sphere; social design; state policy in the sphere of protection of orphan; features of orphans' socialization

Технические науки

УДК 621.316.11

Савицкий Леонид Владимирович
Leonid Savitskiy

СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЭЛЕКТРОБЕЗОПАСНОСТИ В ТРЕХФАЗНЫХ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СЕТЯХ НАПРЯЖЕНИЕМ ДО 1000 В С ГЛУХОЗАЗЕМЛЕННОЙ НЕЙТРАЛЬЮ

METHOD OF INCREASING THE LEVEL OF ELECTRICAL SAFETY IN THREE-PHASE ELECTRIC NETWORK WITH VOLTAGE UP TO 1000 V WITH GROUNDED NEUTRAL

Приведен способ повышения уровня электробезопасности персонала путем осуществления непрерывного контроля целостности нулевого проводника питающих линий трехфазных электрических сетей напряжением до 1000 В с глухозаземленной нейтралью. Для обеспечения безопасности персонала при косвенном прикосновении предлагается осуществлять непрерывный контроль величины тока через повторный заземлитель вводно-распределительного устройства. На основе разработанной математической модели электрической сети представлена зависимость тока через повторный заземлитель от значения переходного сопротивления контакта нулевого проводника

Ключевые слова: электробезопасность, переходное сопротивление, PEN-проводник, однофазное короткое замыкание, повторный заземлитель

The method of increasing the level of safety of personnel through the implementation of continuous monitoring of the integrity of neutral conductor supply lines of three-phase electrical networks with a voltage up to 1000 V with grounded neutral is described in the article. To ensure the safety of personnel for indirect touch, the continuous control of the current through the reground conductor of the water-distribution device is proposed to be carried out. On the basis of the developed mathematical model of an electric network dependence of the current through the recurrent earthing switch from the values of contact resistance contact neutral conductor is presented

Key words: electrical safety, reducing resistance, PEN-conductor, single-phase short circuit, recurrent earthing switch

Проблема надежной и безопасной эксплуатации промышленных сооружений и технологических установок остается актуальной на любом уровне развития технократической цивилизации. Последствия техногенных аварий проявляются как по отношению к обслуживающему персоналу предприятия, так и к общественно-коммунальным формациям: от производственного травматизма до крупных экологических катастроф [5].

Производственный электротравматизм в значительной мере обусловлен нарушениями техники безопасности при работе с электроустановками, хотя 40...45 % электротравм объясняются недочетами эксплуатации оборудования, приводящими к снижению сопротивления изоляции, появлению напряжения на нетоковедущих частях оборудования, которые не должны быть под напряжением и, наконец, к неотключению оборудования при электричес-

ких повреждениях [4].

Непосредственной причиной последней из перечисленных ситуаций является увеличение сопротивления петли «фаза-нуль», вызванное чаще всего увеличением переходного сопротивления контактов. Среди множества контактных соединений, составляющих цепь тока замыкания на землю, наиболее проблемными являются места соединения нулевой жилы питающих кабелей с корпусами распределительных устройств.

Питающие линии трехфазных электрических сетей переменного тока напряжением до 1000 В, имеющие систему заземления TN-C, выполнены четырехпроводными с совмещенным нулевым PEN-проводником. На него возложены функции обеспечения нормального режима работы электроприемников, с одной стороны, и выполнения защитных мер электробезопасности – с другой.

Весьма важную роль при этом играет вопрос целостности цепи нулевых соединений от нейтрали источника питания (силового трансформатора) до вводно-распределительного устройства (ВРУ) объекта.

От распределительной сети объекта могут быть запитаны как трехфазные, так и одно- и двухфазные электроприемники, поэтому симметричность суммарной и ус-

редненной нагрузок практически никогда не может быть достигнута, и через PEN-проводник постоянно протекает уравнительный ток. Учитывая, что согласно [1, п. 7.1.45], сечение нулевого проводника допускается менее сечения фазного (до 50 % при значениях от 35 мм² и более), в режиме значительной асимметрии нагрузок PEN-проводник может оказаться под действием тока, превышающего его предельно допустимое значение для соответствующего сечения. Последствия термического воздействия на контактные соединения нулевой цепи усугубляются практикой присоединения медных и алюминиевых жил питающих кабелей к стальным шинам и корпусам шкафов ВРУ.

Перечисленные обстоятельства при эксплуатации электрической сети обуславливают увеличение переходного сопротивления контактного соединения PEN-проводника и нулевой шины шкафа ВРУ (в пределе – до обрыва нулевой цепи).

На рис. 1 представлена обобщенная радиальная схема электроснабжения промышленного объекта от понижающей трансформаторной подстанции. В качестве источника питания объекта принято ВРУ напряжением 0,38 кВ.

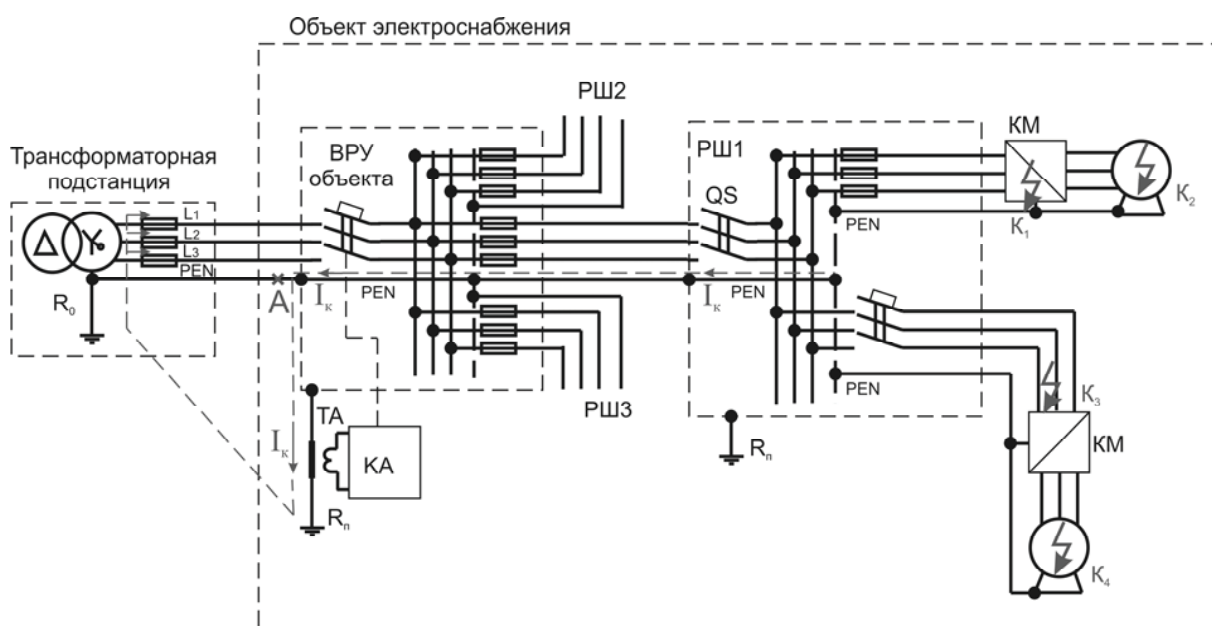

Рис. 1. Обобщенная схема системы электроснабжения промышленного объекта

В нормальном режиме работы распределительной сети, питаемой от трансформаторной подстанции и при непрерывности PEN-проводника, ток в заземляющем проводнике повторного заземлителя ВРУ практически отсутствует по двум причинам:

1) большинство силовых электроприемников являются симметричными нагрузками для трехфазной системы переменного тока;

2) имеющиеся одно- и двухфазные потребители обуславливают появление токов нулевой последовательности в контуре с наименьшим сопротивлением PEN-проводника.

Аналогичная ситуация наблюдается и в аварийном режиме замыкания фазы на корпус электроустановки (точки K_1-K_4), вызывая надежное срабатывание соответствующего защитного аппарата в поврежденной линии.

При значительном увеличении переходного сопротивления контактного соединения (или обрыве) PEN-проводника питающего кабеля с корпусом ВРУ в точке А, питание трехфазных симметричных потребителей не нарушится. Однако при повреждениях изоляции любой фазы относительно корпуса электроустановки в любой точке распределительной сети ток однофазного замыкания будет проходить по следующей цепи: вторичная обмотка силового трансформатора – питающий кабель – проводник поврежденной фазы – место замыкания - PEN-проводник до корпуса ВРУ - заземляющий проводник повторного заземлителя ВРУ – грунт между объектом и заземляющим контуром трансформаторной подстанции – глухозаземленная нейтраль вторичной обмотки силового трансформатора. Величина этого тока, в основном зависящая от сопротивления грунта между основным и повторным заземлителями, может оказаться меньше уставки срабатывания защитных аппаратов как на ВРУ, так и в силовых шкафах распределительной сети объекта.

Посредством измерительного трансформатора тока, включенного в рассечку заземляющего проводника повторного заземлителя ВРУ, на вход реле тока КА пос-

тупит сигнал, величина которого при превышении заранее заданного порогового значения вызовет срабатывание отключающего коммутационного аппарата на ВРУ.

Отличительной особенностью данного способа является непосредственное измерение тока через заземляющий проводник повторного заземлителя ВРУ для последующей отстройки порогового значения от максимальной величины несимметрии фазных токов нагрузок до минимального значения тока однофазного замыкания на заземленный корпус электрооборудования.

Основным недостатком предлагаемого способа является практическое отсутствие контролируемой величины в заземляющем проводнике при наличии дополнительных металlosвязей корпуса ВРУ и естественных заземлителей сооружения с контуром заземления подстанции. Данный случай характерен для расположения трансформаторной подстанции в непосредственной близости от здания (сооружения) [1, п. 1.7.100].

В остальных случаях, когда трансформаторная подстанция удалена и дополнительная связь основного заземляющего контура с корпусом ВРУ объекта возможна только через грунт посредством повторного заземлителя или фундамента здания, проблема контроля целостности нулевого проводника становится весьма актуальной.

На основе приведенной на рис.1 схемы электроснабжения разработана математическая модель в матричной системе Matlab&Simulink версии R2009b.

Параметры элементов модели соответствуют характеристикам реальной электроустановки, рассчитанным по паспортным и справочным данным следующего оборудования:

1) силовой трансформатор ТМ-400/10; $U_{ВН}=10,5$ кВ; $U_{НН}=0,4$ кВ; $\Delta P_{XX}=0,93$ кВт; $\Delta P_K=4,65$ кВт; $U_K=4,5$ %; $I_X=1,9$ %;

2) сопротивление заземляющего контура подстанции $R_0=4$ Ом;

3) питающий кабель ААБ-4х185; $L=100$ м;

4) автоматический выключатель на ВРУ - ВА51-35МЗ-34; $I_H=400$ А; уставка

расцепителей: электромагнитного – $10 I_H$; теплового – $(1,05...1,30) I_H$;

5) нагрузка M_1 – асинхронный двигатель серии 4А; $P_H=37$ кВт; $U_H=380$ В; $n=1480$ об/мин; кабель присоединения АВВГ-4х35; $L=10$ м; предохранитель ПН-2, $I_{ном}=250$ А, $I_{вст}=200$ А, характеристика срабатывания – токовая, обратно зависящая от времени;

6) нагрузка M_2 – асинхронный двигатель серии 4А; $P_H=15$ кВт; $U_H=380$ В; $n=1480$ об/мин; кабель присоединения АВВГ-4х10; $L=6$ м; автоматический выключатель ВА47F29-3D40; $I_H=40$ А; уставки расцепителей: электромагнитного – $(10...14) I_H$; теплового – характеристика типа D.

При моделировании сопротивление повторного заземлителя ВРУ изменялось от 1 до 30 Ом, переходное сопротивление контакта нулевого провода – от 0,05 до 1 Ом. При этом фиксировались значения тока через повторный заземлитель ВРУ и тока короткого замыкания на корпус электродвигателя M_2 (точка K_4).

Результаты моделирования показали явную зависимость величины тока через повторный заземлитель ВРУ от его сопротивления и значения переходного сопротивления контакта нулевого провода, приведенную на рис. 2.

Значения тока однофазного короткого замыкания также имеют выраженную связь с величиной переходного сопротивления контакта нулевого провода, что видно из рис. 3.

На этом же графике показана нижняя граница величины уставки срабатывания электромагнитного расцепителя автоматического выключателя, при сравнении с которой величина тока однофазного короткого замыкания при значениях $R_{ПЕР}$ более 0,6 Ом приведет к срабатыванию теплового (обратнозависимого от времени) расцепителя. Время срабатывания (согласно характеристике типа D) при этом составит более 0,7 с. При значениях $R_{ПЕР}$ более 3 Ом время отключения превысит 5 с, что нарушает условия электробезопасности согласно [2, табл. 2].

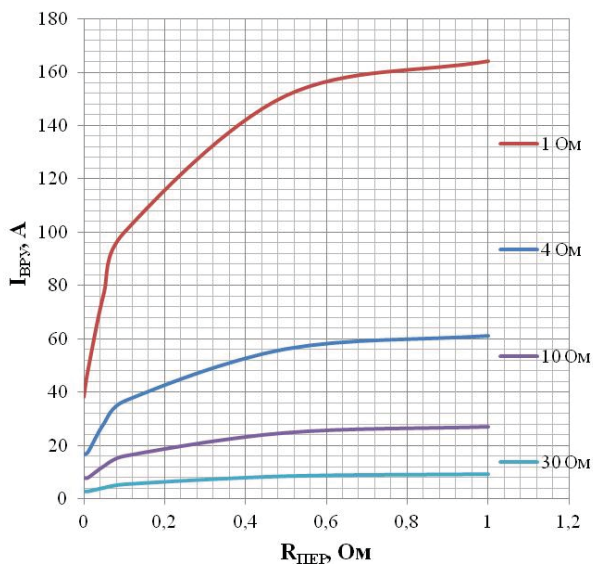

Рис. 2. Зависимость тока через повторный заземлитель ВРУ при различных значениях его сопротивления от переходного сопротивления контакта нулевого провода в режиме однофазного короткого замыкания

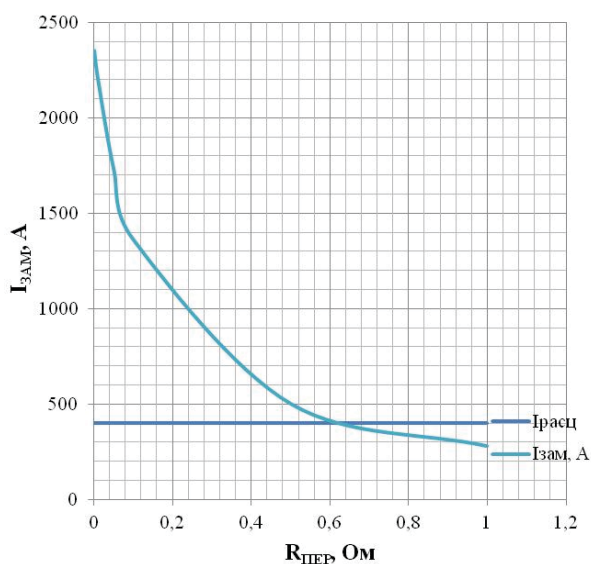

Рис. 3. Зависимость тока однофазного КЗ в точке K_4 от переходного сопротивления контакта нулевого провода

Для обеспечения безопасности персонала при косвенном прикосновении предлагается осуществлять непрерывный контроль величины тока через повторный заземлитель ВРУ, появляющийся при однофазных коротких замыканиях в любой точке распределительной сети объекта. Данный контроль осуществляется путем настройки реле тока КА (см. рис. 1) на величину, пропорциональную току в первичной обмотке измерительного трансформатора ТА.

При выборе уставки реле КА необходимо учитывать сопротивление повторного заземлителя ВРУ согласно рис.2. Минимальный ток срабатывания реле КА должен соответствовать наименьшему току однофазного замыкания в распределительной сети, вызывающему срабатывание электромагнитных расцепителей автоматических выключателей или достаточно быстрое отключение плавких предохранителей.

Выводы.

1. Среди элементов цепи однофазного короткого замыкания при повреждениях изоляции наиболее нестабильными параметрами обладает контактное соединение нулевой жилы питающего кабеля и корпуса вводно-распределительного устройства объекта электроснабжения.

2. При неудовлетворительном состоянии контакта PEN-проводника питающего кабеля с корпусом ВРУ величина тока однофазного короткого замыкания в распределительной сети уменьшается и может достичь порога несрабатывания защитных аппаратов – предохранителей и автоматических выключателей.

3. При снижении величины тока однофазного короткого замыкания (в соответствии с защитными характеристиками предохранителей и автоматических выключателей) время срабатывания защитных аппаратов увеличивается и приводит к нарушению условий электробезопасности по критериям допустимого тока через тело человека и допустимого напряжения прикосновения.

4. Контроль за состоянием контакта PEN-проводника питающего кабеля с корпусом ВРУ необходимо осуществлять непрерывно, т.к. предусмотренная [3] периодичность проверки с учетом тяжелых условий эксплуатации промышленного электрооборудования недостаточна для выполнения требований электробезопасности.

5. Эффективность применения предлагаемого способа ограничивается случаями, когда питающая трансформаторная подстанция расположена на достаточном удалении от промышленного объекта, т.е. дополнительной металlosвязи между основным и повторным заземлителями нет.

6. Уставка срабатывания реле тока в цепи заземляющего проводника повторного заземлителя ВРУ должна учитывать наименьшую величину тока в данной цепи в режиме однофазных коротких замыканий при увеличении переходного сопротивления контакта PEN-проводника питающего кабеля с корпусом ВРУ, а также сопротивление повторного заземлителя ВРУ. Кроме того, уставка срабатывания должна быть адаптивной, в зависимости от изменяющегося переходного сопротивления и сопротивления повторного заземлителя.

Литература

1. Правила устройства электроустановок: Все действующие разделы ПУЭ-6 и ПУЭ-7. 5-й выпуск (с изм. и доп., по состоянию на 1 июня 2006 г.). Новосибирск: изд-во Сиб. ун-та, 2006. 854 с.
2. ГОСТ 12.1.038-82. Электробезопасность. Предельно допустимые значения напряжений прикосновения и токов. М.: Энергоатомиздат, 1983.
3. Правила технической эксплуатации электроустановок потребителей. М.: Энергосервис, 2003.

Bibliography

1. Pravila ustrojstva jelektroustanovok: Vse dejstvujushhie razdely PUJe-6 i PUJe-7. 5-j vypusk (s izm. i dop., po sostojaniju na 1 junja 2006 g.). Novosibirsk: izd-vo Sib. un-ta, 2006. 854 s.
2. GOST 12.1.038-82. Jelektrobezopasnost. Predelno dopustimye znachenija naprjazhenij prikosnoveniya i tokov. M.: Jenergoatomizdat, 1983.
3. Pravila tehniceskij ekspluatacij jelektroustanovok potrebitelej. M.: Jenergoservis, 2003.

4. Манойлов В.Е. Основы электробезопасности. 5-е изд., перераб. и доп. Л.: Энергоатомиздат. Ленингр. отд-ние, 1991. 480 с.

5. Шадрин В.А., Диагностика гидроагрегатов Саяно-Шушенской ГЭС имени П.С. Непорожного // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2011. № 11 (78). С. 135-140.

4. Manojlov V.E. Osnovy jelektrobezopasnosti. 5-e izd., pererab. i dop. L.: Jenergoatomizdat. Leningr. otd-nie, 1991. 480 s.

5. Shadrin V.A., Diagnostika gidroagregatov Sajano-Shushenskoj GJeS imeni P.S. Neporozhnego // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2011. № 11 (78). S. 135-140.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Савицкий Л.В., доцент каф. «Электроэнергетика и электротехника», Забайкальский государственный университет
leo16061965@yandex.ru

L. Savitsky, associate professor, Power industry and electrical engineering department, Transbaikal State University

Научные интересы: электробезопасность при эксплуатации электрооборудования напряжением до 1000 В

Scientific interests: electrical safety in the operation of electrical equipment with voltage up to 1000 V

Физико-математические науки

УДК 530.145.65

Попов Игорь Павлович

Igor Popov

О ВЛИЯНИИ ИНЕРТНОСТИ ЧАСТИЦЫ НА ЕЕ ВОЛНОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

THE EFFECT OF PARTICLE INERTIA ON ITS WAVE REPRESENTATION

Отмечено, что для монохроматической волны де Бройля, соответствующей свободной инертной частице, группа волн состоит из единственной волны, поэтому групповая скорость тождественно равна фазовой. Обосновано наличие в выражении для волновой кинетической энергии коэффициента $\frac{1}{2}$, который так же, как и в классическом случае, обусловлен инертностью частицы. Предложено представление частицы в виде совокупности субчастиц, число которых \mathcal{N} бесконечно велико, в связи с чем получено подтверждение равенства групповой и фазовой скоростей. Показано, что с соотношением для волновой кинетической энергии неразрывно связаны выражения для полной волновой энергии, волновой функции и уравнение Шредингера для свободной частицы

Ключевые слова: монохроматическая волна, инертная частица, фазовая, групповая скорость, волновая кинетическая энергия

It is noted that for a monochromatic de Broglie wavelength corresponding to the free inertial particle wave group consists of a single wave, so the group velocity is identically equal to the phase. Justified by the presence in the expression for the wave kinetic energy factor $\frac{1}{2}$, which is the same as in classical case which is due to the inertia of the particle. The representation of particle as a set of sub-particles, of which \mathcal{N} is infinite, and therefore receive a confirmation of the equality group and phase velocities is described. It is shown that with the ratio for wave kinetic energy, expression for the total energy of the wave, the wave function and the Schrödinger equation for a free particle are inextricably linked

Key words: monochromatic wave, inert particle, phase and group velocity, wave kinetic energy

Движение инертных частиц удовлетворяет как классическому механическому описанию [1], так и квантово-волновому. Это приводит к появлению величин смешанной природы [2-8] – механической и волновой [9], что, в частности, позволяет выявить влияние инертности на волновое представление кинетической энергии.

Классическое и одновременно квантово-волновое описание импульса инертной нерелятивистской частицы дается выражением

$$p = mv = \frac{h}{\lambda}, \quad (1)$$

где m – масса;

v – скорость частицы;

h – постоянная Планка;

λ – длина волны де Бройля [10].

Выражение (1) получило экспериментальное подтверждение при дифракции электронов на кристаллах никеля и поэтому может считаться достоверным.

Хуже обстоит дело с энергией. В [11] представлены две разные формулы для энергии. Одна из них – выражение для полной энергии

$$E = mc^2 + \frac{mv^2}{2} = h\nu, \quad (2)$$

где c — скорость света в вакууме;
 ν — частота волны де Бройля.

Другая — выражение для кинетической энергии

$$K = \frac{mv^2}{2} = h\nu. \quad (3)$$

Частота волн де Бройля не измерялась, поэтому ни (2), ни (3) не могут считаться экспериментально подтвержденными, и следовательно, достоверными.

Формуле (2) соответствует фазовая скорость волны

$$v_\phi = \frac{c^2}{\nu}. \quad (4)$$

Формуле (3) соответствует существенно другое значение

$$v_\phi = \frac{v}{2}. \quad (5)$$

В [11] показано, что фазовая скорость волн де Бройля и энергия однозначно не определены, что иллюстрируется различием между (2) и (3) и между (4) и (5). Следовательно, энергия и фазовая скорость могут иметь иное значение.

Различие между (2) и (3) свидетельствует о том, что оба эти выражения сконструированы произвольно и не обоснованы ничем, кроме того, чтобы формула совпала с формулой для фотона. В силу того, что поведение инертной частицы существенно отличается от поведения безмассового фотона, названное обоснование может иметь негативные последствия.

Одним из таких негативных последствий является соотношение групповой скорости волн де Бройля с фазовой (4) и (5). Дело в том, что для монохроматической волны, соответствующей свободной частице, группа волн состоит из единственной волны. Поэтому групповая скорость должна быть тождественно равна фазовой

$$v_g = v_\phi = v. \quad (6)$$

Ни (4), ни (5) не удовлетворяют этому требованию, что также свидетельствует о некорректности (2) и (3); (6) позволяет не постулировать, а вывести формулу для

кинетической энергии. Имея в виду, что

$$\begin{aligned} v_\phi &= \lambda\nu, \\ \text{и с учетом (1)} \\ K &= \frac{p\nu}{2} = \frac{h\lambda\nu}{2} = \frac{h\nu}{2}. \end{aligned} \quad (7)$$

Появление коэффициента $\frac{1}{2}$ представляется естественным, поскольку обусловлено инертностью частицы. Действительно,

$$\begin{aligned} dK &= pdv = mvdv, \\ K &= \int_0^v mvdv = \frac{mv^2}{2} = \frac{p\nu}{2} = \frac{h\nu}{2}, \end{aligned}$$

в отличие от безынерционного фотона

$$E = pc = h\nu.$$

В связи с (7) (2) может быть уточнено, например, с использованием выражения для комптоновского импульса

$$mc = \frac{h}{\lambda_c},$$

где λ_c — комптоновская длина волны.

$$mc^2 = \frac{hc}{\lambda_c} = h\nu_c,$$

где ν_c — комптоновская частота.

Таким образом, выражение для полной энергии инертной частицы принимает вид

$$E = mc^2 + \frac{mv^2}{2} = h\nu_c + \frac{h\nu}{2}.$$

Как и для механического аналога, полная волновая энергия отличается от волновой кинетической энергии на аддитивную постоянную.

По отношению к частице, рассматриваемой как неделимый объект, использовать формулу для групповой скорости

$$v_g = \frac{d\omega}{dk} = \frac{d(h\nu)}{d(h/\lambda)} = \frac{d(2K)}{dp} \quad (8)$$

нельзя, поскольку все дифференциалы в знаменателях не являются бесконечно малыми, а буквально равны нулю, т.к. соответствующие величины являются неизменными. Здесь $\omega = 2\pi\nu$ — циклическая

частота волны де Бройля, $k = 2\pi/\lambda$ – волновое число.

Это положение можно искусственно изменить, если представить частицу в виде совокупности субчастиц, число которых \mathcal{N} бесконечно велико.

Могут быть рассмотрены три варианта.

Первый вариант

$$m = \text{const},$$

$$dp = m dv,$$

$$dK = m v dv,$$

$$\frac{dK}{dp} = v.$$

Второй вариант

$$v = \text{const},$$

$$dp = v dm,$$

$$dK = \frac{v^2}{2} dm$$

$$\frac{dK}{dp} = \frac{v}{2}. \quad (9)$$

Третий вариант

$$m \neq \text{const},$$

$$v \neq \text{const},$$

$$dp = d(vm) = m dv + v dm,$$

$$dK = d\left(\frac{mv^2}{2}\right) = m v dv + \frac{v^2}{2} dm$$

$$\frac{dK}{dp} = v + \frac{v}{2} \sum_{i=1}^{\infty} (-1)^i$$

– расходящийся ряд.

Из этих вариантов, в частности, следует, что dK/dp не всегда равняется скорости.

Очевидно, что для рассматриваемого случая подходит только второй вариант.

Все субчастицы движутся с одной скоростью v . Масса каждой субчастицы

$$dm = \frac{m}{\mathcal{N}}.$$

Импульс каждой субчастицы

$$dmv = dp = hd\left(\frac{1}{\lambda}\right) = \frac{1}{\mathcal{N}} \frac{h}{\lambda},$$

$$d\left(\frac{1}{\lambda}\right) = \frac{1}{\mathcal{N}\lambda}. \quad (10)$$

Кинетическая энергия –

$$\frac{dmv^2}{2} = dK = ah dv = a \frac{1}{\mathcal{N}} hv,$$

$$dv = \frac{v}{\mathcal{N}}. \quad (11)$$

Здесь a – коэффициент, который в (3) произвольно принят равным 1, а в (7) равен $1/2$. Подстановка полученных дифференциалов в (8) дает

$$v_g = \frac{d\omega}{dk} = \frac{dv}{d(1/\lambda)} = \frac{v/\mathcal{N}}{1/\mathcal{N}\lambda} = v\lambda = v_\varphi.$$

Тем самым подтверждается (6), из которой, в свою очередь, вытекает формула для кинетической энергии (7). С другой стороны, с учетом (7) и (9)

$$\begin{aligned} v_g &= \frac{d\omega}{dk} = \frac{d(hv)}{d(h/\lambda)} = \\ &= \frac{d(2K)}{dp} = \frac{d(mv^2)}{d(mv)} = \frac{v^2 dm}{v dm} = v. \end{aligned} \quad (12)$$

Это согласуется с тем, что в соответствии с [11] принципиально наблюдаемой величиной является групповая скорость волн де Бройля.

Переходя в (12) от дифференциалов к конечным приращениям при разбиении частицы на конечное число частей N , с учетом (10) и (11),

$$\begin{aligned} v_g &= \frac{\Delta\omega}{\Delta k} = \frac{h\Delta v}{h\Delta(1/\lambda)} = \\ &= \frac{h(v/N)}{h(1/N\lambda)} = \frac{2K}{p} = \frac{mv^2}{mv} = v. \end{aligned}$$

Результат, таким образом, не зависит от числа разбиений частицы. В частности, N может быть равным единице.

С учетом (7) плоская волна де Бройля для свободной частицы

$$\Psi(x,t) = Ce^{-i(\omega t - kx)} = Ce^{-\frac{i}{\hbar}(2Kt - px)}. \quad (13)$$

Здесь

$$\hbar = \frac{h}{2\pi}.$$

При дифференцировании левой части (13)

$$\frac{\partial \Psi}{\partial x} = ik_x \Psi,$$

$$\frac{\partial^2 \Psi}{\partial x^2} = -k_x^2 \Psi,$$

$$\Delta \Psi = -k^2 \Psi,$$

$$\Psi = -\frac{1}{k^2} \Delta \Psi, \quad (14)$$

$$\frac{\partial \Psi}{\partial t} = -i\omega \Psi,$$

$$\Psi = -\frac{1}{i\omega} \frac{\partial \Psi}{\partial t}. \quad (15)$$

При объединении (14) и (15)

$$\frac{i}{\omega} \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\frac{1}{k^2} \Delta \Psi,$$

$$\frac{i\hbar}{\hbar\omega} \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\frac{1}{k^2} \Delta \Psi,$$

$$i\hbar \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\hbar^2 \frac{\hbar\omega}{\hbar^2 k^2} \Delta \Psi.$$

При подстановке в последнее выражение (3) получается уравнение Шредингера для свободной частицы [11].

$$i\hbar \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\frac{\hbar^2}{2m} \Delta \Psi.$$

Однако следует руководствоваться выражением (7). Тогда уравнение Шредингера для свободной частицы принимает вид

$$i\hbar \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\hbar^2 \frac{mv^2}{m^2 v^2} \Delta \Psi,$$

$$i\hbar \frac{\partial \Psi}{\partial t} = -\frac{\hbar^2}{m} \Delta \Psi.$$

Таким образом, устранение противоречия в волновом описании инертной частицы и представление ее в виде совокупности субчастиц позволило скорректировать соотношение между фазовой и групповой скоростями волны де Бройля (6), выражения для полной и кинетической (7) энергии, волновой функции (13) и уравнение Шредингера для свободной частицы. Установленные отличия обусловлены инертностью частицы.

Литература

Bibliography

1. Баландин О.А., Верхотуров А.Р. Теоретические аспекты взаимодействия твердых частиц с электромагнитными волнами // Вестник ЧитГУ. Чита: ЗабГУ, 2011. № 12(79). С. 71-77.
2. Попов И.П. Функциональная связь между индуктивностью и массой, емкостью и упругостью // Вестник ЗабГУ. Чита: ЗабГУ, 2013. № 02(93). С. 109-114.
3. Попов И.П. Реализация частной функциональной зависимости между индуктивностью и массой // Российский научный журнал. 2012. № 6(31). С. 300, 301.
4. Попов И.П. Упруго-индуктивный осциллятор // Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 269, 270.
5. Попов И.П. Об электромагнитной системе единиц // Вестник Челябинского гос. ун-та. Физика. 2010. Вып. 7, № 12(193). С. 78-79.

1. Balandin O.A., Verhoturov A.R. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstviya tverdyh chastic s jelektromagnitnymi volnami // Vestnik ChitGU. Chita: ZabGU, 2011. № 12(79). S. 71-77.
2. Popov I.P. Funkcionalnaja svjaz mezhdu induktivnostju i massoj, emkostju i uprugostju // Vestnik ZabGU. Chita: ZabGU, 2013. № 02(93). S. 109-114.
3. Popov I.P. Realizaciya chastnoj funkcionalnoj zavisimosti mezhdu induktivnostju i massoj // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2012. № 6(31). S. 300, 301.
4. Popov I.P. Uprugo-induktivnyj oscilljator // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2013. № 1(32). S. 269, 270.
5. Popov I.P. Ob jelektromagnitnoj sisteme edinic // Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. Fizika. 2010. Vyp. 7, № 12(193). S. 78-79.

6. Попов И.П. Свободные гармонические колебания в системах с элементами различной физической природы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 22-24.

7. Попов И.П. Сопоставление квантового и макро-описания магнитного потока: сб. науч. тр. аспирантов и соискателей Курганского гос. ун-та, 2010. Вып. XIII. С. 26.

8. Попов И.П. Электромагнитное представление квантовых величин // Вестник Курганского государственного университета. Естественные науки. 2010. Вып. 3, № 2 (18). С. 59-62.

9. Попов И.П. Корпускулярный и волновой походы к теории эффекта Комптона // Естественные и технические науки. 2013. № 1 (63). С. 41-43.

10. Блохинцев Д.И. Основы квантовой механики. М.: Наука. 1976. 664 с.

11. Сивухин Д.В. Общий курс физики. Т. 5. Атомная и ядерная физика. М.: ФИЗМАТЛИТ; Изд-во МФТИ. 2002. 784 с.

6. Popov I.P. Svobodnye harmonicheskie kolebanija v sistemah s jelementami razlichnoj fizicheskoj prirody // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2012. T. 18. № 4. S. 22-24.

7. Popov I.P. Sopotstavljenie kvantovogo i makro-opisanija magnitnogo potoka: sb. nauch. tr. aspirantov i soiskatelej Kurganskogo gos. un-ta, 2010. Vyp. XIII. S. 26.

8. Popov I.P. Jelektromagnitnoe predstavlenie kvantovyh velichin // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Estestvennyye nauki. 2010. Vyp. 3, № 2 (18). S. 59-62.

9. Popov I.P. Korpuskuljarnyj i volnovoj pohody k teorii jeffekta Komptona // Estestvennyye i tehnicheckie nauki. 2013. № 1 (63). S. 41-43.

10. Blohincev D.I. Osnovy kvantovoj mehaniki. M.: Nauka. 1976. 664 s.

11. Sivuhin D.V. Obshhij kurs fiziki. T. 5. Atomnaja i jadernaja fizika. M.: FIZMATLIT; Izd-vo MFTI. 2002. 784 s.

Коротко об авторе

Попов И.П., начальник отдела инновационного развития Департамента экономического развития, торговли и труда Правительства Курганской области, г. Курган
popov_ip@kurganobl.ru

Научные интересы: квантовая механика

Briefly about the author

I. Popov, head of Innovation Development Department of Economic Development, Trade and Labour of the Government of the Kurgan region, Kurgan

Scientific interests: quantum mechanics

Филологические науки

УДК 81'282

Игнатович Татьяна Юрьевна
Tatiana Ignatovich

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГОВОРОВ СЕВЕРНОРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

MODERN STATE OF THE DIALECTS OF THE NORTH-RUSSIAN ORIGIN ON THE TERRITORY OF EASTERN ZABAİKALYE

Рассматривается история изучения восточнозabayкальских говоров севернорусского происхождения, обосновывается актуальность их исследования и освещается разработанная автором концепция современных говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья, представляющая их как результат исторической эволюции материнских говоров под воздействием экстралингвистических и лингвистических факторов. Автор уделяет внимание ключевым положениям этой концепции. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях русских говоров и разработке лингвогеографической модели диалектного пространства забайкальского региона

The author of the article studies the historical background of dialects of the North-Russian origin on the territory of the Eastern Zabaikalie and proves the importance of their study. The article shows the model of the modern dialects of the North-Russian origin on the territory of the Eastern Zabaikalie, representing them as result of historical evolution of maternal dialects under the influence of extra linguistic and linguistic factors. The worked out model is the result of the historical evolution of the parent dialects in foreign language environment. The author pays special attention to the conclusion, which helped to solve the stated above problem. The results of the work can be used for the further study of the Russian dialects and for the development of the lingvo-geographical model of the dialectal space on the territory of Zabaikalie

Ключевые слова: русские говоры, севернорусский генезис, Восточное Забайкалье, историческая эволюция

Key words: Russian dialects, North-Russian genesis, Eastern Zabaikalie, historical evolution

Работа выполнена в рамках государственного задания вузу Министерства образования и науки РФ, № 6.3620.2011. Тема проекта «Исследование региональной разновидности русского национального языка на территории Восточного Забайкалья в синхронном и диахронном аспектах»

Исследование истории и современного состояния диалектов не утратило своей актуальности, поскольку позволяет наблюдать изменения в естественной саморазвивающейся системе языка. В условиях глобализации и поглощения диалектов литературными языками в мировой науке сохраняется устойчивый интерес к иссле-

дованию древнейших форм существования языка. Современные отечественные и зарубежные диалектологи (Л.Л. Касаткин и Р.Ф. Касаткина, Л.Э. Калнынь, О.Г. Гецова, Л.И. Баранникова, Ж.К. Chambers, Р. Trudgill, J. Benjamins, J.B. Berns, J. van Marle и некоторые другие) стремятся зафиксировать и описать исчезающую самобытную природу диалектов, являющуюся частью языкового национального наследия.

В последние годы обострился интерес к проблеме динамики развития русского национального языка, появились работы, рассматривающие современные активные языковые процессы [35].

Общеизвестно, что диалекты, свободные от кодификации языковых норм, в большей степени сохраняют, в отличие от литературного языка, реликтовые языковые явления и проявляют новации, по которым можно судить о тенденциях развития как частных диалектных систем, так и русского языка в целом. Исследование происходящих в территориальных идиомах динамических процессов позволяет понять механизмы изменений частных языковых систем, а на их основе – трансформации общерусского языка [16; 40; 37; 28; 31; 5; 4].

Несмотря на тщательное исследование диалектов Севера и Юга, детальное описание и картографирование диалектного пространства центральной России, диалектологи продолжают сбор современных диалектных данных для выявления динамики изменений. В большинстве работ последних лет исследуется развитие фонетических систем территориальных идиомов [13; 27; 26; 36].

В работах сибирских диалектологов также уделяется внимание проблеме динамики развития говоров данного региона путём сравнительного анализа системы говоров на различных этапах существования, данное направление исследований берёт начало в середине 60-х гг. прошлого века с работ Н.А. Цомакион [42; 32; 3; 18; 7].

На территории Сибири остаются ещё регионы, с фрагментарно исследованным диалектным континуумом. К таким реги-

онам относится Восточное Забайкалье, на большей части территории которого, как и в Сибири в целом, сформировались говоры севернорусского генезиса.

Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения не исследованы в полном объёме, не выработано целостного представления об их формировании, подтвержденного научными доказательствами, нет комплексного описания забайкальских русских говоров, затрагивающего все языковые уровни, и сравнительно-сопоставительного исследования региональных подсистем севернорусского и южнорусского происхождения, бытующих на территории Восточного Забайкалья.

На данный момент в диссертационных исследованиях описаны фонетическая система говоров Ононского района [1], фонетическая система говора села Макарово Шилкинского района [15], реконструирована фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII вв. [40], диалектные фонетические явления и диалектная лексика по забайкальским памятникам деловой письменности XVIII в. [25], лексическая система говоров Борзинского района [34]. Ю.В. Биктимировой реконструирована морфологическая система именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII в. [2].

Опубликован ряд работ Т.Ю. Игнатович, посвященных исследованию фонетических и морфологических особенностей русских говоров севернорусского происхождения, бытующих на территории Восточного Забайкалья. Автор выявляет динамику изменений фонетической и морфологической систем забайкальских говоров с периода начала формирования вторичных русских говоров до настоящего времени, определяет тенденции их развития [8; 9; 10; 11; 12].

В работах В.А. Пащенко, посвящённых региональной фразеологии, диалектные фразеологические единицы исследуются в разных аспектах, например, с точки зрения происхождения, способов форми-

рования коннотативного значения, вариантности [33]. Исследованиями в области региональной топонимии с точки зрения происхождения и информационного потенциала в настоящее время занимаются Т.В. Федотова [39] и Р.Г. Жамсаранова [6]. Проблемам исторической лексикографии посвящены работы Л.М. Любимовой [22; 14], А.П. Майорова [24].

В последние годы появились исследования языкового наследия региона с позиций этнолингвистики [43; 23; 19; 20], забайкальская языковая культура исследуется и в историческом аспекте [21].

Экскурс в историю изучения говоров Восточного Забайкалья свидетельствует о том, что она не завершена. Русские говоры Восточного Забайкалья исследованы фрагментарно. В большинстве проведенных исследований даётся монографическое описание диалектных особенностей определённого языкового уровня (в основном фонетического или лексического) говора нескольких населённых пунктов либо говора одного населённого пункта. Есть работы, которые носят характер общего описания местной разновидности языка.

Очевидна необходимость комплексного исследования забайкальских русских говоров, затрагивающего все языковые уровни со времени начала их формирования и до настоящего времени с выявлением тенденций происходящих в них изменений.

Автором статьи разработана концепция современных восточнозабайкальских говоров севернорусского происхождения, представляющая их как результат исторической эволюции материнских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении и интеграционных процессов в современных условиях.

Исследование проводилось по следующим направлениям:

1) выявление экстралингвистических и лингвистических факторов формирования и развития русских говоров территории первичного освоения русским населением Восточного Забайкалья;

2) структурно-системное описание фонетических и грамматических диалектных

различий большого массива вторичных говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья;

3) определение в исследуемых говорах исторических изменений на основе сравнительного анализа фонетических и морфологических явлений их современного состояния с фактами реконструируемого по письменным памятникам забайкальского узуса XVII-XVIII вв.;

4) определение происходящих в современных забайкальских говорах активных языковых процессов и обуславливающих их факторов, выявление тенденций развития исследуемых говоров и их места в общих тенденциях развития русских говоров в целом и сибирских говоров, в частности;

5) рассмотрение реликтовых диалектных различий, унаследованных исследуемыми забайкальскими говорами из материнских севернорусских говоров в аспекте их неустойчивости / относительной устойчивости; определение причин их утраты или сохранности диалектных черт;

6) дифференциация исследуемых говоров на основе разной степени сохранения / нивелирования диалектных различий и определение обуславливающих это факторов;

7) определение места исследуемых забайкальских говоров в диалектном пространстве Восточного Забайкалья и Сибири в целом.

Решение ключевых проблем этой концепции позволило сделать следующие выводы.

Исследование историко-социального фактора формирования забайкальских говоров центральной, восточной и юго-восточной частей Забайкальского края показывает, что начало формирования говоров относится ко второй половине XVII в. и связано с освоением региона русскими поселенцами. Освоение региона и пополнение населения проходило на протяжении всех последующих столетий. Первые поселенцы были родом из северных регионов Российского государства. На территорию раннего заселения (Нерчинский, Шилкинский, Балейский районы Забайкальского края)

русские пришли из сибирских городов Тобольска, Илимска, Томска, Верхотурья, пополнявшихся первоначально уроженцами северных областей государства (Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской, Пермской губерний). Последующие переселенцы прибывали из разных регионов, в том числе с юга и юго-запада России. В период освоения Восточного Забайкалья русская речь, бытующая на этой территории, по данным памятников письменности, носила выраженный севернорусский диалектный характер. Севернорусские говоры первопоселенцев стали материнской основой для большинства говоров, бытующих в центральной, восточной и юго-восточной частях Забайкальского края.

Географические и социально-экономические условия формирования и существования русских говоров Восточного Забайкалья, в частности, большая площадь территории Восточного Забайкалья (431,5 тыс. км²), низкая средняя плотность населения в регионе – 2,9 чел / км² при 8,6 чел. в среднем по России, неразвитая транспортная инфраструктура в сельской местности и как следствие этого – социально-коммуникативная изолированность жителей большинства населённых пунктов, удалённых от районных центров, оказали определенное воздействие на формирование и современное состояние русских говоров Восточного Забайкалья, обусловили сохранность ряда реликтовых диалектных черт.

Сопоставительный анализ реликтовых диалектных черт, выявленных в ходе структурно-системного описания фонетики и морфологии большого массива современных русских говоров центральной и восточной частей Забайкальского края, относящихся к территории первичного заселения, с говорами европейской части России выявил у исследуемых вторичных русских говоров одну генетическую основу – севернорусскую. В то же время он показал, что исследуемые идиомы формировались на базе разных групп говоров: Поморской (Архангельской), Вологодской, Костромской групп, Онежской группы

межзональных говоров и группы Лачских межзональных говоров Северного наречия, а также восточных среднерусских окающих говоров Владимирско-Поволжской группы и западных среднерусских окающих говоров.

К приходу русских на территории Забайкалья проживали коренные кочевые народы. В результате контактов с языками коренных народов русские говоры испытали автохтонное влияние, которое проявилось преимущественно на лексическом уровне в виде заимствований из бурятского, эвенкийского языков и языков других народов, населявших край до прихода русских поселенцев. Фактор влияния автохтонных языков обусловил формирование специфических региональных черт в русских говорах Восточного Забайкалья. Современная языковая ситуация в регионе по процентному соотношению русского населения к коренным народам Забайкалья свидетельствует о том, что влияние автохтонных языков на русские говоры осталось в прошлом и в настоящее время не может быть конвергентным процессом. В настоящее время в русских говорах Восточного Забайкалья происходит процесс утраты части заимствований из автохтонных языков в связи с утратой реалий, которые они обозначали, или заменой их общерусскими синонимами. В целом на фоне процесса глобализации ослабевает локальное межъязыковое влияние.

Сопоставление диалектных особенностей забайкальских говоров севернорусского происхождения с общесибирскими чертами, выделяемыми сибирскими диалектологами, свидетельствует, во-первых, об общности исследуемых говоров на территории Восточного Забайкалья с сибирским диалектным континуумом севернорусской основы, во-вторых, об определённой сохранности общесибирских диалектных различий в исследуемых забайкальских говорах первого десятилетия XXI в.

Сопоставительный анализ говоров севернорусского происхождения сопредельных территорий Восточного Забайкалья, Бурятии и Приамурья выявляет несомненную общность диалектных черт и по-

казывает некоторое различие в степени сохранности архаических диалектных особенностей, унаследованных этими идиомами из материнских говоров. По сравнению с исследуемыми говорами Восточного Забайкалья большая сохранность архаичных черт наблюдается в говорах Приамурья, в говорах Бурятии процессы нивелирования архаичных фонетических диалектных черт проявляются активнее, морфологические черты сохранены лучше.

Разработка концепции неустойчивости / относительной устойчивости диалектных различий на основе широкого сопоставления диалектных явлений исследуемых современных говоров с данными региональных памятников письменности начала формирования забайкальских говоров позволила выявить, с одной стороны, определённую устойчивость забайкальского диалектного узуса на протяжении более трех столетий, с другой стороны – сокращение круга системных диалектных фонетических особенностей и их лексикализацию. Исследования, проводимые на протяжении последних 30 лет, дали возможность установить динамику современных изменений в говорах, которая имеет разную степень интенсивности, обусловленную уже не внутрисистемными тенденциями развития, а внешними факторами воздействия на систему диалекта, а также определить неустойчивые и относительно устойчивые реликтовые диалектные различия. Неустойчивые диалектные черты, нерегулярные в употреблении, встречаются в речи диалектоносителей старшего поколения. Относительно устойчивые регионализмы регулярны, функционируют повсеместно в речи всех возрастных групп.

Результаты исследования реликтовых диалектных различий, наблюдающихся в говорах севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья, с целью выявления устойчивости / неустойчивости диалектных черт свидетельствуют о наибольшей неустойчивости диалектного вокализма. В ударном вокализме утрачены системные диалектные различия, в том числе – звено фонем средне-верхнего подъёма. Выявленные относительно устойчивые

диалектные черты носят лексикализованный характер. В безударном вокализме устойчивые реликтовые черты не выявлены: на смену полному оканью приходит аканье, екающий в прошлом тип вокализма заменяется икающим. Система безударного вокализма становится более унифицированной и сокращённой за счёт нейтрализации гласных неверхнего подъёма.

В диалектном консонантизме большая часть реликтовых диалектных различий находится в стадии утрачивания, отражающей перестраивание консонантной системы севернорусского генезиса в сторону усиления смысловозначительной роли согласных фонем. Ряд диалектных различий в говорах исчезает с разной степенью интенсивности, например, процесс отвердения мягких шипящих, вытеснения твердого [ч] мягким [ч']. Наиболее устойчивыми оказываются диалектные различия, которые поддерживаются общеязыковыми синтагматическими закономерностями. В целом в фонетической системе исследуемых забайкальских говоров проявляется общеязыковая тенденция к упрощению вокализма и усложнению консонантизма.

В морфологии и синтаксисе исследуемых забайкальских говоров часть реликтовых рефлексов, унаследованных из говоров севернорусской материнской основы, также утрачивается. Относительно устойчивыми остаются те различия, которые попадают в русло современных языковых процессов унификации, дифференциации, экономии языковых средств и др.

Реликтовые диалектные черты, не поддерживаемые общенациональными тенденциями языкового развития, являются неустойчивыми и либо утрачиваются, либо обречены на утрату. Диалектные различия, которые не противоречат закономерностям проявлений языковых законов, остаются относительно устойчивыми и в настоящее время маркируют диалектную речь.

Проведённый сопоставительный анализ современного состояния исследуемых говоров выявил среди них три группы говоров по степени сохранения / нивелирования диалектных различий, что обусловлено

социальными факторами (территориальная изолированность / неизолированность, численность населения, местная инфраструктура и т. д.), влияющими на языковое пространство, в котором находятся исследуемые забайкальские говоры. Кроме того, исследование показало более чёткую дифференциацию говоров по степени сохранения / нивелирования диалектных различий на основе фонетических различий, поскольку они имеют высокую регулярность и частоту употребления по сравнению с морфологическими различиями.

Выявлено, что в забайкальских говорах севернорусского происхождения среди реликтовых диалектных различий наиболее последовательно происходит утрата фонетических диалектных различий, в частности, диалектных типов безударного вокализма, из грамматических — утрата согласования с предшествующим именем постпозитивных частиц.

Среди современных факторов, которые вызывают серьезные изменения в системе русских диалектов, в том числе и забайкальских, исключительным является воздействие литературного языка и общенародного просторечия, под влиянием которых в русских говорах Восточного Забайкалья развивается вариантность в употреблении диалектных и наддиалектных соответствий сегментов, активно проявляется тенденция нивелирования диалектных различий. Данная тенденция привела к исчезновению многих диалектных черт в речи забайкальцев молодого поколения.

Ещё один фактор, отражающий специфику региона, — инодиалектное влияние. В ходе развития забайкальские русские старожильческие говоры подвергались и подвергаются влиянию акающих среднерусских говоров более поздних переселенцев, что также сказывается на утрате реликтовых материнских черт.

Влияние говоров семейских южнорусского происхождения, встречающихся на юго-западной территории Восточного Забайкалья на исследуемые говоры севернорусского происхождения, которые находятся в центральной и восточной частях края,

отсутствует. Есть на территории центральной части Забайкальского края отдельные говоры, испытавшие воздействие со стороны говоров поздних переселенцев-носителей южнорусских диалектов.

Сопоставительный анализ говоров севернорусского происхождения и говоров семейских южнорусского происхождения, бытующих на территории Восточного Забайкалья, выявляет регионализмы трёх типов:

1) неустойчивые различительные регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами;

2) неустойчивые общие регионализмы, заменяющиеся в настоящее время общерусскими вариантами;

3) относительно устойчивые общие регионализмы, маркирующие забайкальскую диалектную речь.

Относительно устойчивыми общими регионализмами являются лексикализованное произношение [и]сь, долгие твёрдые [ш:] и [ж:] (*я[ш:ы]к, тѣ[ш:а], дро[ж:ы]*), утрата взрывного в сочетаниях [ст], [с'т'] на конце слов (*мос, кус, хвос, чась*), замена [к] на [х] в сочетании [кт] внутри морфемы: ([*кто*]), формы с ассимилированным [j] в сочетаниях согласных (*вало[с':а], стака[н':а], пла[т':ь]*), утрата интервокального [j] с последующей ассимиляцией и стяжением гласных в личных формах глаголов, формах прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных (*делат, думам, баса хадила, дурну дефку ни вазьмѣт, катору неделю, како тако имя, первы дни*), формы Р. п. и П. п. ед. ч. у существительных мужского рода I скл. с окончанием -у, в Р. п. мн. ч. с окончанием -ов, -ев (*из ноггов, зимовьев, фамилев*), -ей (*братей, ступлей*), унифицированные формы П. п. прилагательных и местоимений по форме Тв. п. ед. ч. (*в Балейском районе, в этом двору*), основы форм личных местоимений 3 лица с корневым [j] при употреблении с предлогами (*у ей, с им, к ей*), унифицированная форма *имя* личного местоимения 3-го л. мн. ч. *они* в Д. п. и Тв. п. (*к имя, с имя*), употребление местоимения *кто* в

форме *каво* вместо местоимения *что*, *чего* (*каво балташь? каво я скажу, абуть некава*), склоняемые формы местоимений 3 л. Р. п. с притяжательным значением (*иха дочь, их части, на коне на ивом, в ихих руках*), согласуемые формы притяжательных местоимений, образованные от форм Р. п. местоимений 3-го л. суффиксальным способом (*ихий, ихний, ихов, евошный, евоный, еёшный, ейный*), диалектные огласовки местоимений *что* ([ч'о]), *с какой-то* (*с какей-то*), личные формы глаголов с отсутствием в основах чередования [ч'] // [т'], [ж'] // [д'], [ш'] // [с'т'] (*отколотию, отъездию, вырастию*), личные формы глаголов с выравненной основой на задненёбный (*текёт, пекём*).

Суть процесса интеграции восточно-забайкальских говоров севернорусского и южнорусского генезиса заключается в утрате неустойчивых различительных регионализмов и сохранении относительно устойчивых общих регионализмов. Устой-

чивые регионализмы являются единими для обеих забайкальских региональных подсистем и дают основание предположить формирование на территории Восточного Забайкалья забайкальского региолекта, который приходит на смену русским говорам и в котором в большей степени будут представлены общенародные языковые черты, в частности общенародного просторечия, и в меньшей – особенности диалектного происхождения.

Результаты исследования подтвердили концепцию формирования и развития забайкальских говоров севернорусского генезиса.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях забайкальских русских говоров, в разработке лингвогеографической модели диалектного пространства забайкальского региона и создании Диалектологического атласа Восточного Забайкалья.

Литература

1. Абросимова О.Л. Фонетическая система русских говоров Читинской области: дис. ... канд. филол. наук: М., 1996. 201 с.
2. Биктимирова Ю.В. Морфология именных частей речи в памятниках деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2012. 219 с.
3. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 1975. 465 с.
4. Ваахтера Й.М. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области: дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01. Хельсинки, 2009. 324 с.
5. Волкова Н.А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 384 с.
6. Жамсаранова Р.Г. Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья: монография. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003. 128 с.
7. Игнатенко С.А. Динамические тенденции в вокалической системе тарского старожильческого говора: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Омск, 2004. 150 с.
8. Игнатович Т.Ю. Некоторые диалектные особенности в области фонетической синтагматики в русских говорах севернорусского происхождения

Bibliography

1. Abrosimova O.L. Foneticheskaja sistema russkih govorov Chitinskoj oblasti: dis. ... kand. filol. nauk: M., 1996. 201 s.
2. Biktimirova Ju.V. Morfologija imennyh chastej rechi v pamjatnikah delovoj pis'mennosti Vostochnogo Zabajkaliya konca XVII – pervoj poloviny XVIII vv.: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Krasnojarsk, 2012. 219 s.
3. Blinova O.I. Problemy dialektnoj leksikologii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Tomsk, 1975. 465 s.
4. Vaahtera J.M. Jevoljucija sistemy glasnyh fonem v nekotoryh russkih govorah Vologodskoj oblasti: dis. ... d-ra filolog. nauk: 10.02.01. Hel'sinki, 2009. 324 s.
5. Volkova N.A. Fonetika kurskih govorov v istorii i sovremennom sostojanii: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. M., 2004. 384 s.
6. Zhamsaranova R.G. Shulunova L.V. Toponimija Vostochnogo Zabajkaliya: monografiya. Chita: Izd-vo ZabGPU, 2003. 128 s.
7. Ignatenko S.A. Dinamicheskie tendencii v vokalicheskoj sisteme tarskogo starozhilcheskogo govora: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Omsk, 2004. 150 s.
8. Ignatovich T.Ju. Nekotorye dialektnye osobennosti v oblasti foneticheskoj sintagmatiki v russkih govorah severnorusskogo proishozhdeniya na territorii

на территории Восточного Забайкалья // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». Чита, 2010. № 3 (32). С. 77-81.

9. Игнатович Т. Ю. Проблематика и основные методы исследования вторичных русских говоров Восточного Забайкалья // Вестник ЗабГГПУ. Сер. I. Филология. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. 2008. Вып. I. С. 38-46.

10. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Забайкальского края: фонетические особенности: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 240 с.

11. Игнатович Т.Ю. Современное произношение долгих шипящих в русских говорах севернорусского происхождения на территории Забайкальского края // Гуманитарный вектор. Чита: ЗабГГПУ. 2010. № 2 (22). С. 111-117.

12. Игнатович Т.Ю. Современное состояние русских говоров Восточного Забайкалья с точки зрения факторов формирования // Вестник Нижегородского государственного университета. Нижний Новгород, 2009. № 6. Ч. 2. С. 232-238.

13. Исаев И.И. Развитие вокализма одного владимирского говора во второй половине XX века: на материале говора деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Владимир, 2004. 358 с.

14. Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII-XVIII вв.) / сост. Л.М. Любимова, Г.А. Христосенко. Чита: ЗабГГПУ, 2003. Т. 1 (А-З). 350 с.

15. Колобова Э.А. Фонетическая система говора села Макарова Шилкинского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1974. 206 с.

16. Кузнецова О.Д. Актуальные процессы в говорах русского языка (лексикализация фонетических явлений) / отв. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1985. 180 с.

17. Кудряшова Р.И. Говоры Волгоградской области и их современное состояние // Региональные особенности функционирования русского и национальных языков на территории Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции (г. Ставрополь, 27 апреля – 29 мая 2009 г.). Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2009. С. 3-7.

18. Курникова М.А. Изменение фонетической системы сибирского старожильческого говора (по материалам тарского говора Омской области: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1986. 215 с.

19. Лиханова Н.А. Дialeктные словари как этнолингвистический источник (на материале лексики забайкальских говоров: монография. Чита: изд-во ЧитГУ, 2010. 172 с.

Vostochnogo Zabajkal'ja // Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. Serija «Filologiya, istoriya, vostokovedenie». Chita, 2010. № 3 (32). S. 77-81.

9. Ignatovich T. Ju. Problematika i osnovnye metody issledovanija vtorichnyh russkih govorov Vostochnogo Zabajkal'ja // Vestnik ZabGGPU. Ser. I. Filologija. Chita: Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. 2008. Vyp. I. S. 38-46.

10. Ignatovich T. Ju. Sovremennoe sostojanie russkih govorov severnorusskogo proishozhdenija na territorii Zabajkalskogo kraja: foneticheskie osobennosti: monografiya. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 240 s.

11. Ignatovich T. Ju. Sovremennoe proiznoshenie dolgih shipjashhij v russkih govorah severnorusskogo proishozhdeniya na territorii Zabajkalskogo kraja // Gumanitarnyj vektor. Chita: ZabGGPU. 2010. № 2 (22). S. 111-117.

12. Ignatovich T. Ju. Sovremennoe sostojanie russkih govorov Vostochnogo Zabajkaliya s točki zreniya faktorov formirovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Nizhnij Novgorod, 2009. № 6. Ch. 2. S. 232-238.

13. Isaev I. I. Razvitie vokalizma odnogo vladimirskogo govora vo vtoroj polovine XX veka: na materiale govora derevni Uljahino Gus'-Hrustal'nogo rajona Vladimirskoj oblasti: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. Vladimir, 2004. 358 s.

14. Istoricheskij slovar' Vostochnogo Zabajkaliya (po materialam nerchinskih delovyh dokumentov XVII-XVIII vv.) / sost. L. M. Ljubimova, G. A. Hristosenko. Chita: ZabGGPU, 2003. T. 1 (A-Z). 350 s.

15. Kolobova Je. A. Foneticheskaya sistema govora sela Makarova Shilkinskogo rajona Chitinskoj oblasti: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnojarsk, 1974. 206 s.

16. Kuznecova O. D. Aktualnye processy v govorah russkogo jazyka (leksikalizacija foneticheskij javlenij) / отв. red. F. P. Filin. L.: Nauka, 1985. 180 s.

17. Kudryashova R. I. Govory Volgogradskoj oblasti i ih sovremennoe sostojanie // Regionalnye osobennosti funkcionirovaniya russkogo i nacional'nyh jazykov na territorii Rossijskoj Federacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj Internet-konferencii (g. Stavropol, 27 aprelja – 29 maja 2009 g.). Stavropol: Stavropolskij gos. un-t, 2009. S. 3-7.

18. Kurnikova M. A. Izmenenie foneticheskoi sistemy sibirskogo starozhilcheskogo govora (po materialam tarskogo govora Omskoj oblasti: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. L., 1986. 215 s.

19. Lihanova N. A. Dialektnye slovori kak jetnolingvisticheskij istochnik (na materiale leksiki zabajkalskih govorov: monografiya. Chita: izd-vo ChitGU, 2010. 172 s.

20. Лиханова Н.А. Лексикографирование культуры в региональных словарях: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2011. 23 с.
21. Любимова Л.М. Лексикографический фрагмент региональной картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2011. № 3 (33) . С. 172-176.
22. Любимова Л.М. Лингвистическая информативность исторического регионального словаря // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы 2-ой региональной научно- практической конференции. Чита, 1996. С. 23-27.
23. Любимова Л.М., Лиханова Н.А. Диалектная лингвокультура Забайкалья // PALAESLAVICA XIX . Cambridge – «Palaeoslavica» – Massacusetts, 2011. NO. 1. С. 283-291.
24. Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 584 с.
25. Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01. М, 2006. 471 с.
26. Межецкая Г.Н. Вокализм первого предударного слога в Елецких говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Череповец, 2010. 21 с.
27. Михова Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области: фонетический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Череповец, 2006. 198 с.
28. Орлов Л.М., Кудряшова Р.И. Русская диалектология: современные процессы в говорах: учеб. пособие; Волгогр. Гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 1998. 143 с.
29. Современные процессы в русских народных говорах: сборник статей // отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов, 1987. 153 с.
30. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
31. Проблемы динамики среднерусских говоров: коллективная монография / Т.В. Кириллова, Н.С. Бондарчук, Л.Н. Новикова и др.; под ред. Т.В. Кирилловой. Тверь.: Твер. гос. ун-т, 2001. 186 с.
32. Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 1973. 413 с.
33. Пащенко В.А. Диалектные фразеологические варианты (на материале забайкальских говоров) // Сибирские говоры: Функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка / отв. ред. Г.Г. Белоусова. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического института, 1988. С. 115-120
34. Пляскина Е.И. Бытовая лексика говора села Борзинского района Читинской области: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2001. 205 с.
20. Lihanova N.A. Leksikografirovanie kul'tury v regionalnyh slovarjah: avtoref. diss. ...kand. filol. nauk: 10.02.19. Ulan-Udje, 2011. 23 s.
21. Lyubimova L.M. Leksikograficheskiy fragment regionalnoj kartiny mira // Problemy istorii, filologii, kultury. Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2011. № 3 (33) . S. 172-176.
22. Lyubimova L.M. Lingvisticheskaya informativnost istoricheskogo regionalnogo slovarya // Problemy kompleksnogo izuchenija cheloveka. Chelovek v uslovijah Zabajkaliya: materialy 2-oj regional'noj nauchno-prakticheskoy konferentsii. Chita, 1996. S. 23-27.
23. Lyubimova L.M., Lihanova N.A. Dialektnaya lingvokultura Zabajkaliya // PALAESLAVICA XIX . Cambridge – «Palaeoslavica» – Massacusetts, 2011. NO. 1. S. 283-291.
24. Majorov A.P. Slovar russkogo jazyka XVIII veka: Vostochnaya Sibir. Zabajkalie. M.: Izdatelskiy centr «Azbukovnik», 2011. 584 s.
25. Majorov A. P. Regional'nyj uzus delovoj pis'mennosti XVIII veka (po pamjatnikam Zabajkall'ja): dis. ...d-ra filol. nauk: 10.02.01. M, 2006. 471 s.
26. Mezheckaya G.N. Vokalizm pervogo predudarnogo sloga v Eleckih govorah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Cherepovec, 2010. 21 s.
27. Mihova N.G. Govory Kirillovskogo rajona Vologodskoj oblasti: foneticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Cherepovec, 2006. 198 s.
28. Orlov L.M., Kudrjashova R.I. Russkaya dialektologiya: sovremennye processy v govorah: ucheb. posobie; Volgogr. Gos. ped. un-t. Volgograd: Peremena, 1998. 143 s.
29. Sovremennye processy v russkih narodnyh govorah: sbornik statej // отв. red. L.I. Barannikova. Saratov, 1987. 153 s.
30. Sovremennyy russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: Jazyki slavjanskih kultur, 2008. 712 s.
31. Problemy dinamiki srednerusskih govorov: kolektivnaya monografiya / T.V. Kirillova, N.S. Bondarchuk, L.N. Novikova i dr.; pod red. T.V. Kirillovoj. Tver.: Tver. gos. un-t, 2001. 186 s.
32. Palagina V.V. Rekonstrukciya ishodnogo sostoyaniya vtorignogo govora (na materiale tomского govora): dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Tomsk, 1973. 413 s.
33. Pashhenko V.A. Dialektnye frazeologicheskie varianty (na materiale zabajkal'skih govorov) // Sibirskie govory: Funkcionirovanie i vzaimovlijanie dialektnoj rechi i literaturnogo jazyka / отв. red. G.G. Belousova. Krasnojarsk: Izd-vo Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1988. S. 115-120.
34. Plyaskina E.I. Bytovaya leksika govora sela Borzinskogo rajona Chitinskoj oblasti: dis. ... kand. filol. nauk. Chita, 2001. 205 s.

35. Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные процессы конца XX века / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. 634 с.

36. Савинов Д.М. О причинах эволюции систем предупредительного вокализма в южнорусских говорах // Вопросы языкознания. № 2. 2012. С. 45-60

37. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.

38. Современные процессы в русских народных говорах: сборник статей // отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов, 1987. 153 с.

39. Федотова Т.В. Русская топонимия Забайкальского края: формирование, семантика, функционирование: монография. Новосибирск: Наука, 2010. 256 с.

40. Формирование и развитие говоров территорий позднего заселения: межвузовский научный сборник / отв. ред. Л.И. Баранникова. Саратов, 1987. 153 с.

41. Христовенко Г.А. Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII веков: дис. ... канд филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1975. 228 с.

42. Цомакион Н.А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1966. 495 (1) с.

43. Языковая культура Восточного Забайкалья: коллективная монография / Л.М. Любимова, Р.Г. Жамсаранова, Д.Б. Сундуева, Е.А. Валикова, С.Е. Баянова. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2007. 135 с.

35. Russkij yazyk segodnya. Vyp. 2. Aktivnye processy konca XX veka / отв. red. L.P. Krysin. M.: Azbukovnik, 2003. 634 s.

36. Savinov D.M. O prichinah jevoljucii sistem predudarnogo vokalizma v juzhnorusskikh govorah // Voprosy yazykoznanija. № 2. 2012. S. 45-60.

37. Sovremennyyj russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX-XXI vekov / In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: Jazyki slavjanskih kultur, 2008. 712 s.

38. Sovremennye processy v russkix narodnyh govorah: sbornik statej // отв. red. L.I. Barannikova. Saratov, 1987. 153 s.

39. Fedotova T.V. Russkaja toponimiya Zabajkalskogo kraja: formirovanie, semantika, funkcionirovanie: monografiya. Novosibirsk: Nauka, 2010. 256 s.

40. Formirovanie i razvitie govorov territorij pozdnego zaselenija: mezhvuzovskij nauchnyj sbornik / отв. red. L.I. Barannikova. Saratov, 1987. 153 s.

41. Hristosenko G.A. Foneticheskaya sistema jazyka nerchinskoj delovoj pis'mennosti vtoroj poloviny XVII – pervoj poloviny XVIII vekov: dis. ... kand filol. nauk: 10.02.01. Krasnojarsk, 1975. 228 s.

42. Comakion N.A. Turuhanskije govory v ih istorii i sovremennom sostojanii. Krasnojarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izdatelstvo, 1966. 495 (1) s.

43. Jazykovaja kultura Vostochnogo Zabajkaliya: kollektivnaya monografiya / L.M. Lyubimova, R.G. Zhamsaranova, D.B. Sundueva, E.A. Valikova, S.E. Bajanova. Chita: Izd-vo ChitGU, 2007. 135 s.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Игнатович Т.Ю., канд. филол. наук, доцент, доцент каф. «Русский язык и методика его преподавания», Забайкальский государственный университет ignatovich_chita@mail.ru

T. Ignatovich, associate professor, assistant professor Russian Language and its Teaching Methodology department, Transbaikal State University

Научные интересы: русская диалектология, лингвистическая география, история русского языка, региональные памятники письменности

Scientific interests: Russian dialectology, linguistic geography, history of the Russian language, local written records

УДК 122/ 129

Любимова Людмила Михайловна
Ljudmila Lyubimova

Баянова Оксана Вячеславовна
Oksana Bayanova

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА)

ETHNOLINGUISTIC DESCRIPTION OF THE CULTURAL CODES (ON THE EXAMPLE OF RITUAL FOLKLORE)

Рассматривается методология описания обрядового фольклора через анализ культурных кодов. Актуализируется значение философской антропологии при анализе культурных кодов, а также рассматривается этнолингвистическая методика описания обрядового фольклора на примере архаических ритуалов эвенков Забайкалья.

Задачей данной статьи является анализ методологии изучения культурных кодов, задействованных в обрядовой деятельности, с целью выявления наиболее полного алгоритма описания и прочтения культурных кодов

Ключевые слова: культурные коды, антропологическая парадигма гуманитарного знания, этнолингвистика, традиционные обряды этноса

This article discusses the methodology describe ritual folklore through the analysis of cultural codes. The value of philosophical anthropology in the analysis of cultural codes, as well as descriptions of the method is considered ethnolinguistic ritual folklore, the example of archaic rituals Evenks of Transbaikal region are underlined in the article.

The purpose of this paper is to analyze the methodology for the study of cultural codes involved in ritual activities, in order to identify the most complete description of the algorithm and the reading of cultural codes

Key words: cultural codes, anthropological paradigm of human knowledge, ethnolinguistics, traditional ethnic rites, Evenks of Transbaikal region

Культурные коды являются неотъемлемой частью коммуникации, однако современные процессы глобализации приводят к их унификации, в связи с этим представляется необходимым изучение универсалий культуры традиционных этносов, которые еще не утратили первоначальных значений культурных кодов. Актуальность поставленной проблемы заключается в том, что понятие «культурный код» позиции антропологической парадигмы гуманитарного знания нуждается комплексном исследовании.

Задачей данной статьи является анализ методологии изучения культурных кодов, задействованных в обрядовой деятельности, с целью выявления наиболее полного алгоритма описания и прочтения культурных кодов.

Материалом исследования послужили культурные коды эвенков Восточного Забайкалья.

В статье использованы общенаучные метод сравнительного анализа, а также этнолингвистический метод описания

культурных кодов, который позволил систематизировать и выделить основные культурные коды, задействованные в обрядовой деятельности этноса.

Для авторов статьи основополагающим является определение культурного кода, основанное на точке зрения лингвоантрополога В.В. Красных, где культурные коды представляются в виде сетки, которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [11].

Современная гуманитарная наука обращается к философской антропологии как интегративной области знаний о человеке. Культурные коды с позиции антропологической парадигмы гуманитарного знания неразделимы с понятием человека, его культурных ценностей. Значительную роль в бытие человека древнейших времен играли обрядовые манифестации. Мирозрение человека формировалось не как отдельное самостоятельное образование, а как продолжение изначального образа «пра-действия» [4]. Применение культурных кодов позволяет более углубленно раскрыть смыслы, задействованные в обрядовой деятельности этноса.

Большинство принципов философской антропологии, разработанных О.Ф. Больновым, непосредственно связаны с культурой, их можно соотнести и с ритуальной деятельностью, как частью культуры. Например, принцип изменчивости в постоянном [8], согласно которому человеку по своей природе присущи и постоянство, и возможность развития в границах этого постоянства и на его основе. Такой же принцип характерен и для обрядовой деятельности. Обрядовые манифестации различных этносов, как великих цивилизаций архаики, так и традиционных культур современности, несут в себе принципиальное сходство в логике человеческого осмысления глобальных процессов миротворчества [6].

Сопряжение культуры с человеком, прежде всего, подразумевает основы очеловечивания мира, что влечет признание главной из подобных основ родовой при-

роду людей, а также их этническую принадлежность и отношение к локальной культурной традиции.

Комплексное изучение человека и его этнической культуры, в состав которой входят традиционные ритуалы, невозможно без всестороннего осмысления культурных кодов. Один из основателей философской антропологии М. Шелер подчеркивал, что философская антропология должна включить изучение «всех сфер» человеческого существования [5], однако изучение культурных кодов в рамках философской антропологии требует привлечения дополнительных научных подходов, поскольку исключительно философско-антропологическая методология практически не затрагивает лингвокультурологический аспект изучения универсалий культуры. В связи с этим важно отметить мнение Ж. С. Головки, который подчеркивает, что «язык обнажает специфику национальной ментальности. Он одновременно и продукт культуры, и ее важная составляющая часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [7].

В.В. Красных в качестве базовых кодов выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды. [10]. Культурные коды есть универсум человеческого бытия, как отмечает исследователь, они соотносятся с древнейшими археическими представлениями человека, и по своей природе универсальны и свойственны человеку как Homo Sapiens, однако значимость каждого отдельного культурного кода всегда национально и культурно детерминирована [10]. Культурная детерминация кодов и есть отражение уникальности культуры. Наличие специфических элементов, отличающих тот или иной код культуры, указывает на особенности культуры, отраженной в мышлении народа [15].

«Код в лингвосемиотике культуры – это система означивания, т.е. сформированная стереотипами этнокультурного сознания конфигуративная совокупность

знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: (а) образования и структурирования довербальных смыслов и (б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы. Этноязыковое кодирование культурно-исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями рече-мыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной» — отмечает исследователь Н. Ф. Алефиренко [2].

Отталкиваясь от того, что этноязыковые коды — это вторичные знаковые, Н.Ф. Алефиренко дает их характеристику как информации селективного типа [2], то есть сознание индивида кодирует только ту информацию, которая наиболее важна в культуре определенного этнокультурного сообщества.

Н.Ф. Алефиренко подчеркивает, что рассмотрение взаимосвязи между языком и культурой возможно только при условии воссоздания недостающего элемента в цепи — сознания. Основные компоненты содержания культуры — накопление и преобразование информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, являются функциями общественного сознания [1].

Представляется, что культурные коды и есть отражение общественного сознания, поскольку при помощи них осуществляется как накопление, так и преобразование культурных смыслов. Информация культурного текста может открываться разным прочтением в зависимости от используемого кода. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, без знания кода культурный текст окажется непрочитанным.

Таким образом, культурные коды являются важным условием эффективной коммуникации между представителями различных локальных культур, а также между субъектами внутри одного культурного пространства. В связи с этим важным является мнение культуролога С.А. Арутюнова, который отмечает, что «помимо информации в синхронном плане сущест-

вует еще информация в диахронном (вертикальном) плане. Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменной литературой), а также в материально-изобразительной форме. Наличием этих инфосвязей между сменяющимися друг друга поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность, передача традиций в течение веков [3]. Этносу необходимо не потерять свое духовное богатство, для этого важно сохранить подлинные ментальные смыслы передаваемой «информации», поскольку каждый этнос видит окружающий мир сквозь призму языка и культуры, которые позволяют ему выстроить в своем сознании своеобразную структуру бытия, где все элементы соотнесены с человеком и его этнической культурой.

Следует особо подчеркнуть, что осмыслением культуры в диахронном аспекте занимается этнолингвистика — наука, изучающая при помощи лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии, независимо от способов их формального представления, и имеющая своими источниками фольклор, фрагменты национального языка и лексикографические источники [12], раскрывающие материальную и духовную культуру народа [13], [14].

Этнолингвистика не только выявляет базовые коды культуры, но и объясняет историко-семантические причины их формирования. Заметим, что этнолингвистическое осмысление фрагментов региональных картин мира позволит исследовать мировоззрение отдельно взятого этноса, стадии формирования его ментальности.

Представители московской школы антропологической лингвистики (Н.И. Толстой) разработали этнолингвистический подход к изучению культурных кодов, задействованных в обрядовой деятельности этноса.

Специфика применения методов этнолингвистики во многом обусловлена ее интегративным характером, соответственно объектом в этнолингвистическом иссле-

довании становятся не отдельно фольклор или диалект, или обряды, или материальная культура сама по себе, а локальная культурная традиция как целостное образование, включающее и фольклор, и диалект, и обряды, и материальную культуру.

Особенностью обрядового «языка», по мнению Н.И. Толстого, является именно одновременная разнокодность, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами. Это свидетельствует о довольно сложной морфологии и своеобразном синтаксисе обряда, о трехъярусной парадигматике и многоплановой (параллельной) синтагматике обрядовых символов [16].

Этнолингвистический способ описания обряда затрагивает все культурные коды, задействованные в обряде:

- акциональный (обряд как последовательность определенных ритуальных действий);
- реальный, или предметный коды (в обряде производятся действия с некоторыми обыденными предметами или со специально изготовленными ритуальными предметами);
- вербальный (обряд содержит словесные формулы, приговоры, благопожелания и т.п., сюда относится терминология и имена);
- персональный (ритуальные действия совершаются определенными исполнителями и могут быть адресованы определенным лицам или персонажам);
- локативный (действия приурочены к ритуально значимым элементам внешнего или внутреннего пространства или вообще пространственно ориентированы – вверх, вниз, вглубь и т.д.);
- темпоральный (действия, как правило, производятся в определенное время года, суток, до или после какого-либо события семейного или социального и т.п.);
- музыкальный (в сочетании со словом или независимо от него);
- изобразительный (изобразительные символы ритуалов, предметов, пищи, одежды, утвари и т.п.) и т.п. [16].

Все эти коды в той или иной степени присутствуют в обрядах, однако наиболее существенными, несущими большую смысловую нагрузку, по мнению Н.И. Толстого, являются вербальный, реальный и предметный коды [16]. При изучении обрядовой деятельности необходимо делать особый акцент на проявлении данных культурных кодов.

Представим в качестве иллюстрации анализ трех основных культурных кодов в обряде привлечения удачи в охотничьем промысле у эвенков, который описывает забайкальская собирательница эвенкийского фольклора Н.В. Коледнева. «Существовало общее ритуальное камлание накануне наступления сезона охоты. Шаман накидывал на себя заранее приготовленную волчью шкуру, а затем устраивал спектакль: подражал реву лося во время гона, хорканью дикого оленя, хрюканью дикого кабана. Этим как бы подсказывал невидимым доброжелательным к орочам духам, каких зверей нужно гнать навстречу стрелам, выпущенным из луков охотников. Помощники шамана выпускали стрелы в разные стороны, отгоняя этим злых духов, способных увести зверей в другую сторону или сбить охотника с пути. Действия сопровождали заклинаниями: «Летите прочь! Не застите глаза охотникам! Не путайте след зверя!...» [9, С. 106].

При анализе данного обрядового действия мы обнаруживаем «нанизывание» одного культурного кода на другой, которое усиливает значение охотничьего ритуала. Морфология данного обряда представлена несколькими видами культурных кодов: акциональный код (камлание шамана и выпускание стрел в разные стороны его помощниками); реальный код (лук и стрелы охотников, шкура волка), шкура волка представлена в обрядовом действе не случайно – эвенки считали волков наиболее организованными охотниками, способными загонять свою добычу, охотиться стаей, учились у хищников коллективной охоте; вербальный код представлен несколькими видами заклинаний – это подражание шаманом криков, издаваемых промысловыми

животными, а также заклинания, которыми сопровождали выпуск стрел из лука; персональный код можно оценить как ритуальные действия, направленные на отпугивание злых духов.

Охота была главным источником питания для эвенков, поэтому и обряд, связанный с ней, был представлен несколькими однотипными культурными кодами.

Как следствие этого «нанизывания» происходит «заимствование» отдельных обрядовых форм, а также, по нашему мнению, и культурных кодов. Так, в эвенкийском родильном обряде использовались похожие культурные коды.

Во время родильного ритуала эвенков отец ребенка должен был отгонять от чума лица злых духов. Исследователи описывают этот ритуал следующим образом: «Для этого использовалась пальма (шест с прикрепленным на конце острым ножом), лук и стрелы. Эвенк, ставший родителем, колот пальмой воображаемых духов, пускал в сторону севера стрелы из лука. Сопровождал свои действия речевым заклинанием: «Духи зла, летите прочь! Здесь вам нечем поживиться. Мой сын (дочка) родился крепким. Сам Тангара (дух гор) охраняет его, духи-хозяева местности пришли на его защиту, вам с ними не совладать» [9, С. 107].

В данном фрагменте родильного обряда наблюдаются определенные ритуальные манифестации, характерные для охотничьих обрядов. Акциональный и предметный коды полностью повторяют ритуал привле-

чения удачи при наступлении сезона охоты. Вербальный код также содержит определенные формулировки, повторяющие предыдущий обряд, поскольку персональный код, то есть направленность действия к недоброжелательным духам, полностью совпадает с охотничьим ритуалом.

Таким образом, несмотря на то обстоятельство, что культурные коды универсальны и имеют место в каждой культуре, их проявление, как видно из проведенного нами небольшого анализа, и значимость каждого отдельного кода национально обусловлено, что объясняется историческими, географическими и многими другими факторами, делающими каждую культуру уникальной.

Изучение культурных кодов, несомненно, актуально для анализа менталитета народа. Понять человека иной культуры или эпохи возможно лишь при правильном истолковании внутренних смыслов его деятельности. Однако для эффективности данного анализа необходима методологическая база, которой может служить антропологическая парадигма гуманитарного знания, в частности, достижения этнолингвистики в описании культурных кодов, задействованных в ритуальной деятельности этноса. Философская антропология позволит изучить культурные коды через проблематику человека и его бытия. Этнографическая лингвистика обладает достаточными научными приемами для описания культурных кодов, задействованных в ритуальной деятельности

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. СПб., 2002. № 2. С. 60-74.
3. Арутюнов С.А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 19.
4. Воронина Н.Н. Философское значение ритуала [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1\(5\)/55.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/55.pdf).

Bibliography

1. Alefirenko N.F. Lingvokulturologiya. Cen-
nostno-smyslovoe prostranstvo. M.: Flinta, 2010.
288 s.
2. Alefirenko N.F. Jetnoyazykovoe kodirovanie
smysla v zerkale kul'tury // Mir russkogo slova.
SPb., 2002. № 2. S. 60-74.
3. Arutjunov S.A. Narody i kultury: Razvitie i
vzaimodejstvie. M., 1989. S. 19.
4. Voronina N.N. Filosofskoe znachenie rituala
[Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1\(5\)/55.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/55.pdf).

5. Гагарин А.С. Философская антропология Макса Шелера: проблема интенциональности / Проблемы антропологии и антропологии в философии: коллективная монография. Ч. 3. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2005. с. 74-81.

6. Гекман Л. П. Космо-теогинез в мифологии народов Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.znaimka.ru/>

7. Головкин Ж.С. Культура и язык: аспекты взаимодействия // Научные ведомости № 12 (52). 2008. с. 173-179.

8. Капец В.П. Основания Философской антропологии (методологические рекомендации). Майкоп, 2001. 39 с.

9. Коледнева Н. В. Обряды и праздники эвенков / Малая энциклопедия Забайкалья: Культура: в 2 ч./ гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2009. Ч.2: М-Я. с. 106.

10. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2001. 375 с.

11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 232.

12. Лиханова Н.А. Этнолингвистическое осмысление фрагментов региональной картины мира // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2009. № 2. С. 170-175.

13. Любимова Л.М., Лиханова Н.А. Диалектная лингвокультура Забайкалья // Palaeoslavica: [international Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethology]. Volume XIX. № 1 / [editor A.B. Strakhov]. – Cambridge : Palaeoslavica, 2011. С. 283-291.

14. Любимова Л.М. Лексикографический фрагмент региональной картины мира // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (33) Москва – Магнитогорск – Новосибирск. 2011. С. 172-176.

15. Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь, 2007. Вып. 5. С. 80.

16. Толстой Н.И. Язык и культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. 512 с.

Коротко об авторах

Любимова Л.М., канд. филол. наук, доцент, зав. каф. «Теоретическая и прикладная лингвистика», Забайкальский государственный университет lubimova.kl@yandex.ru

Научные интересы: этнолингвистика, социолингвистика, теория и история языка

Баянова О.В., аспирант, Забайкальский государственный университет bayanova.ov@yandex.ru

Научные интересы: философия культуры, философская антропология, этнолингвистика, культурология

5. Gagarin A.S. Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: problema intencional'nosti / Problemy antropologii i antropodiceci v filosofii: kollektivnaya monografiya. Ch. 3. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. 2005. S. 74-81.

6. Gekman L. P. Kosmo-teoginez v mifologii narodov Sibiri [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.znaimka.ru/>

7. Golovko Zh.S. Kultura i jazyk: aspekty vzaimodejstvija // Nauchnye vedomosti № 12 (52). 2008. s. 173-179.

8. Kapec V.P. Osnovaniya Filosofskoj antropologii (metodologicheskie rekomendacii). Majkop, 2001. 39 s.

9. Koledneva N. V. Obrjady i prazdniki jevenkov / Malaya jenciklopedija Zabajkaliya: Kultura: v 2 ch./ gl. red. R.F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2009. Ch.2: M-Ja. s. 106.

10. Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili realnost? M.: Gnozis, 2001. 375 s.

11. Krasnyh V.V. Jetnopsiholingvistika i lingvo-kulturologiya. M., 2002. S. 232.

12. Lihanova N.A. Jetnolingvisticheskoe osmyslenie fragmentov regionalnoj kartiny mira // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2009. № 2. S. 170-175.

13. Lyubimova L.M., Lihanova N.A. Dialektnaya lingvokultura Zabajkaliya // Palaeoslavica: [international Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethology]. Volume XIX. № 1 / [editor A.B. Strakhov]. – Cambridge : Palaeoslavica, 2011. S. 283-291.

14. Lyubimova L.M. Leksikograficheskij fragment regionalnoj kartiny mira // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 3 (33) Moskva – Magnitogorsk – Novosibirsk. 2011. S. 172-176.

15. Pimenova M.V. Kody kultury i problema klassifikacii konceptov // Jazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyj almanah Stavropolskogo otdelenija RALK. Stavropol, 2007. Vyp. 5. S. 80.

16. Tolstoj N.I. Jazyk i kul'tura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M., 1995. 512 s.

Briefly about the authors

L. Lyubimova, Candidate of Philological Sciences, associate professor, head of Theoretical and applied linguistics department, Transbaikal State University

Scientific interests: ethnolinguistics, sociolinguistics, theory and history of the language

O. Bayanova, postgraduate student, Transbaikal State University

Scientific interests: philosophy of culture, philosophical anthropology, ethnolinguistics, cultural studies

Философские науки

УДК 304.2

*Ван Кэвэнь
Van Ceven**Лига Марина Борисовна
Marina Liga*
**РУССКАЯ КУЛЬТУРА ХАРБИНА
В РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ**
**RUSSIAN CULTURE OF HARBIN IN RUSSIAN AND
CHINESE RESEARCHES: COMPARATIVE ANALYSIS**

Анализ основных базовых идей и положений, составляющих основу взглядов ученых, дал возможность выделить несколько подходов к оценке данного процесса в российской и китайской литературе: отрицание взаимовлияния и взаимодействия двух культур в силу объективных и субъективных условий, рассмотрение их как замкнутых национально-культурных общностей; абсолютизация роли русской культуры в истории Харбина, что обусловлено, по мнению представителей данной точки зрения, более высоким уровнем развития культуры русской эмиграции, интеллектуальным потенциалом русских, свободой творчества, огромным стремлением к сохранению всего русского; преувеличение влияния китайской культуры на русскую культуру как культуры принимающей стороны, что наиболее ярко проявилось в творчестве русских художников; признание тесного взаимодействия, взаимовлияния двух культур, чему в значительной степени способствовали исторические условия развития Харбина как центра, аккумулирующего вокруг себя местное и эмигрантское население

Ключевые слова: *русская культура Харбина, компаративистский анализ, русское зарубежье*

The analysis of the basic ideas that form the basis of scientists' views, give an opportunity to highlight several approaches to evaluation of this process in Russian and Chinese literature: denial mutual influence and interaction between the two cultures due to objective and subjective conditions, consideration of them as closed national-cultural communities; absolutization of the role of Russian culture in the history of Harbin, which is caused, in the opinion of the representatives of this point of view, more a high level of development culture of Russian emigration, intellectual potential of the Russians, freedom of creative work, a huge desire to preserve the entire Russian; exaggeration of the impact of Chinese culture on the Russian culture as the culture of the receiving party, which is most clearly manifested in the works of Russian artists; recognition of close cooperation, interaction of the two cultures, which to a considerable extent contributed to the historical conditions of the development of Harbin as the centre of accumulating around himself local and emigrant population

Key words: *Russian culture of Harbin, comparative analysis, Russian Diaspora*

Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634.2011

Необходимость исследования культуры Русского зарубежья определяется как научными, так и общественно-политическими факторами.

В последние годы в отечественной и зарубежной науке резко возрос интерес к проблематике культуры русского зарубежья, что обусловлено процессами демократизации, происходящими в современном российском обществе, необходимостью новой объективной оценки этого уникального социо- историко-культурного явления.

Важное место в истории русского зарубежья принадлежит Харбину как главному центру русской эмиграции на Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии. Здесь еще задолго до революции и большой волны русской эмиграции, рожденной октябрьской революцией и гражданской войной, существовала русская диаспора, привлеченная строительством Китайской восточной железной дороги (КВЖД), сложился русский быт, русские традиции, обычаи, что, безусловно, повлияло на социокультурную адаптацию русских, развитие русской культуры. Русские в Харбине не только сохранили свою национальную культуру, духовные ценности, языковую и ментальную среду, но и в условиях иной культурной среды создали значительное культурное наследие в виде литературных произведений, живописи, архитектуры, музыки и др., внесли большой вклад в развитие культуры Китая, восприняли его быт, искусство, обычаи.

Обращение к историко-культурологическому анализу русской культуры Харбина продиктовано необходимостью возрождения культурных ценностей России, оценки вклада русских деятелей культуры Харбина в историю России. Чтобы понять развитие культуры России в период с конца XIX в. до 50-х гг. XX в., культуры русского зарубежья, необходимо исследовать ее дальневосточную ветвь в рамках выявления общих и особенных тенденций развития, вклада в русскую культуру, влияния и степени востребованности идей русской эмиграции в современном обществе.

Расширяющиеся в последние десятилетия контакты и сотрудничество России и Китая как стратегических партнеров актуализируют тему исследования. Поэтому изучение истории контактов двух стран в различных сферах жизнедеятельности, в

том числе и в области культуры и искусства, имеет важное значение для всестороннего развития российско-китайских отношений.

В условиях глобализирующегося мира, активного взаимовлияния различных типов культур и цивилизаций – Запада и Востока, в том числе России и Китая, становится значимым исследование исторических и культурных особенностей национально-го анклава, сложившегося на территории чужой страны, не утратившего своей самобытности как примера, образца всестороннего взаимодействия двух культур, сохранивших свой национальный характер, уникальность. Проблема исследования русской культуры Харбина имеет значение с точки зрения возникновения диаспор, опыта сохранения культурных ценностей, связей с исторической родиной, созданием благоприятной среды для развития науки и искусства. Этот опыт в современных условиях имеет важное политическое, культурно-историческое значение.

В связи с расширением культурных контактов, публикацией новых научных исследований об истории России и Китая появилась возможность с новых методологических позиций дать объективную оценку культурного вклада, который внесла русская эмиграция через развитие самой русской культуры в историю культурных достижений двух стран.

Развитие культуры связано с талантом, творческой деятельностью выдающихся писателей, художников, музыкантов, архитекторов и представителей других видов искусства. Именно поэтому в настоящее время в условиях активного интереса к культуре русского зарубежья, в том числе его дальневосточной ветви, актуальным становится историко-культурологический анализ русской культуры Харбина путем оценки социальных, духовных, культурных, политических процессов с позиции их творцов, субъектов.

Исследование роли русской творческой интеллигенции в воспроизводстве и развитии русской культуры Харбина вызывает несомненный интерес в плане анализа русско-китайского взаимодействия, трансляции

прошлого на современную реальность, дает возможность сформировать новые методологические подходы к анализу ее становления и развития. Однако пока данный аспект проблемы остается недостаточно изученным. Все это обуславливает необходимость сосредоточить внимание на проблеме исследования русской культуры Харбина.

В последние годы проблемы культуры русского зарубежья, исследование причин его появления, содержания, форм возникновения и развития стали чрезвычайно актуальны, что обусловлено процессами, происходящими в современном мире, сломом идеологических барьеров, взаимным интересам стран к истории и культуре друг друга, а также открытостью и доступностью многих архивных данных. В настоящее время тема русского зарубежья приобрела статус самостоятельного научного направления. Одним из центров русского зарубежья на Дальнем Востоке стал Харбин, куда переселилось огромное число русских беженцев.

Ученые выделяют несколько этапов в исследовании культуры русского Харбина, в рамках которых в трудах отечественных и китайских авторов сформировались различные научные стратегии, оценка событий, фактов, процессов, происходящих как в социальном пространстве самого Китая, так и за его пределами, выделены факторы, способствующие становлению Харбина как центра русской культуры.

Так, в частности, Е.П. Таскина выделяет три этапа в исследовании русской культуры Китая:

1) середина 20-х гг. XX в. — литературная жизнь Харбина связана с деятельностью писателей «старшего поколения»;

2) 1926–1935 гг. — деятельность литературно-художественного объединения «Чураевка»;

3) середина 30-х гг. — середина 50-х гг. — творчество литераторов осложнялось политической ситуацией, которая способствовала отъезду из Китая многих представителей интеллигенции из Китая, а также их смерти и физического уничтожения [11].

На наш взгляд, можно выделить два периода в российской историографии в изу-

чении русской культуры Харбина, различающиеся по концептуальному содержанию, целям, задачам: советский период (20-80-е гг. XX в.); постсоветский период (с 80-х гг. XX в. по настоящее время).

Советский период подразделяется на следующие этапы:

— конец 1920-х-начало 1940-х гг. (дается оценка русской эмиграции как врагов советской власти, идеологических противников);

— 1950-е — 1960-е гг. (появление новых подходов в изучении дальневосточного зарубежья);

— 1960-е — 1970-е гг. (события культурной революции, результатом которых стало состояние застоя в исследовании русской культуры Харбина как в китайских, так и российских исследованиях);

— 1980-е гг. — по настоящее время (рост количества произведений, дается новая оценка деятельности русской эмиграции Харбина).

История русской культуры Харбина связана со строительством КВЖД. Обращение к анализу работ китайских и отечественных ученых, посвященных КВЖД, оправдано и продиктовано тем, что становление и развитие культуры русской эмиграции в Харбине в послеоктябрьские годы опиралось на существующие национальные традиции, религиозные верования, ценности, которые принесли с собой строители железной дороги.

Среди ученых нет однозначной оценки роли КВЖД в истории России и Китая. Одни исследователи считают, что строительство дороги не отвечало интересам России, так как ускоряло социально-экономическое развитие чужой страны, за рубежом уходили не только трудовые ресурсы, но и капитал, который вкладывался в развитие многих отраслей одной из территорий Китая. Другая группа ученых оценивает позицию России как агрессивную по отношению к китайскому населению.

Работа Сюэ Сяньтяня «Охранная стража КВЖД и политическая ситуация в Маньчжурии» посвящена деятельности охранной службы на данной территории. Он

доказывает, что охранная стража как военизированная структура в большей степени выполняла функции не охраны железной дороги, а контроля со стороны армии России территории Северо-Восточного Китая.

В отличие от названного автора, Ли Дэбин и Ши Фан отходят от оценки политики России в Маньчжурии как агрессивной, захватнической. Они считают, что активное внедрение России на территорию Китая, связанное со строительством КВЖД, способствовало экономическому росту одного из его регионов [5].

Весьма противоречивой по данной проблеме является позиция Ли Мэна в работе «Харбин — продукт колониализма» [6]. С одной стороны, ученый приводит аргументы, свидетельствующие о том, что политика России по отношению к Китаю носила колониальный характер (на территории Харбина действовали русские законы, русский суд, русская железнодорожная охрана и русская полиция). С другой стороны, он обращает внимание на то, что русские приехали в Маньчжурию как друзья и их нельзя назвать колонизаторами. Лю Сунлин, исследуя историю становления и развития совместных русско-китайских предприятий, выделяет как положительные, так и негативные моменты этой совместной деятельности, давая оценку политики России как в целом губительной для экономики Китая.

Однако китайские ученые в своем большинстве дают оценку деятельности русских в Харбине как одного из условий, способствующих современной модернизации Китая, укреплению связей между народами двух стран. К примеру, Ли Яньлин считает, что строительство КВЖД явилось результатом политики правительства Китая и стратегии царской России на Дальнем Востоке и отвечало интересам двух государств [7].

В то же время существует группа китайских ученых, утверждающих, что Харбин и КВЖД строились только в интересах России, они рассматривают политику России как империалистическую (Ли Мэн, Жао Лянглун, Сон До Чжин и др.). Н.А. Василенко пишет, что современная китай-

ская научная литература дает оценку политики России в Китае как колониальной [4].

Однако ни китайские, ни российские ученые не отрицают значимости роли КВЖД для истории России и Китая. Для России строительство КВЖД — это решение геополитических, экономических и военно-строительных проблем. Для Китая — это экономический рост за счет российской казны, обретение союзника в лице России в приближающейся войне с Японией.

Обращение к исследованию русской культуры дальневосточной ветви эмиграции было концептуально задано III пленумом ЦК КПК 11-го созыва, выдвинувшим идею свободы и объективной истины, что позволило ученым обращаться к ранее запрещенным темам. Среди таких тем была русская культура Харбина, которая впоследствии начала активно и комплексно разрабатываться в связи с подготовкой работ «История регионов Китая». Таким образом, обращение к истории русской эмиграции Харбина было начато в 80-е г. XX в. В это время создаются крупные научные центры, перед которыми поставлена задача — изменить существующие стратегии, подходы к оценке русской эмиграции, ее культуры, получить новые научные знания, описать факты жизни деятелей русской культуры, промышленности, торговли и т.д.

В СССР исследование русской культуры Харбина начато в 1920-1930-е гг. В этот период сформирован подход к оценке русской культуры Харбина как культуры белогвардейской, «антисоветской», направленной против Советской власти. В исследованиях, опубликованных в 20-40-е гг. XX в., давалась негативная оценка деятельности русских эмигрантов на территории Харбина. Перед исследователями была поставлена задача — обосновать негативную роль русской эмиграции, доказать, что пребывание русских в Харбине противоречило интересам Советской власти (В.Я. Аварин, Е. Полевой, В.В. Комин, А.К. Шкаренков, Ю.В. Мухачев и др.). Однако в этот период создана огромная фактологическая база для последующего исследования основных тенденций развития русской культуры Хар-

бина и в этом немалая заслуга ученых этого времени.

В 50-60-е гг. XX в. исследования русской культуры эмиграции Харбина представлены личными воспоминаниями бывших эмигрантов. Эти работы отличаются большой эмоциональностью, долей субъективизма в оценке происходящих событий, наличием массивного эмпирического материала (Е.П. Таскина, Г.В. Мелихов и др.) [10; 11].

Время культурной революции в Китае также было периодом застоя в исследовании русской культуры Харбина как в китайской, так и российской науке, что обусловлено идеологическими факторами. С конца 1980-х гг. усилилось внимание к истории и культуре русской диаспоры в Китае, чему способствовал и возросший интерес к русскому зарубежью в целом и доступность многих архивных данных. Работы этого периода можно подразделить на три группы:

- 1) монографии отечественных и китайских ученых;
- 2) информационные материалы;
- 3) мемуары, освещающие жизнедеятельность русских в Харбине со стороны участника происходящих событий, принимающей стороны и вписываемости русских в ее пространство.

В 70-80-е гг. XX в. публикуются работы, дающие объективную оценку русской культуре Харбина, изменяются акценты в рассмотрении деятельности белой эмиграции; формируется понимание русской культуры Харбина как составной части русской культуры.

В 90-х гг. XX в. русская эмиграция рассматривается в контексте истории России как уникальный социокультурный феномен. При этом делается акцент на исследование характерных черт и особенностей русской эмиграции Харбина. Обращается внимание на ее отличие от западной, на специфику адаптационных механизмов, которые позволили не только сохранить национальную идентичность с Россией, но и оказать влияние на культуру Китая, испытать на себе ее воздействие, установить тесные контакты с населением принимающей стороны.

Давая оценку русской культуре Харбина, китайские ученые считают, что деятельность русской диаспоры содействовала укреплению культурных, духовных связей между двумя народами, чему во многом способствовал высокий уровень развития русской литературы, музыки, живописи (Ли Жэньнянь, Жао Лянлун, Ли Шу Хиао, Дяо Шаохуа и др.). Ученые обращают внимание на то, что в Харбине, где «восточная и западная культурные системы существовали в мире» (Дян Джуангда), деятельность русских беженцев «способствовала укреплению культурных связей между народами Китая и России» (Ли Шу Хиао).

О взаимовлиянии двух культур пишет Г.В. Мелехов, представитель второго поколения русской эмиграции. С точки зрения ученого, колонии на территории Харбина не были изолированы и замкнуты, они обогащали друг друга, но русское начало преобладало [11].

А.И. Букреев считает, что приток свежих, интеллектуальных сил сильно изменил облик Харбина: поселок строителей КВЖД становится современным городом, его население увеличивается на двести тысяч человек [2].

Огромный вклад в исследование русской культуры Харбина внес профессор Ли Яньлин – подлинный знаток русского языка и литературы, награжденный российским правительством орденом Дружбы. Ученый обратился к изучению русской культуры Харбина в сложные 60-е гг. XX в. – годы культурной революции, когда сжигались произведения иностранных авторов, разрушались храмы, когда любое упоминание о русских, грозило смертью. Им были изданы 5-томный перевод на китайский язык произведений русских эмигрантов в Харбине «Серия литературных произведений русских эмигрантов в Китае», 10-томник «Литература русских эмигрантов в Китае». В издании собраны произведения семидесяти поэтов и двадцати четырех прозаиков, он издан на русском языке на средства, предоставленные мэрией г. Цицикар, где живет профессор.

Профессор Ли Яньлин обращает внимание на тесное взаимодействие, переплетение, взаимовлияние китайской и русской культур. Исследуя русскую культуру Харбина, ученый наряду с такими ее чертами, как патриотизм, реалистичность, психологизм, реализм, выделяет сочетание в ней русской культуры и культуры Китая. В этом взаимодействии первостепенное значение Ли Яньлин отводит обычаям, традициям морали, природе китайского народа. Сочетание двух культур сделало литературу Харбина отличной от литературы внутри России, так как последняя имела только один «единственный фон, то есть Советский Союз» [7].

Примером тесного взаимодействия двух культур могут служить произведения А. Несмелова, В. Перелешина, А. Ачаира, А. Щаломува, автора первой китайской симфонии «Пекинские переулки», первой китайской оперы «Богиня» [8;9]. Особенно ярко, по мнению Ли Яньлина, взаимовлияние двух культур обнаруживается в творчестве Н. Байкова, его произведении «Великий Ван», проникнутым духом китайской морали и китайской философии, воспевающим китайскую культуру [3].

Ли Жэньнянь обращает внимание на то, что в Харбине началось творчество многих ставших впоследствии известными деятелей культуры. По ее мнению, в их творчестве, которое развивалось в специфических условиях, нашли отражение национальные традиции и особенности Востока.

Ван Ямин подчеркивает, что русские писатели и поэты не только смогли сохранить типичную русскую литературу «серебряного века», но и внести в нее сильный колорит китайской культуры. Русская культура Харбина является межнациональной и кросс-культурной.

О взаимовлиянии двух культур, их обогащении говорит С. Якимова, утверждая, что русская культура, развиваясь в рамках чужой культуры, не утратила своей самобытности, обогащалась сама и влияла на культуру страны, которая создала условия для ее развития.

Китайские ученые Ли Щусяо, Чжан Цзунхая, Дяо Шаохуа, Ли Шу Хиао счи-

тают, что укреплению культурных связей двух народов способствовала деятельность русской православной церкви, которая, по мнению Чжан Цзунхая, не только определяла духовной климат в русской диаспоре, но и оказывала значительное влияние на культуру китайцев – жителей Харбина.

Однако ряд китайских и российских ученых отрицает наличие культурных связей между китайским населением Харбина и русскими эмигрантами (Ли Мэн, Цюй Цюбо). Это утверждение основывается на конкретных исторических фактах, воспоминаниях Ю. Крузенштерн, Н. Байкова, Н. Резниковой, анализе литературных произведений, созданных в 1920-1930-е гг. Ли Мэн утверждает, что, проживая много лет в одном городе, россияне и китайцы все же не имели возможности взаимно обогатиться в культурном отношении, поскольку не знали языка друг друга.

В 1936 г. вышла книга китайской писательницы Сяо Хун «Рыночная улица», в которой дается описание ее жизни в Харбине. Это единственная в те годы работа, где биографии русских писателей встречаются несколько раз. В произведениях других китайских писателей ничего не говорится о русских, которые жили рядом с ними. В ряде китайских исследований отмечается, что в произведениях известных русских писателей, таких как А. Несмелов, Б. Юльский, посвященных жизни русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае, китайские персонажи представлены «ленивыми, тупыми, хитрыми, дикими или жестокими» (Ли Мэн). В романах Н. Байкова китайцы олицетворяются с дикой природой. Как уже говорилось, иную оценку творчеству Н. Байкова дает китайский исследователь Ли Яньлин.

По своей природе русская диаспора в Харбине была замкнутой национально-культурной общностью, считает А.С. Черкашина. Именно эта замкнутость, осознание своей инородности, стремление самоидентифицировать себя с родиной, сохранить свои национальные традиции и стали причиной создания различного рода образовательных, научных, досуговых,

воспитательных, религиозных центров. Этой позиции придерживается и ряд других российских ученых (В.Ф. Печерица, Н.В. Аблова), которые считают, что русская диаспора Китая была замкнутой группой, которая сохраняла свою социальную, языковую, религиозную автономию [1;11].

Противоречивость точек зрения на оценку значимости КВЖД для истории Китая и России наиболее сильно проявилась в период празднования юбилея Харбина. Ряд китайских авторов не связывают появление г. Харбин со строительством железной дороги, утверждая, что промышленность в Харбине появилась в 50-х гг., а причину притока русского населения на эти территории они усматривают во внутривосточной жизни России.

Литература

1. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории. (Первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2005. 432 с. («Страницы российской истории»).
2. Букреев А.И. Книга «восточной ветви» русской эмиграции: вторая половина XX в. Хабаровск: ДГНБ, 2003. С. 21-22.
3. Байков Н. Собрание сочинений. Том I. Великий Ван. Альманах «Рубеж», 2009. с. 528.
4. Василенко Н.А. О некоторых аспектах истории российской эмиграции в работах китайских авторов // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. с. 297-04.
5. Ли Дэбин, Ши Фан. Хэйлунцзян иминь гайяо (Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян). Харбин, 1987. С. 137.
6. Ли Мэн Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока, 1999. № 1. С. 96-103.
7. Ли Яньлин Литература российских эмигрантов в Китае. Т. 3. Пекин: Изд-во 中国青年出版社. 2005.
8. Ли Жэньнянь Культурно-просветительская деятельность российской эмиграции в Китае. – Китайский информационный Интернет-центр. 04/08/2003.
9. Лю Хао. Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 29 с.
10. Мелехов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.
11. Таскина Е.П. Русский Харбин. Антология. М.: Изд-во МГУ, Наука, 2005. 352 с.
12. Печерица В.Ф. Духовная жизнь русской эмиграции в Китае. Владивосток: Дальневост. ун-т, 1998. С. 230.

Российские и китайские ученые, обращаясь к исследованию русской культуры Харбина, недостаточно актуализируют проблему взаимовлияния культур двух народов. Российские ученые акцентируют внимание на анализе культурного наследия албазинцев, строителей КВЖД, эмигрантов, советских специалистов. В то же время китайские ученые, исследуя социальную и культурную историю Харбина конца XIX в. – 40-х гг. XX в., пишут в основном о влиянии китайской культуры на русскую культуру.

При оценке русской культуры Харбина необходимо иметь в виду тот исторический, социальный, культурный фон, который детерминировал процессы ее становления, развития и упадка.

Bibliography

1. Ablova N. E. KVZhD i rossijskaya jemigraciya v Kitae. Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii. (Pervaja polovina XX v.). M.: Russkaya panorama, 2005. 432 s. («Stranicy rossijskoj istorii»).
2. Bukreev A.I. Kniga «vostochnoj vetvi» russkoj jemigratsii: vtoraya polovina XX v. Habarovsk: DGNB, 2003. S. 21-22.
3. Bajkov N. Sobraie sochinenij. Tom I. Velikij Van. Almanah «Rubezh», 2009. S. 528.
4. Vasilenko N.A. O nekotoryh aspektah istorii rossijskoj jemigracii v rabotah kitajskih avtorov // Istoricheskij opyt osvoenija Dalnego Vostoka. Vyp. 4. Jetnicheskie kontakty. Blagoveshhensk: AmGU, 2001. S. 297-04.
5. Li Djebin, Shi Fan. Hjejlungczjan imin gajjao (Kratkij ocherk ob immigrantah v provincii Hjejlungczjan). Harbin, 1987. S. 137.
6. Li Mjen Harbin – produkt kolonializma // Problemy Dal'nego Vostoka, 1999. № 1. S. 96-103.
7. Li Jan'lin Literatura rossijskih jemigrantov v Kitae. T. 3. Pekin: Izd-vo 中国青年出版社. 2005.
8. Li Zhjennjan Kulturno-prosvetitel'skaja deyatelnost rossijskoj jemigracii v Kitae. – Kitajskij informacionnyj Internet-centr. 04/08/2003.
9. Lju Hao. Pojezija russkoj jemigracii v Harbine: osnovnye imena i tendencii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2001. 29 s.
10. Melehov G.V. Belyj Harbin: seredina 20-h. M.: Russkij put, 2003. 440 s.
11. Taskina E.P. Russkij Harbin. Antologija. M.: Izd-vo MGU, Nauka, 2005. 352 s.
12. Pecherica V.F. Duhovnaja zhizn russkoj jemigratsii v Kitae. Vladivostok: Dalnevost. un-t, 1998. S. 230.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Ван Кэвэнь, преподаватель, каф. «Русский язык», Китайский нефтяной университет, г. Циндао, КНР
wkwcom@yandex.ru

Van Ceven, lecturer, Russian language department, China petroleum University, str. Qingdao

Научные интересы: русское зарубежье, культура русской эмиграции в Харбине

Scientific interests: Russian Diaspora, culture of Russian emigration in Harbin

Лига М.Б., д-р социол. наук, профессор, каф. «Социология и социальная работа», декан социального факультета, Забайкальский государственный университет
liga@inbox.ru

M. Liga, Doctor of Sociological Sciences, professor, Sociology and social work department, Dean of Social faculty, Transbaikal State University

Научные интересы: социология молодежи

Scientific interests: sociology of youth

УДК 101.1:316

Цзоу Хун
Zou Hong

РИТУАЛ (礼, ЛИ) В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН КОНФУЦИАНСКОГО АРЕАЛА АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

RITUAL «LI» IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE CONFUCIAN AREA OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Исследуются факторы, обуславливающие распространение ритуала (ли), тенденции его эволюции в социокультурном пространстве стран конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона. В современных условиях существует несколько тенденций эволюции ритуала в этих странах, которые связаны с процессами модернизации экономической, социальной жизни. Изменение ритуала (ли), появление его новых форм обеспечивает функционирование данного типа ритуала в современном обществе. На основе выделения факторов влияния внешней и внутренней среды на жизнедеятельность стран конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона выявлены основные тенденции эволюции ритуала (ли): сохранение отдельных элементов ритуала (ли), их интеграция в историю, политику, экономику, культуру страны с учетом ее специфики; изменение отдельных элементов ритуала (ли) и их адаптация к историческим, культурным, социально-экономическим, политическим особенностям страны; индивидуализация ритуала (ли), которая состоит в том, что из сферы социального бытия общества он перемещается в сферу социального бытия личности

Ключевые слова: ритуал, ритуал (ли), Азиатско-Тихоокеанский регион, конфуцианство

The paper deals with the factors that contribute to the dissemination of the ritual, the trends of its evolution in social and cultural space of the Confucian area of the Asia-Pacific region. Under current conditions, there are several trends in the evolution of the ritual in these countries, which are related to the processes of modernization of economic and social life. Changes that have taken place in the «li» ritual, the emergence of new forms of the ritual keep this type of the ritual functioning in the modern society. On the basis of the factors providing influence of the external and internal environment on the link of the Confucian area of the Asia-Pacific region, the author identifies the main trends in the evolution of the «li» ritual: preservation of some elements of the «li» ritual, their integration in the history, politics, economy and culture of the countries considering the national specificity; changes in some elements of the «li» ritual and their adaptation to the historical, cultural, socio-economic and political characteristics of the country; individualization of the «li» ritual, which becomes apparent in the fact that the ritual moves from the social life of society into the sphere of social life of the individual

Key words: ritual, the Confucian «li» ritual, the Asia-Pacific region, confucianism

Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки РФ, № 6.3634.2011

Большое количество разнообразных церемоний и ритуалов — главная характеристическая черта китайской традиционной

культуры. Культурная символика, китайские традиционные ритуалы (礼, ли) известны и уважаемы во всем мире. На протяжении всей своей длительной истории Китай всегда оставался страной-экспортером разнообразных культурных ритуалов и церемоний. Для всех стран мира очевидно, что именно ритуал (礼, ли) является ядром школы конфуцианства в Китае. Вне всякого сомнения, практически все страны Восточной Азии находятся под огромным влиянием китайских традиционных ритуалов и церемоний. Конфуцианство получило свое распространение не только в Китае, но и в других странах Восточной Азии. Идеи конфуцианства – это своего рода культурная ось для стран Восточной Азии, а основные идеи конфуцианства неразрывно связаны с ритуалом (礼, ли).

Конфуцианство как и китайская иероглифика, законодательство, буддизм давно начали проникать в соседние с Китаем страны и оказывать огромное влияние на культуру и идеологию этих стран. Конфуцианство было распространено во всей «Поднебесной», где и возник так называемый «Конфуцианский культурный регион», или «Ареал китайской культуры и иероглифов». Помимо Китая, идеи конфуцианства глубоко проникли в страны, расположенные на периферии Восточноазиатского континента, такие как Корея, Вьетнам, Япония и ряд других островных и полуостровных государств. На протяжении китайской истории китайская ритуальная одежда и прочие реликвии дважды полностью проникали в Корею и Японию: первый раз – во времена правления династии Тан, второй – во времена правления династии Мин. Огромное влияние на восприятие корейцами и японцами гуманности, справедливости, почтения и прочих ценностей оказали этика и церемониал конфуцианства, совершенно очевидно, что школа конфуцианства стала ведущим культурно-идеологическим направлением в Корее и Японии [4, С. 121]. В современной Японии и Корее также явно прослеживаются следы влияния традиционной церемониальной культуры ритуала (礼, ли).

Во второй половине XX в. Япония, Южная Корея и другие страны, которые называют «четырьмя азиатскими тиграми» и континентальный Китай создали экономическое чудо, достигли больших успехов в деле модернизации во многом благодаря конфуцианской культуре, особенно ритуалу (礼, ли). Без таких этических принципов, как верность семье, послушание властям, уважение старших, старательность, скромность и экономность, корпоративное взаимодействие, следования системе ценностей, нормам жизни и структуре социума, модернизацию вряд ли можно было бы осуществить [6, С. 34].

Таким образом, согласно теории конфуцианского капитализма, конфуцианская идеология не только не противоречит духу капиталистических идей, но и способствует осуществлению модернизации. Эти факторы конфуцианской идеологии существовали на протяжении более двух тысяч лет в иерархическом обществе Китая, но тогда они не стимулировали изменение способа производства китайского общества. Это влияние отразилось в церемониальных отношениях между людьми, различиям в отношениях между верхами и низами, культуре и нормам вежливого обращения. Все это – элементы традиций современных стран Восточной Азии. Эти элементы включали не только благоприятные для модернизации инструменты воздействия на поведение людей, но и стали одной из разновидностей самосознания народов Восточной Азии.

Среди факторов, детерминирующих появление, распространение ритуала (礼, ли), его эволюцию в странах конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона, можно выделить следующие:

- исторические условия и цивилизационное единство стран конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона;
- особенности влияния китайской цивилизации на каждую страну региона;
- востребованность в эффективном, инновационном менеджменте в странах конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона на фоне экономического подъема послевоенных лет.

Глобализация экономики, появление нового вида капитала, возрастание роли информационных интеллектуальных ресурсов, наличие общих мировоззренческих оснований культуры стран конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона, совмещение идей конфуцианства с западными стандартами развития общества актуализировали обращение к таким ценностям, как авторитет семьи, стремление к образованию, чувство долга, уважение старших. Данные ценности воплощены в ритуале (禮, ли).

Распространение и влияние конфуцианской культуры (ритуала (禮, ли) на Корейском полуострове. С древнейших времен из Китая на Корейский полуостров начали проникать и быстро распространяться идеи конфуцианства. В древние времена китайская традиционная культура имела сильное влияние на Корейском полуострове, и даже в культуре современной Кореи традиционная китайская культура играет наиважнейшую роль. В Корею Конфуция почитают как «Совершенномудрого», известного своими великими достижениями. В Корею есть не только Институты Конфуция, научно-исследовательские институты конфуцианства и прочие подобные организации, но и в более чем двадцати высших учебных заведениях страны есть специальный предмет по изучению идей конфуцианства. Более 80 % населения этой страны уверены в том, что конфуцианство и преподавание конфуцианства — дело исключительно полезное и нужное. В 1960 г. основные идеи и принципы конфуцианства включены в образовательную программу начальных, средних и высших учебных заведений [1]. После того как Азия пережила влияние мирового финансового кризиса, корейцев вновь заинтересовала суть конфуцианских идей и они научились применять их в современной жизни. В Корею уверены в том, что религий может быть много, а вот принципам морали и этики учит лишь конфуцианство. После того как корейское общество столкнулось с западной культурой, конфуцианство стало своего рода защитной, стабилизирующей силой. Несмотря

на то, что культура традиционного Китая в чем-то сильно различается с современной корейской культурой, нечто общее у них все же есть, как есть и потенциальные возможности для развития в современном мире.

Корейцы очень активно заимствуют и внедряют рыночную экономику и менеджмент западного образца, в то же время они осознали опасность таких западных ценностей как культ денег, индивидуализм, несерьезность человеческих отношений и т.д., старательно избегают их, придерживаясь конфуцианской морали, оберегают себя и свой народ и не допускают подмены своих традиционных конфуцианских ценностей ценностями чуждого западного мира. В современной Корею одни ратуют за принятие новых принципов глобальной, общемировой культуры (на самом деле это культура американского образца), другие выступают за сохранение и соблюдение принципов традиционного китайского конфуцианства. Последние имеют огромные заслуги в деле сохранения китайской традиционной культуры. С детства, вырастая в коллективе, где им прививают патриотизм, они буквально пропитываются идеями традиционного конфуцианства. Конфуцианство составляет основу менталитета корейцев, их стиля мышления, поддерживает связи внутри общества, обеспечивает «гармонию в обществе» и его «конкурентоспособность», что, в свою очередь, помогает сохранять стабильность внутри страны и дает максимум возможностей для экономического развития на международном уровне, способствует мировому лидерству Кореи [5, С. 230]. Корейцы взяли также все самое лучшее из культуры Западного мира, что позволяет стране успешно развивать свою национальную экономику, с успехом завершить модернизацию Кореи.

Помимо этого, китайская традиционная культура, особенно ритуал (禮, ли), очень глубоко вошла в повседневную жизнь корейского народа. Уважение к старшим — это краеугольный камень всего конфуцианского учения. Эта добродетель является доминирующей в культурной жизни корейского общества, ею пропитана буквально

вся материальная и духовная жизнь корейцев. Корейцы с малых лет осознают, насколько важно уважать старших, каждый ребенок знает о том, что такое «преданность и почтение», ему прививают такие морально-этические нормы, как «быть преданным, почитать старших, быть вежливым» и другие нормы традиционного морально-этического воспитания. Поэтому дети в Корее уже с малых лет знают о своей обязанности почитать старших и помогать родителям. В корейских семьях огромное внимание уделяется взаимоотношениям между главой семьи и младшим поколением, более того, поощряется самостоятельность детей и их способность самостоятельно решать свои проблемы. Однако вне зависимости от того, у кого возникли проблемы, и взрослые, и дети, прежде всего, заботятся о том, чтобы решить их самостоятельно, а не загружать других своими заботами и финансовыми трудностями, все всегда должны помнить о своей скромности.

Традиционные праздники занимают важное место в культуре корейцев, каждый из них отмечают по-особому. Например, традиционный корейский праздник четырех стихий, родительский день, день рождения Будды, фестиваль драконовых лодок, праздник середины осени и т.д. В канун Праздника Весны все родственники должны вернуться в дом старшего сына, где находится алтарь предков, чтобы принять участие в чайной церемонии поклонения предкам и поздравлении родителей с праздником. Во всех корейских школах есть аудитория, где проводят уроки особых ритуалов и церемоний, их декор полностью выполнен в корейском стиле, висят традиционные народные костюмы и т.д. На этих занятиях учат как правильно приветствовать старших, вести себя во время разговора с ними, изучают столовый этикет, объясняют, как праздновать Новый год в кругу семьи, как угощать старших чаем и т.д.

К сожалению, ритуал (禮, ли), являющийся краеугольным камнем китайской культуры, в самом Китае сейчас не столь популярен как в Южной Корее. Поэтому в наши дни в глазах Западного мира именно

Южная Корея, а не Китай, является оплотом конфуцианских идей.

Влияние и распространение конфуцианского ритуала (禮, ли) в Японии. Во всем мире нет другой страны, которая бы, подобно Японии, была столь сильно подвержена влиянию китайской традиционной культуры. Особенно сильное влияние на японскую культуру оказала китайская традиционная культура ритуала (禮, ли), в основе которой было конфуцианство. Как и в Корее, древнейшие японские ритуалы, архитектура, наряды и украшения, письменность, моральные нормы, законодательство берут истоки в Китае. Известный японский учёный китайского происхождения Чэнь Шуньчэнь считает, что древняя культура Японии это своего рода «копия» древней культуры Китая.

Конфуцианские взгляды проникли в Японию еще в эпоху Дахэ (250-538 гг.) и в настоящее время уже слились с образом жизни, поведения и мышления японцев, став важной частью японского национального характера и менталитета. Влияние Конфуция на Японию не уступает его влиянию на Китай. Японский народ, взяв «полезность» в качестве основного принципа, непрерывно аккумулировал и активно использовал достижения зарубежных культур, таким образом, сформировав собственную культуру. Например, конфуцианская идея о «благополучии народа» стала «мостом» к демократическому направлению в политике со свободным народовластием. Конфуцианские «рассуждения о долге и выгоде» стали моральной основой для начала развития капитализма в Японии; конфуцианское представление о «преданности» является основной обязанностью государства и предприятий в Японии; понятие о «золотой середине» является регулятором современной политики в Японии [1].

Влияние ритуала (禮, ли) на Сингапур. Сингапур — это многонациональное государство, в котором численно доминируют китайцы, это страна с высокоразвитой конфуцианской культурой. После провозглашения независимости, в результате быстрого скачка всего за несколько десятков

лет Сингапур из экономически отсталого государства с многократно возникающими смутами, свирепствующими эпидемиями и захолустными деревнями вошел в число вновь поднявшихся индустриальных стран и заслужил на международной арене репутацию классического образца модернизации.

Исследуя причины этого, выясняется, что конфуцианская философская культура — это уникальный культурный фактор, обусловивший путь модернизации Сингапура, мощная движущая сила, которая позволила Сингапуру стать во главе «Восточноазиатских тигров» и осуществить стремительный взлет экономики. Оказавшись перед лицом многочисленных культурных конфликтов и столкновений, правительство Сингапура упорно отстаивало основные ценности и длительный исторический опыт конфуцианской философской культуры, провозгласило руководящей идеологией и «национальным сознанием», после чего, удачно совместив культурное наследие восточной цивилизации и достижения других культур, добилось значительных успехов в модернизации.

Правительство Сингапура уделяло значительное внимание конфуцианской идеологии. Первый премьер-министр республики Сингапур Ли КуанЮ считал, что морально-этические принципы конфуцианства могут предотвратить кризис нравственности, возникающий в процессе развития экономики в связи с низким уровнем культуры среди молодежи.

В Сингапуре помимо многочисленных традиций, отвечающих требованиям модернизации, сохранились и некоторые конфуцианские идеи, такие как принцип гармонии, концепция нравственности, просвещения, учение о Середине и т.д. Различие в том, что конфуцианская философская культура в Сингапуре прошла некую модернизацию: ее феодальный характер постепенно ослабевал, а гуманность и национальное сознание достигли своего апогея. Конфуцианская идеология в Сингапуре приобрела модернизированный, социальный характер и локальную специ-

фику. Она отвечает требованиям развивающейся экономики, успешно объединившись с моделью управления на научной основе, стала интеллектуальным инструментом, стимулирующим развитие экономики. В связи с политической обстановкой в стране правительство Сингапура предложило новое толкование «8 добродетелей» (八德) конфуцианства. Эти ценности следующие: государство превыше всего, общество первоначально; семья — это корень, общество — основа; забота и помощь, уважение к личности; общность взглядов, несмотря на существующие различия, единство мнений; гармония рас, терпимость к религиям. Здесь отчетливо прослеживаются идеи конфуцианской культуры этикета и музыки, как признаки цивилизованного государства. Среди них особое внимание уделяется идее «семья — это корень», а вопросы гармонии и стабильности в семье составляют основное содержание системы «5 общих ценностей» (五大共同价值观). Характерная и основная черта этикета — принцип гармонии, суть которого в том, что все люди — братья. Помимо этого, правительство настойчиво осуществляет социализацию культуры этикета и музыки. Правительство Сингапура провело несколько государственных акций для создания страны под названием «Цивилизованное государство»: «Говорите вежливо», «Говорите на литературном языке». Развернуло тематические кампании: «Неделя искренности», «Неделя уважения», «Неделя национального сознания» и др. Правительство Сингапура подчеркивало, что «без изучения этикета человек не может состояться» в связи с чем и был опубликован «Справочник этикета». Сингапурцы уделяют пристальное внимание этикету и манерам, в частности высокому качеству услуг в сфере обслуживания, учтивости и радушного приема гостей. Правительство Сингапура в полной мере учитывает положение в стране в области этнического и религиозного плюрализма, настаивает на взаимной терпимости различных национальностей и вероисповеданий; придерживается того, что индивидуальные интересы превыше интересов государства и общества, в то же

время делает упор на заботу и уважение. Поскольку Сингапур является воплощением лучших традиций восточной культуры, для его общества и руководства характерны целенаправленность и реализм [3].

В настоящее время данная конфуцианская концепция моральных норм стала общеизвестной и оказала положительное влияние на модернизацию некоторых стран Восточной Азии, и это, несомненно, повысило авторитет конфуцианского учения. Действительно, в наступившем XXI в. для повышения культуры человечества люди один за другим обращают свой взор на образец человеческой мудрости – Конфуция. Профессор истории Гарвардского университета господин Ду Вэймин сказал: «Влияние таких, как он (Конфуций), в истории человеческой цивилизации огромно. Люди такого высокого уровня – большая редкость. В мире редко можно найти личность, подобную Конфуцию» [2, С. 124]. Благодаря этому выбору, несмотря на то, что прошло уже более 2000 лет, идеи Конфуция по-прежнему имеют огромное влияние на воспитание современного человека. Для большинства китайцев ритуал является неотъемлемой частью их жизни, своего рода добродетелью, недостаточное соблюдение ритуала и есть нравственное разложение.

Ритуал включает как философию, так и все, относящееся к сфере повседневной жизни. Философской сутью ритуала является его предназначение для достижения мира и гармонии», этот «мир» возрастает от малого до великого, малое – есть успокаивающее (нейтрализующее, умиротворяющее) действие, которое, увеличиваясь, превращается в стремление к миру; если есть отклонения в общении между людьми, противоречия среди явлений, то нейтрализация, урегулирование этих отклонений опирается именно на ритуал. Значение ритуала для упорядочения норм поведения всего народа или отдельно взятого человека, установления гармонии в современном обществе трудно переоценить. Уважительное отношение к ритуалу является залогом успешного развития культуры, достижения «равновесия» в делах.

Таким образом, к основным тенденциям эволюции ритуала (禮, ли) можно отнести:

– сохранение отдельных элементов ритуала (禮, ли), их интеграцию в современную социально-экономическую жизнь страны;

– изменение отдельных элементов ритуала (禮, ли), их адаптацию к историческим, социально-экономическим, политическим особенностям страны;

– большую степень индивидуализации ритуала (禮, ли): возможность реализации функций социального регулятора в частной жизни.

Традиционное конфуцианство, особенно ритуал (禮, ли), в Южной Корее играло важную роль в формировании менталитета корейцев, стиля их мышления, поддержания связей внутри общества, обеспечении гармонии в обществе и его конкурентоспособности. Это способствовало сохранению стабильности внутри страны и давало максимум возможностей для экономического развития на международном уровне, обеспечивая мировое лидерство Южной Кореи в экономическом развитии. Китайская традиционная культура, особенно ритуал (禮, ли), глубоко вошли и в повседневную жизнь корейского народа. В настоящее время жизнь современных корейцев наполнена традиционными добродетелями конфуцианства, такими, как уважение старших, проявление скромности, знание своих традиций, уроки особых обрядов и церемоний.

В середине 50-х гг. XX в. Япония сумела восстановить довоенные объемы производства. Можно говорить о разных причинах «экономического чуда» Японии: умение использовать чужие технические и научные идеи, изобретения; трудолюбие японцев; острое чувство национального единства; умение отдавать приоритет интересам страны перед корпоративными интересами; а также существование системы корпоративного менеджмента, в основу которой положен принцип конфуцианского антропоцентризма, что подразумевает восприятие человека как центра управленческой деятельности и моральное поведение управленца.

Японский народ использовал многие идеи, правила, нормы ритуала (礼, ли) в качестве основы формирования современной социально-экономической политики. Так, идея 有用性 «полезности» положена в основу развития экономики страны. Представление о 忠 «преданности» нашло свое отражение в обязанностях государства и предприятий. Понятие о 中庸 «золотой середине» определяет механизм регулирования современной политики в Японии. Кроме того, японский народ глубоко чтит правила и нормы этикета. Ритуал (礼, ли), по существу, стал основанием формирования такого социокультурного феномена, как корпоративная культура.

Проявлением тенденции изменения отдельных элементов ритуала (礼, ли), их адаптации к историческим, социально-экономическим, политическим особенностям страны является распространение ритуала (礼, ли) в Сингапуре, стране с высокоразвитой конфуцианской культурой.

Ритуал (礼, ли) в Сингапуре приобрел модернизированный социальный харак-

тер с учетом локальной специфики. Правительство Сингапура предложило новое толкование 八德 «8 добродетелей» конфуцианства – верности, сыновней почтительности, гуманности, любви, культуре, справедливости, бескорыстию и совестливости, постепенно подводя общество к тому, чтобы система 五大共同价值观 «5 общих ценностей» стала основной программой управления государством.

Одной из основных тенденций современного развития ритуала (礼, ли) является его индивидуализация и усиление роли в реализации частных интересов. В то же время, в рамках актуализации ценностей конфуцианства в государственной идеологии КНР ритуал (礼, ли) занимает важное место.

Проявлением тенденции индивидуализации ритуала (礼, ли) является его вхождение в повседневную жизнь, наполнение ее традиционными добродетелями конфуцианства, придающими устойчивость жизни человека в условиях изменяющегося общества.

Литература

1. Влияние конфуцианства на внешний мир за две тысячи лет и перспективы азиатского конфуцианского ареала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinanews.com/news/2005/2005-04-14/26/562857.shtml> (Дата обращения: 09.03.2011г.).

2. Ду Вэймин. Сянь дай цзин шэнь юй жу цзя чуань тун. Du Weiming. Xiandai jingshen yu rujian chuantong. [Современная духовность и традиционное конфуцианство]. Пекин: Синьчжи саньлянь шудянь, 1997. 472 с.

3. Е.Лу Краткий анализ конфуцианской культуры в Сингапуре. <http://wenku.baidu.com/view/7701fed126fff705cc170a26.html> (Дата обращения: 9.03.2011 г.)

4. Цзян Лу, Чэн Чжаоцзянь, Ли Кунь. Жунця вэньхуацяоань нэй дэ вэньсюе ча'и. Jiang Lu, Chen Zhaojian, Li Kun. Rujia wenhuaquan nei de wenxue chayi. [Разница литературных течений стран конфуцианского культурного ареала и ее влияние на организацию их сотрудничества] // Вест. Жуанькэсюэ. 2007. Вып. 7. С. 121.

5. Чжао Цзе. Дунфан вэньхуа юй дун'я минь цзу. Zhao Jie. Dongfang wenhua yu dongya minzu. [Восточная культура и национальности Восточ-

Bibliography

1. Vlijanie konfucianstva na vneshnij mir za dve tysjachi let i perspektivy aziatskogo konfucianskogo areala [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.chinanews.com/news/2005/2005-04-14/26/562857.shtml> (Data obrashheniya: 09.03.2011g.).

2. Du Vėjmin. Sjan' daj czin shjen' juj zhu czja chuan' tun. Du Weiming. Xiandai jingshen yu rujian chuantong. [Sovremennaja duhovnost' i tradicionnoe konfucianstvo]. Pekin: Sin'chzhi san'ljan' shudjan', 1997. 472 s.

3. E.Lu Kratkij analiz konfucianskoj kul'tury v Singapore. <http://wenku.baidu.com/view/7701fed126fff705cc170a26.html> (Data obrashhenija: 9.03.2011 g.)

4. Czjan Lu, Chjen Chzhaocjan', Li Kun'. Zhu-czja vjen'huacjuan' njej dje vjen'sjue cha'i. Jiang Lu, Chen Zhaojian, Li Kun. Rujia wenhuaquan nei de wenxue chayi. [Raznica literaturnyh techenij stran konfucianskogo kul'turnogo areala i ee vlijanie na organizaciju ih sotrudnichestva] // Vest. Zhuan'kjesjuje. 2007. Vyp. 7. S. 121.

5. Chzhao Cze. Dunfan vjen'hua juj dun'ja min'czu. Zhao Jie. Dongfang wenhua yu dongya minzu. [Vostochnaja kul'tura i nacional'nosti Vostochnoj-

ной-Азии]. Пекин: Юйянь вэньхуа даоюе чубаньшэ, 2000. 230с.

6. Фу Пэйжун. Жүцзя юй сяндай жэньшэн. Fu Peirun. Rujia yu xiandai rensheng. [Конфуцианство и современная жизнь]. Шанхай: Саньян Шудянь, 2007. 166 с.

Azii]. Pekin: Jujjan' vjen'hua dajue chuban'shje, 2000. 230s.

6. Fu Pjezhun. Zhuczja juj sjan'daj zhjen'shjen. Fu Peirun. Rujia yu xiandai rensheng. [Konfucianstvo i sovremennaja zhizn']. Shanhaj: San'ljan Shudjan', 2007. 166 s.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Цзоу Хун, канд. филос. наук, Забайкальский государственный университет
zouhong@mail.ru

Zou Hong, Candidate of Philosophical Sciences, Transbaikal State University

Научные интересы: история китайской культуры, межкультурная коммуникация, методика преподавания китайского и русского языков

Scientific interests: history of Chinese culture, intercultural communication, methods of teaching the Chinese and Russian languages

УДК 323, 130.2

Чжоу Юй
Zhou Yu

Абрамова Наталья Андреевна
Natalya Abramova

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В СОРАЗВИТИИ С РОССИЕЙ

POTENTIAL OF CHINESE BORDERLAND SOCIOCULTURAL SPACE IN CO-DEVELOPMENT WITH RUSSIA

Представлены сферы и формы сотрудничества РФ и КНР, которые наиболее активно развиваются в процессе взаимодействия между нашими странами в пространстве китайского приграничья. Активизация роли китайского приграничья в региональном социокультурном взаимодействии обуславливает необходимость разработки перспективной инновационной модели развития транснационального социокультурного пространства этого ареала. Механизмами соразвития РФ и КНР в пространстве приграничья выступают конкретные социокультурные практики, рассматриваемые в статье

Ключевые слова: приграничье, социокультурное пространство, международное взаимодействие, соразвитие, потенциал, проект

In the article fields and forms of RF and PRC's cooperation that are intensively developing in the process of interaction between our countries in the Chinese borderland space are represented. Enhancing role of the Chinese borderland in the regional socio-cultural interaction causes the necessity of working out a prospective innovative model of transnational socio-cultural space development in this area. The basic mechanisms of Russia and China codevelopment in the borderland space are specific socio-cultural practices that are examined in the article

Key words: borderland, socio-cultural space, international cooperation, co-development, potential, project

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0977

Сотрудничество между Россией и Китаем находится в наивысшей точке своего развития за всю многовековую историю межстрановых отношений. Об этом убедительно свидетельствует государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина, который определил приоритеты во внешней политике государства, избрав Россию пер-

вой страной для своей зарубежной поездки в высшем ранге. Сложившиеся благоприятные политические условия обеспечивают продвижение прагматичного сотрудничества РФ и КНР. Основу современного глобального взаимодействия стран составляют разделяемые обеими сторонами общечеловеческие интересы: обеспечение мира как главного фактора международной стабильности и создание необходимых условий для взаимодополняющей кооперации в контексте соразвития. На современном этапе клю-

чевые интересы взаимодействия РФ и КНР аккумулируются в сфере энергетики, экономики, торговли, инвестиций. Большое значение придается и развитию гуманитарного, научно-технического, культурного сотрудничества.

Смещение вектора политических и экономических интересов России на восток обеспечивает и активизацию роли китайского приграничья в региональном социокультурном взаимодействии. Новой точкой роста партнерства стран становится сотрудничество между регионами Северо-Востока Китая и российским Дальним Востоком и Байкальским регионом. Поэтому на данном этапе особое значение придается разработке перспективной инновационной модели развития социокультурного пространства этого ареала, предполагающее «оптимальную диверсификацию экономики с упором на развитие человеческого капитала и стимулирование новых видов деятельности» [1].

Активизация международной кооперации формирует интеграционные стратегии, которые в международном аспекте являются условием соразвития на уровне как укрупненных субъектов сотрудничества, так и отдельных его участников [2].

Инновационным сценарием комплексного развития транснационального социокультурного пространства является разработка и осуществление межгосударственного инвестиционного проекта по созданию «Русской Промышленной Экономической Зоны» в Китайской Народной Республике (пограничный переход Забайкальск-Маньчжурия), который будет осуществляться на условиях государственно-частного партнерства. Инновационный компонент заключается в том, что проект предлагает формирование комплексной модели наднационального объединения, способного стать одним из полюсов роста не только обозначенного пространства, но и всей Северо-Восточной Азии [3]. Проект предполагает реализацию льготной налоговой политики под таможенным контролем, использование высоких технологий и инноваций, предоставление финансовых услуг, производство товаров с высокой

долей добавленной стоимости, создание трансграничного транспортного коридора, постепенное совершенствование логистической инфраструктуры, улучшение железнодорожного сообщения и мультимодальных перевозок, совместная реализация произведенной продукции.

Организация комплексного индустриально-логистического парка для производства, переработки и складирования продукции на базе имеющихся ресурсов в приграничье КНР потребует создания соответствующей инфраструктуры в г. Забайкальск (РФ) и г. Маньчжурия (КНР). Реализация проекта придаст мощный импульс практикам соразвития РФ и КНР, особенно в пространстве приграничья. А формирующаяся модель наднационального объединения неизбежно повлечет трансформацию всего транснационального социокультурного пространства на уровнях территориальной организации, воспроизводственных процессов, ресурсного потенциала, затронув и культурно-ценностный аспект.

Очевидно, что транснациональное социокультурное пространство приграничного ареала обладает специфической структурой и своей особой логикой развития, отличающейся от логики развития стран, представители которых принимают участие во взаимодействии [4]. В этом «гиперпространстве» кросс-культурного диалога населяющих его этносов сосредотачиваются национальные и трансграничные социальные структуры с одновременным формированием новых транснациональных модификаций [5]. Региональные исследования российской синологической школы показывают, что в архитектонике такого синтезированного пространства по степени культурного освоения выделяется китайское приграничье [6].

Это обусловлено тем, что в КНР качеству социокультурного пространства приграничья придается особое внимание, оно целенаправленно формируется государством. Так, утверждена Программа по развитию г. Маньчжурия (АРВМ) — крупнейшего в Китае сухопутного контрольно-пропускного пункта (пограничный переход

Забайкальск-Маньчжурия). В рамках создания в г. Маньчжурия экспериментальной площадки «Развития и Открытости» (2010 г.) началось строительство 120 различных объектов (2011 г.), включающих и социокультурные. В перспективе здесь планируется создать пять функциональных зон: зоны логистики и обслуживания международной торговли, приграничного экономического сотрудничества, обработки ресурсов и «образцовую зону» экологического строительства. Наряду с управленческими инновациями, которые будут внедрены в процесс функционирования этих зон, большое внимание в Программе уделено развитию региональных практик сотрудничества с РФ по социальным и культурным вопросам [7].

Явным приоритетом в региональном сотрудничестве является инвестиционная деятельность. Определенные усилия в этом направлении, в частности в Забайкальском крае, способствовали подъему инвестиционной активности. За последние три года объем китайских инвестиций увеличился почти в три раза и составил в 2011 г. 21865,1 тыс. дол. США (для сравнения: в 2002 г. объем инвестиций в крае составлял 50,0 тыс. дол. США) [8]. По необходимому объему инвестиций, по версии журнала «Эксперт», двум проектам с китайскими инвестициями на территории Забайкальского края присвоен статус стратегических: создание лесопромышленного комплекса ООО ЦПК «Полярная» в северо-восточных районах Забайкальского края (совместно с инвестициями провинции Хэйлунцзян КНР). Проект рассчитан на четыре года, окончание планируется на 2015 г. Целями проекта являются организация производства целлюлозы на базе лесосырьевых ресурсов Забайкальского края, увеличение объемов заготовки древесины, обеспечение более рационального ее использования, вовлечение в хозяйственный оборот ранее неиспользуемых лесных массивов восточной части края. Другим проектом является освоение Березовского железорудного месторождения железа, рассчитанный на восемь лет, окончание планируется в 2017 г.

Субъекты Байкальского региона – Иркутская область, Республика Бурятия также наращивают усилия по привлечению китайских инвестиций, используя для этого различные механизмы, презентации инвестиционных ресурсов. Так, на IV инвестиционном форуме, состоявшемся в Пекине в декабре 2012 г., Бурятией представлены проекты по пяти направлениям:

- 1) добыча полезных ископаемых;
- 2) агропромышленный комплекс;
- 3) туристический кластер;
- 4) жилищное строительство;
- 5) транспортно-логистический комплекс [9].

Фактором, обеспечивающим развитие регионального сотрудничества в международном контексте, является ресурсная, социально-экономическая взаимодополняемость обеих стран. Приграничные регионы северо-восточного Китая все более ориентируются на Россию, которая, в свою очередь, усиливает освоение Байкальского и Дальневосточного регионов, непосредственно граничащих с КНР.

В марте 2012 г. Госсовет КНР утвердил «Программу подъема экономики Северо-Восточного Китая на период 12-й пятилетки (2011-2015 гг.)», в соответствии с которой разрабатывается «Программа освоения и открытия полосы приграничных регионов провинции Хэйлунцзян и восточной части Автономного района Внутренняя Монголия». Эти территории являются стратегически важными для соработки России и Китая. Поэтому наряду с крупными инвестиционными проектами, связанными с созданием русской промышленной зоны Маньчжурия – Забайкальск, в планах и КНР формирование «Китайской показательной зоны международного сотрудничества в районе р. Тумэньцзян». Она займет площадь около 90 км², включая Хуньчуньскую зону экономического сотрудничества Китая, КНДР и России и станет важным региональным транспортным узлом, крупным центром региональной торговли [10].

Тенденция международной кооперации между нашими странами реализуется посредством укрупнения субъектов сотруд-

ничества. Для более эффективной реализации планов соразвития с Россией на китайской стороне происходят объединительные процессы. Китайские провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Автономный район Внутренняя Монголия на уровне председателей правительств подписали документ (август 2012 г.), призванный содействовать их совместному сотрудничеству с Россией в девяти сферах.

Одной из сфер является сотрудничество в сфере туризма, который рассматривается как один из важных факторов, влияющих на рост экономики в сфере транспорта, связи, торговли, услуг, производства сувенирной и иной продукции, питания, строительства и др. Исходя из такой значимости, китайское правительство определило туристическую индустрию стратегически опорной и разработало меры по ее стимулированию, повышению внешней открытости, усилению ее «мягкой» силы. Продвижение туристической отрасли осуществляется в соответствии с «Планом развития туризма Северо-Восточного региона», детальный анализ которого представлен в научных исследованиях [11]. Большое значение в нем придается роли приграничных провинций и побратимских городов, которые являются непосредственными участниками процесса соразвития России и Китая.

Приграничье КНР обладает весомым туристским потенциалом. Здесь сосредоточены природные и рекреационные ресурсы, объекты национального и мирового культурно-исторического наследия. Представители китайской отрасли на основе выявления конкурентных преимуществ приграничного социокультурного пространства стимулируют диверсификацию трансграничных туристических продуктов. Традиционный культурно-познавательный туризм дополняется оздоровительным, экологическим, активным. Перспективным для китайского приграничья является инвестиционно привлекательный сектор делового туризма (бизнес-туризм, конгресс-туризм). Для развития молодежного туризма разрабатываются и предлагаются инновационные формы, например, авторалли по

маршруту «Великий Чайный путь». Совместный проект «Великий Чайный путь» рассматривается представителями туристической отрасли России и Китая как инструмент регионального развития, культурных и торговых обменов. Широкие возможности для развития путешествий на поездах по «Великому Чайному пути» в обоих направлениях предоставляет туристический поезд «Степная звезда», который в рамках безвизового обмена впервые с 306 туристами прибыл в Бурятию из г.Хух-Хото (АРВМ КНР) через Забайкальский край в июле 2012 г.

Перспективы отрасли связываются с развитием уже имеющихся туристических брендов и формированием новых так называемых точек роста. Так, заметным событием в провинции Хэйлунцзян стала установка камня, символизирующего «самую северную точку Китая». В 2011 г. здесь побывали 1 млн китайских туристов [12]. Создание тематического парка русской культуры и истории в г. Маньчжурия — еще один пример привлечения туристов не только из внутренних регионов КНР, но и Тайваня.

Туризм, развитию которого придается исключительно важное значение, является опорной индустрией культуры в китайском приграничье. Главная задача отрасли на ближайший период заключается в разработке новых брендов и диверсификации туристических продуктов. Над этим работают ученые, деятели культуры, соответствующие административные и профессиональные ведомства. Как результат совместных усилий — появление в начале 2013 г. нового туристического объекта и бренда — парк-музей динозавров в районе Чжалайнор. На площади в 8320,5 м² располагаются историко-культурный павильон, экологический павильон оз. Хулунь, зал экспонатов угля района Чжалайнор. Известно, что в КНР с 2007 г. действуют «культурные экозащитные зоны», которые являются инновационной формой развития китайской культуры, синтезирующей материальное и нематериальное культурное наследие в природной экосистеме [13]. В основном они расположены на юго-востоке Китая. Создание

парка-музея динозавров свидетельствует о распространении подобного опыта в приграничье КНР. Власти региона поставили задачу разработки отдельного бренда района Чжалайнор через актуализацию историко-культурного наследия-восстановление древнего города Цзюйму. Предполагается развитие экологического заповедника водно-болотных угодий Эрка. Китайские эксперты предлагают усилить внимание к этническим поселениям русских в Трехречье, где развитие туризма может содействовать экономическому развитию всего приграничья КНР [14]. Предлагаются и проекты по строительству в г. Маньчжурия оздоровительного центра для пожилых россиян, парка аттракционов для детей.

Диверсификации и развитию туристической отрасли приграничья КНР в значительной степени будет способствовать то обстоятельство, что, по сообщению агентства Синьхуа, китайское правительство летом 2012 г. официально утвердило стратегический проект по превращению Маньчжурии в

международную торговую базу, ориентированную на регион Северо-Восточной Азии, а также базу трансграничного туризма.

Развитая в КНР система управления процессами обусловила высокую стандартизацию работы в сфере туристических услуг. С 1987 г. приняты и реализованы 22 государственных, 18 профессиональных стандартов, более 200 местных, касающихся создания и совершенствования туристической инфраструктуры. В стране созданы 5 ассоциаций национального уровня, сеть которых охватывает 90 % городов. [15].

Таким образом, анализ китайских социально-экономических программ межрегионального и регионального уровней свидетельствует о том, что в КНР пристальное внимание обращено на наполнение разнообразными практиками социокультурного пространства китайского приграничья. Обладая высоким потенциалом роста, этот ареал рассматривается в Китае как важный ресурс соработки с Россией.

Литература

Bibliography

1. Аналитический доклад (Проект на 3 сентября 2012 г.) Актуальные проблемы развития Байкальского региона и Дальнего Востока. Создание международного транспортного коридора «Европа – Россия – АТР». М., 2012. С. 6.
2. Абрамова Н.А. Проблемы интеграции Забайкальского края в международном сотрудничестве РФ и КНР // Вестник ЧитГУ. Чита: ЧитГУ, 2010. № 2. С. 123-129.
3. Международный инвестиционный проект «Русская промышленная экономическая зона» в КНР (пограничный переход Забайкальск-Маньчжурия) получил статус ключевой экспериментальной зоны в г. Маньчжурия (АРВМ, Китай), беспрецедентные правительственные льготы и преференции. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.chemico-group.com/ru/>
4. Красина О.В., Крутий И.А., Зангиева И.К. Развитие транснационального пространства в контексте взаимодействия современных обществ: Россия – Япония. М.: СГУ, 2009.
5. Лю Чженьюй, Абрамов В.А. Китайское «социокультурное пространство» и его изменяющиеся региональные границы // Вестник ЧитГУ. Чита: ЗабГУ, 2012. № 7(86). С. 103-110.

1. Analiticheskij doklad (Proekt na 3 sentjabrja 2012 g.) Aktualnye problemy razvitiya Bajkalskogo regiona i Dalnego Vostoka. Sozdanie mezhdunarodnogo transportnogo koridora «Evropa – Rossiya – ATR». M., 2012. S. 6.
2. Abramova N.A. Problemy integracii Zabajkalskogo kraja v mezhdunarodnom sotrudnichestve RF i KNR // Vestnik ChitGU. Chita: ChitGU, 2010. № 2. S. 123-129.
3. Mezhdunarodnyj investicionnyj proekt «Russkaja promyshlennaya jekonomicheskaya zona» v KNR (pogranichnyj perehod Zabajkalsk-Manchzhuriya) poluchil status kljuchevoj jeksperimentalnoj zony v g. Manchzhuriya (ARVM, Kitaj), besprecedentnye pravitelstvennyye lgoty i preferentsii: Rezhim dostupa: <http://www.chemico-group.com/ru/>
4. Krasina O.V., Krutij I.A., Zangieva I.K. Razvitie transnacionalnogo prostranstva v kontekste vzaimodejstviya sovremennyh obshhestv: Rossiya – Japoniya. M.: SGU, 2009.
5. Lju Chzhen'juj, Abramov V.A. Kitajskoe «sociokulturnoe prostranstv» i ego izmenjajushhiesya regionalnye granicy // Vestnik ChitGU. Chita: ZabGU, 2012. № 7(86). S. 103-110.

6. Морозова В.С. Феномен региональной культуры в социокультурном пространстве приграничного взаимодействия РФ – КНР. М.: ФОРУМ, 2011. 224 с.

7. Информация о городе Маньчжурия Автономного района Внутренняя Монголия как экспериментальной площадке «Развития и Открытости». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://минмсвет.забайкальскийкрай.рф/news/2013/01/14/6380.html>. Загл. с экрана.

8. Статистический ежегодник Забайкальского края. 2011: стат.сб. / Забайкалкрайстат. Чита, 2011. С. 276.

9. Республика Бурятия и Хабаровский край РФ представили на открывшемся 3 декабря в китайской столице 4-ом международном инвестиционном форуме ряд инвестиционных проектов, направленных на привлечение капитала из Китая. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://egov-buryatia.ru/>. Загл. с экрана.

10. На северо-востоке КНР строится новый транспортный узел. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/>

11. Кучинская Т.Н. Социокультурное пространство трансграничья как ресурс соразвития России и Китая (региональные практики Забайкальского края РФ и Северо-Восточного региона КНР). М.: Восточная книга, 2012. 232 с.

12. Горевој И.Г. Туристическое сотрудничество в региональных и пограничных районах: сб. выступлений на Китайско-Российском Форуме по сотрудничеству в сфере туризма. Пекин: изд-во туризма и образования, 2012. 9. С. 177.

13. Абрамова Н.А. Инновационное развитие современной китайской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч II. С. 10-14.

14. Маньчжоули ши цзо да цзо цян веньхуа луйюу чанье=Культурно-туристическая отрасль Маньчжурии станет большой и сильной. [Электронный ресурс]: Режим доступа: www.nmg.xinhuanet.com. Загл. с экрана.

15. Ду Цзян. Фэнфу чаньпинь, тижэн пиньчжи, гунтун туйдун чжунъэ люуу шичан дэ цзяньакн чэнчжан=Обогащать продукцию, повышать качество, совместно способствовать развитию китайско-российского туристического рынка // Чжунго – Элосы люуу хэцзо луньтань вэньцзи (2012). Бэцзин: луйюу цзяюу чубаньшэ, 2012. С. 21. Кит.яз.

6. Morozova V.S. Fenomen regionalnoj kultury v sociokulturnom prostranstve prigranichnogo vzaimodejstviya RF – KNR. M.: FORUM, 2011. 224 s.

7. Informaciya o gorode Man'chzhuriya Avtonomnogo rajona Vnutrennjaya Mongoliya kak jeksperimentalnoj ploshhadke «Razvitiya i Otkrytosti»: Rezhim dostupa: <http://minmsvjest.zabajkal'skijkraj.rf/news/2013/01/14/6380.html>. Zagl. s jekrana.

8. Statisticheskij ezhegodnik Zabajkalskogo kraja. 2011: stat.sb. / Zabajkalkrajstat. Chita, 2011. S. 276.

9. Respublika Buryatiya i Habarovskij kraj RF predstavili na otkryvshemsya 3 dekabrya v kitajskoj stolice 4-om mezhdunarodnom investicionnom forume rjad investicionnyh projektov, napravennyh na privlechenie kapitala iz Kitaja. [Jelektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: <http://egov-buryatia.ru/>. Zagl. s jekrana.

10. Na severo-vostoke KNR stroitsja novyj transportnyj uzел: Rezhim dostupa: <http://www.warandpeace.ru/>

11. Kuchinskaya T.N. Sociokulturnoe prostranstvo transgranichya kak resurs sorazvitiya Rossii i Kitaya (regionalnye praktiki Zabajkalskogo kraja RF i Severo-Vostochnogo regiona KNR). M.: Vostochnaya kniga, 2012. 232 s.

12. Gorevoj I.G. Turisticheskoe sotrudnichestvo v regionalnyh i pogranichnyh rajonah: sb. vystuplenij na Kitajsko-Rossijskom Forume po sotrudnichestvu v sfere turizma. Pekin: izd-vo turizma i obrazovaniya, 2012. 9. S. 177.

13. Abramova N.A. Innovacionnoe razvitie sovremennoj kitajskoj kultury // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2012. № 6 (20). Ch II. S. 10-14.

14. Manchzhouli shi czo da czo cjan venhua ljuuju chan'e=Kulturnoturisticheskaja otrasl Manchzhurii stanet bolshoj i silnoj. [Jelektronnyj resurs]: Rezhim dostupa: www.nmg.xinhuanet.com. Zagl. s jekrana.

15. Du Czjan. Fjenfu chan'pin', tishjen pin'chzhi, guntun tujdun chzhun#je ljuou shichan dje czjan'akn chjenchzhan=Obogashhat' produktsiju, povyshat kachestvo, sovместно sposobstvovat razvitiju kitajsko-rossijskogo turisticheskogo rynka // Chzhungo – Jelosy ljuou hjeczo lun'tan' vjen'czi (2012). Bjeczin: ljuuju czjaouj chuban'shje, 2012. S. 21. Kit.jaz.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Чжоу Юй, преподаватель, Маньчжурский институт
Университета Внутренняя Монголия (КНР)
_liliya_198237@163.com

Zhou Yu, teacher, Manzhouli Institute of Inner Mon-
golia University (PRC)

Научные интересы: культурные стратегии разви-
тия приграничья КНР, межкультурное взаимодей-
ствие России и Китая в приграничном пространстве

Scientific interests: cultural strategies of PRC's bor-
derland development, Russia and China intercultural
interaction in the borderland space

Абрамова Н.А., д-р филос. наук, профессор, зав.
каф. «Востоковедение», Забайкальский государ-
ственный университет (ЗабГУ)
abramova3@mail.ru

N. Abramova, Doctor of Philosophical Sciences, pro-
fessor, head of Oriental Studies department, Transbai-
kal State University

Научные интересы: социокультурные, интегра-
ционные процессы, внутренняя и внешняя полити-
ка КНР

Scientific interests: socio-cultural and integration
processes, domestic and foreign policy of People's Re-
public of China

Экономические науки

УДК 336.719 (519.862.6)

Веренич Наталья Константиновна
Natalya Verenich

Сидская Ольга Владимировна
Olga Sidskay

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ВАЛЮТНЫХ РИСКОВ

BASIC APPROACHES TO THE ANALYSIS OF CURRENCY RISK

Изменения валютных курсов бывают настолько значительны, что задача оценки валютного риска и минимизации негативных последствий влияния валютных курсов приобретает особую значимость. В статье описывается система, построенная на основе реализации метода Монте-Карло для анализа рисков и управления валютным портфелем

Ключевые слова: валютный риск, волатильность, оценка уровня валютного риска, методика оценки, анализ, риск-менеджмент, VaR анализ

Changes in exchange rates may be so great that the problem of estimating the currency risk and minimize the negative consequences of the exchange rate is of particular importance. The paper describes a system built on the basis of the implementation of the Monte Carlo risk analysis and management of the currency portfolio

Key words: currency risk, volatility, assessment of the level of currency risk, estimation procedure, analysis, risk management, VAR analysis

Неопределенности, случайности, опасности и риски присущи большинству сложных явлений. Но именно в наше время риски различной природы стали важным объектом исследований многих наук.

Риск – одна из важнейших концепций финансовой деятельности, который рассматривается как неопределенность наших финансовых результатов в будущем, обусловленная неопределенностью самого этого будущего [1].

В белорусском законодательстве понятие «риск» следующее «...это объективно существующая в присущих банковской деятельности условиях неопределенности потенциальная возможность (вероятность)

понесения банком потерь (убытков), неполучения запланированных доходов и (или) ухудшения ликвидности и (или) наступления иных неблагоприятных последствий для банка вследствие возникновения различных событий, связанных с внутренними и (или) внешними факторами деятельности банка» [2].

Валютные риски являются частью коммерческих рисков, которым подвержены участники международных экономических отношений.

Валютный риск – вероятность возникновения у банка потерь (убытков), неполучения запланированных доходов от изменения стоимости балансовых и внеба-

лансовых позиций банка, номинированных в иностранной валюте вследствие изменения курсов иностранных валют [2].

Риску, обусловленному труднопрогнозируемыми колебаниями валют, подвержены как страны, где происходят эти колебания, так и страны, соседствующие с кризисными странами или имеющие с ними значительные экономические или политические связи.

Как известно, основными характеристиками финансовых активов являются ожидаемая доходность и риск [3].

В Республике Беларусь 2 января 2009 г. Национальный банк перешел к использованию механизма привязки курса белорусского рубля к корзине иностранных валют. В рамках ранее существовавшего механизма привязки нашей национальной валюты к доллару США поддерживался стабильный курс рубля именно к этой валюте и обеспечивались его изменения строго в заданных границах. Однако в 2008 г. усилились взаимные колебания основных мировых валют. В результате возникали нежелательные для юридических и физических лиц значительные изменения курса белорусского рубля по отношению к евро и российскому рублю.

При использовании нового механизма с 2009 г. обеспечивается общая стабильность курса белорусского рубля к корзине иностранных валют: доллар США – евро – российский рубль. Эти важные для экономики и населения иностранные валюты вошли в состав корзины равными долями. Национальный банк обеспечивает стабильность курса белорусского рубля, рассчитываемого как среднее геометрическое двусторонних курсов белорусской национальной валюты к доллару США, евро и российскому рублю. При этом механизме снижение курса белорусского рубля к одной из валют корзины происходит при ее усилении на мировом рынке и компенсируется укреплением национальной валюты к другим иностранным валютам корзины. Таким образом, привязка курса к корзине иностранных валют фактически означает бесполезность попыток получе-

ния выгоды за счет роста курса одной из иностранных валют, так как колебания могут происходить в обе стороны и быстро сменять друг друга.

В результате новый действующий уровень курса обеспечивает достаточную конкурентоспособность белорусского экспорта, рост спроса на белорусскую продукцию и является надежной гарантией от последующих корректировок.

Практика показывает, что не все эффекты реальных данных могут быть учтены в рамках моделей. Различные модели волатильности применяются в рамках подхода Value at Risk (VaR) при оценке банками размера резервного капитала для покрытия риска активных операций.

Для решения данной проблемы авторы предлагают применение методов современной портфельной теории и Value-at-Risk анализа.

Value-at-Risk (Var) – это стоимостная мера риска. Распространено общепринятое во всем мире обозначение «VaR». Это выраженная в единицах оценка величины, которую не превысят ожидаемые в течение данного периода времени потери с заданной вероятностью.

Нами проведена оценка валютного риска по традиционным методикам вычисления VaR:

- исторический;
- параметрический (вариационно-ковариационные модели);
- метод имитационного моделирования (метод Монте-Карло).

В период мирового финансового кризиса страна с рыночной экономикой сталкивается с нестандартными структурными преобразованиями. Данная особенность не обошла и Республику Беларусь. Дело в том, что раньше Национальный банк Республики Беларусь жестко удерживал курс доллара США, который колебался незначительно в течение нескольких лет. С 01.01.2009 г. правлением Национального банка Республики Беларусь решено поменять политику в отношении формирования курса доллара США, и теперь он формируется под влиянием рыночных факторов, т.е. вследствие

торгов на валютной бирже и соотношения спроса и предложения. Следовательно, анализируя изменения иностранных валют за несколько лет, реальную рыночную ситуацию будет получить невозможно. Поэтому в качестве исходных данных взяты курсы валют Национального банка Республики Беларусь за период с 01.01.2012 г. по 31.12.2012 г., или 365 банковских дней.

Расчеты выполнены для равновесного портфеля, в котором каждый из трех активов составляет одну треть стоимости. Размер каждого портфеля устанавливаем на уровне 10000000 тыс. руб.

Количество i -го актива в портфеле вычисляется по формуле

$$Q_i = \frac{10000000 * d_i}{K_i},$$

где Q_i – количество i -го актива;

d_i – доля i -го актива;

K_i – курс i -го актива (среднее значение за 2012 г.).

Доллар США

$$\frac{10000000 * 0,3333}{8359,89} = 398,69 \text{ (дол. США).}$$

Российский рубль

$$\frac{10000000 * 0,3333}{269,14} = 12383,89 \text{ (рос. рубль).}$$

Евро

$$\frac{10000000 * 0,3334}{10746,9} = 310,13 \text{ (евро).}$$

Метод исторического моделирования

Оценка VaR методом исторического моделирования в классическом варианте осуществляется следующим образом.

На первом этапе определяется исходный ряд показателей – значений стоимости рассматриваемого портфеля для всех

зафиксированных в историческом периоде состояний рынка. В нашем случае ежедневное изменение курсов трех валют – доллар США, евро и российский рубль в 2012 г. по отношению к белорусской национальной валюте.

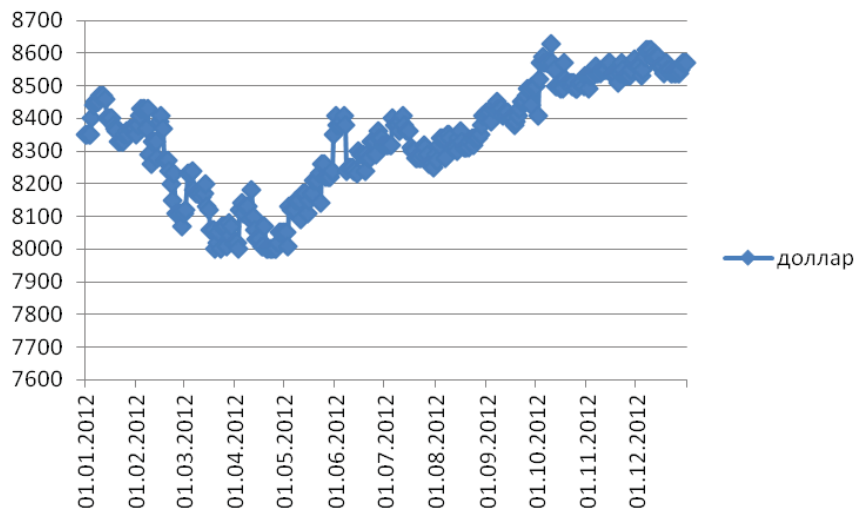

Рис. 1. Динамика ежедневных изменений курса национальной валюты к доллару США в 2012 г.

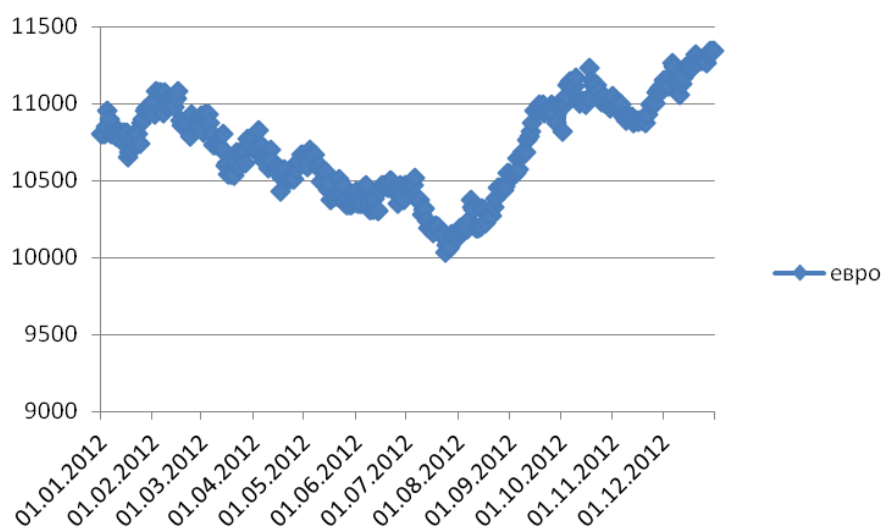

Рис. 2. Динамика ежедневных изменений курса национальной валюты к евро в 2012 г.

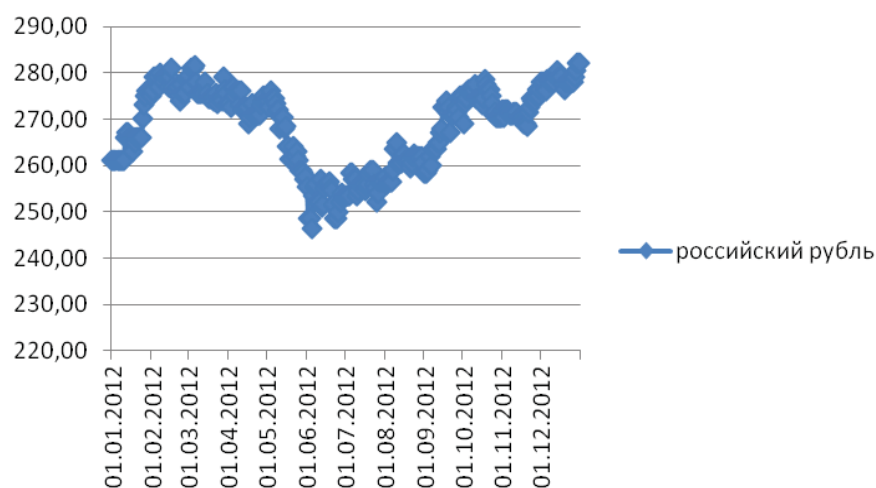

Рис. 3. Динамика ежедневных изменений курса национальной валюты к российскому рублю в 2012 г.

На втором этапе полученный временной ряд переводится в ряд относительных изменений по формуле

$$\Delta_i = \frac{y_i - y_{i-1}}{y_{i-1}}.$$

На третьем этапе полученный ряд относительных изменений упорядочивается и очищается на часть наихудших значений, превышающую принятый доверительный уровень. Наихудшее из оставленных значений соответствует максимальной вероятной величине потерь в рамках принятого доверительного уровня, т.е. VaR.

Таблица 1

Наибольшее и наименьшее значения по доверительному интервалу

Доверительный уровень, %	Количество точек, исключаемых из рассмотрения			Наименьшее значение			Наибольшее значение		
	дол. США	евро	рос. руб.	дол. США	евро	рос. руб.	дол. США	евро	рос. руб.
95	18,00	18,00	18,00	0,71	0,92	1,13	0,84	0,96	1,28
97	10,00	10,00	10,00	0,74	1,16	1,42	0,98	1,19	1,65
99	3,00	3,00	3,00	1,46	1,55	2,18	1,47	1,51	1,97

На завершающем четвертом этапе полученная относительная оценка VaR приводится к абсолютному денежному эквиваленту.

У исторического метода есть безусловные преимущества – он не требует упрощающих предположений и способен улавливать весьма неординарные события на

рынке. Важные преимущества данного метода состоят в том, что он свободен от предположений о виде распределения рыночных факторов портфеля, прост в осуществлении. При его использовании не возникает проблем с оценкой портфеля, содержащих опционы и подобные им инструменты.

Параметрический метод (вариационно-ковариационные модели)

Основная идея аналитического метода заключается в выявлении рыночных факторов, влияющих на стоимость портфеля, и аппроксимации стоимости портфеля на основе этих факторов. То есть финансовые инструменты, составляющие портфель, разбиваются, насколько это возможно, на элементарные активы, такие, что измене-

ние каждого зависит только от воздействия одного рыночного фактора.

Наиболее распространенным вариантом моделирования является приближение рассматриваемой случайной величины нормальным распределением.

На первом этапе определяются параметры нормального распределения.

Таблица 2

Параметры нормального распределения

	Доллар США	Евро	Рос. рубль
Среднее значение	0,007982	0,014785	0,023415
Стандартное отклонение	0,414541	0,532959	0,66597

Далее необходимо определить значения обратного нормального распределения

в соответствии с полученными ранее параметрами.

Таблица 3

Значения обратного нормального распределения

Доверительный уровень, %	Наименьшее значение			Наибольшее значение		
	дол. США	евро	рос. руб.	дол. США	евро	рос.руб.
95	0,673878	0,861855	1,072009	0,689841	0,891424	1,118839
97	0,771685	0,987601	1,229138	0,787648	1,017171	1,273968
99	0,956385	1,225063	1,525864	0,972348	1,254633	1,572694

В рамках рассматриваемого метода не предусмотрена асимметрия распределений – расхождение между положительными и отрицательными изменениями составит удвоенное среднее значение распределения.

Данная процедура относится к стандартному инструментарию математической статистики. По сути, это соответствует принятию рассчитанного, исходя из общих

свойств нормально распределенных случайных величин соотношения стандартного отклонения, математического ожидания и наихудшего значения, получаемого с установленной вероятностью. Полученное значение – относительная оценка VaR – приводится к абсолютному денежному эквиваленту в соответствии с формой исходного статистического ряда.

Имитационное моделирование

В рамках развития моделей оценки VaR качественно новым шагом стало применение имитационного моделирования по методу Монте-Карло. Принципиальным отличием его от рассмотренных методов является то, что объектом моделирования выступает не только величина потерь, но и стоимость самого инструмента. Имитационное моделирование достаточно мало формализовано и не имеет жестких формальных ограничений.

Волатильность (изменчивость) часто принимается в качестве одного из измерителей риска, данный показатель еще называют среднеквадратическим отклонением, который измеряется в единицах измерения оцениваемого показателя.

0,414541

0,532959

0,66597

Далее вычислим дневной VaR для каждого актива по формуле

$$VAR_i = k_\lambda * \sigma_i * V_i,$$

где VaR_i – дневной VaR i-го актива;

k_λ – коэффициент, соответствующий доверительному уровню λ ;

σ_i – волатильность (стандартное отклонение) i-го актива;

V_i – объем i-го актива, выраженный в базовой валюте.

Для равновесного портфеля эти показатели составят (табл. 4):

Таблица 4

VAR доллара США

Доверительный уровень, %	Коэффициент	Объем актива в валюте		VAR
95	1,645	3333000	0,414541	2272839,1
97	1,96			2708063,6
99	2,33			3219279,8

Волатильность курса доллара США составляет 41,5 %. Результаты расчётов показали, что при доверительном уровне 95 %

потери будут меньше 2272839,1 руб., тогда как при 97 % – 2708063,6 руб., а 99 % – 3219279,8 руб. соответственно.

Таблица 5

VAR евро

Доверительный уровень, %	Коэффициент	Объем актива в валюте		VAR
95	1,645	3333000	0,532959	2922099,5
97	1,96			3481650,6
99	2,33			4138900,9

Изменчивость курса евро составляет 53,3 %. Результаты расчётов показали, что при доверительном уровне 95 % потери будут меньше 2922099,5 руб., тогда как

при 97 % – 3481650,6 руб. И есть только 1 % того, что потери будут больше, чем 4138900,9 руб.

Таблица 6

VAR российского рубля

Доверительный уровень, %	Коэффициент	Объем актива в валюте		VAR
95	1,645	3333000	0,66597	3651370,3
97	1,96			4350568,8
99	2,33			5171849,7

Стандартное отклонение по российскому рублю составляет 66,6 % . Потери при 95 % доверительном уровне не превысят 3651370,3 руб., тогда как при 97 % – 4350568,8 руб., а 99 % – 5171849,7 руб. соответственно.

На основе полученных результатов инвестор может выбрать вариант валютной структуры реального портфеля, а также, исходя из оценки разброса значений долей среди различных вариантов, определить размеры допустимых отклонений от выбранной валютной структуры при осуществлении своей инвестиционной деятельности.

Методология VaR стала особенно широко применяться в последние годы и теперь используется в качестве единого унифицированного подхода к оценке риска международными банковскими и финансовыми организациями.

VaR позволяет обсуждать проблемы оценки риска финансовым директорам,

бухгалтерам, акционерам, управленцам, аудиторам и регулирующим органам всех стран.

К тому же VaR (как, впрочем, большинство известных методологий и методик) не дает абсолютной оценки возможных потерь, иногда VaR – «прогноз непрогнозируемых событий».

И, конечно же, VAR – это не более чем метод оценки риска, и хотя идентификация и количественная оценка являются крайне важным элементом системы управления рисками, само по себе получение оценки не решает проблемы. VAR – безусловно, удачная мера риска, возможно, наилучшая из разработанных на данный момент, содержащая в концентрированном виде большой объем информации, но не претендующая на полноценное отражение столь сложного и многообразного явления, как риск.

Литература

Bibliography

1. Шапкин А.С. Экономические и финансовые риски. Оценка, управление, портфель инвестиций. М.: Дашков и К, 2006. 544 с.
2. Инструкция Национального банка Республики Беларусь Об организации системы управления рисками в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях, банковских группах и банковских холдингах от 29.10.2012. № 550.
3. Малюгин В.И. Рынок ценных бумаг: количественные методы анализа. М.: Дело, 2003. 320 с.
4. Bollerslev T. General autoregressive conditional heteroskedasticity // Journal of Econometrics. 1986. Vol. 31. P. 518-537.

1. Shapkin A.S. Jekonomicheskie i finansovye riski. Ocenka, upravlenie, portfel investicij. M.: Dashkov i K, 2006. 544 s.
2. Instrukciya Nacionalnogo banka Respubliki Belarus Ob organizatsii sistemy upravleniya riskami v bankah, nebankovskih kreditno-finansovyh organizatsiyah, bankovskih gruppah i bankovskih holdingah ot 29.10.2012. № 550.
3. Maljugin V.I. Rynok cennyh bumag: kolichestvennye metody analiza. M.: Delo, 2003. 320 s.
4. Bollerslev T. General autoregressive conditional heteroskedasticity // Journal of Econometrics. 1986. Vol. 31. P. 518-537.

5. Инструкция о нормативах безопасного функционирования для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, утвержденная постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 137 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2012.

6. Леонович Т.И., Петрушина В.М. Управление рисками в банковской деятельности: учеб. комплекс. Минск: Дикта: Мисанта, 2012. 136 с.

7. Фабоцци Ф. Управление инвестициями. М.: ИНФРА-М. 2000. С. 932.

8. Рэдхэд К., Хьюс С. Управление финансовыми рисками. М.: ИНФРА-М. 1996. С. 288.

9. Бартон Т., Шенкир У., Уокер П. Комплексный подход к риск-менеджменту. М.: Вильямс, 2003. С. 208.

10. Risk Metrics – Technical Document. — Fourth Edition / J.P. Morgan, Reuters. 1996. P. 284.

11. Толочко Ю., Мирончик Н. Валютный риск и оптимальная валютная структура // Банкаўскі веснік. 2002. № 10. С. 25-29.

5. Instrukciya o normativah bezopasnogo funkcionirovaniya dlya bankov i nebankovskih kreditno-finansovyh organizatsij, utverzhdannaya postanovleniem Pravenlija Nacional'nogo banka Respubliki Belarus' ot 28 sentjabrja 2006 g. № 137 // KonsultantPljus: Belarus. Tehnologiya Prof [Elektronnyj resurs] / OOO «JurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2012.

6. Leonovich T.I., Petrushina V.M. Upravlenie riskami v bankovskoj dejatel'nosti: ucheb. kompleks. Minsk: Dikta: Misanta, 2012. 136 s.

7. Fabocci F. Upravlenie investitsiyami. M.: INFRA-M. 2000. S. 932.

8. Rjedhjed K., H'jus S. Upravlenie finansovymi riskami. M.: INFRA-M. 1996. S. 288.

9. Barton T., Shenkir U., Uoker P. Kompleksnyj podhod k risk-menedzhmentu. M.: Vilyams, 2003. S. 208.

10. Risk Metrics – Technical Document. — Fourth Edition / J.P. Morgan, Reuters. 1996. R. 284.

11. Tolochko Ju., Mironchik N. Valyutnyj risk i optimalnaya valjutnaja struktura // Bankovski vestnik. 2002. № 10. S. 25-29.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Веренич Н.К., ст. преподаватель, каф. «Банковское дело», Полесский государственный университет, Республика Беларусь
ver_n@tut.by

N. Verenich, senior teacher, banking department, Polesky State University

Научные интересы: экономика, математика

Scientific interests: economics, mathematics

Сидская О.В., ст. преподаватель, каф. «Высшая математика и информационные технологии», Полесский государственный университет, Республика Беларусь
olgapis@mail.ru

O. Sidskay, senior teacher, mathematics and information technology department, Polesky State University

Научные интересы: экономика, математика

Scientific interests: economics, mathematics

УДК 332.12

*Мальшев Евгений
Анатольевич
Evgeniy Malyshev*

*Сокол-Номоконов
Эдуард Николаевич
Eduard Sokol-Namokonov*

*Афанасьева
Анастасия Валерьевна
Anastasiya Avafanasieva*

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КЛАСТЕРА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

THE FORMATION OF THE AGRICULTURAL CLUSTER AS ONE OF THE DIRECTIONS OF THE WESTERN REGIONS OF ZABAYKALIE DEVELOPMENT

Затронут вопрос влияния формирования сельскохозяйственного кластера на развитие сельских поселений Забайкальского края. Дана структура сельскохозяйственного кластера. В качестве инновационной составляющей рассматривается биоэнергетическая станция. Авторами представлена оценка экономической эффективности создания сельскохозяйственного кластера

***Ключевые слова:** сельскохозяйственный кластер, развитие поселений, территориальное планирование, биоэнергетика, экономическая эффективность*

The article touched upon the issue of the creation of the agricultural cluster on the development of the rural settlements of Zabaikalie. The structure of the agricultural cluster is given. Bioenergy station is considered as an innovative element. The authors presented an assessment of economic effectiveness of agricultural cluster

***Key words:** agriculture cluster, development of settlements, territorial planning, bioenergetics, economic efficiency*

Многие муниципальные образования Забайкальского края в настоящее время столкнулись со сложностями: отсутствием на территории крупных бюджетобразующих предприятий, низким уровнем деловой активности населения, в основном моноотраслевым характером экономики,

что в свою очередь негативно сказывается на социальном развитии территории и качестве жизни населения. Одним из путей решения сложившихся проблем является формирование на территории сельских поселений микрокластеров, в основе которых лежат территориальные ресурсы.

Ресурсы, расположенные на территории любого муниципального образования, создают предпосылки основных направлений его развития. Схема территориального планирования Забайкальского края предполагает кластерный подход развития, включающий в себя три типа кластеров: сельскохозяйственный, лесохозяйственный и туристско-рекреационный. В данном разделе рассмотрены основные этапы и элементы формирования сельскохозяйственного кластера.

В качестве объекта исследования выбраны три сельских поселения Забайкальского края:

- 1) Петровск-Забайкальское;
- 2) Красночикоиское;
- 3) Хилокское.

К основным этапам анализа возможности и эффективности формирования сельскохозяйственного кластера относятся:

- анализ ресурсного потенциала (сельскохозяйственные земли);
- разработка стратегии развития территории;
- оценка направлений развития кластера;
- определение оптимальной структуры кластера и связей внутри него;
- анализ трудовых ресурсов, необходимых для формирования кластера;
- оценка материальной базы, необходимой для реализации проекта;
- анализ эффективности создания кластера.

Существующая в настоящее время система использования сельскохозяйственных земель не является действенной, о чем свидетельствует ежегодное сокращение объемов использования пашни. Кроме того, следует отметить отсутствие системного подхода к использованию земель сельскохозяйственного назначения: отсутствие на территории поселений крупных перерабатывающих предприятий снижает эффективность работы в целом муниципального образования.

С целью увеличения экономического роста, повышения их конкурентоспособности и уровня благосостояния жизни населения авторами предложено создание сельскохозяйственного кластера на территории каждого из указанных сельских поселений.

К основным предпосылкам формирования в Западном районе Забайкальского края сельскохозяйственных кластеров можно отнести следующие:

- наличие земель сельскохозяйственного назначения;
- присутствие предприятий, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции;
- наличие трудовых ресурсов;
- географическая близость: возможность близкого расположения всех основных элементов кластера даст возможность функционировать им как единое целое;
- наличие рынка сбыта продукции;
- возможность в дальнейшем увеличить размер кластера и создание западного сельскохозяйственного кластера.

Рассматриваемый кластер объединит производителей сельскохозяйственной продукции и предприятия по ее переработке. Существует два варианта организаций работы производителей сельскохозяйственной продукции. В первом случае производители объединяются в ассоциацию и функционируют как единое целое. Во втором случае действуют как независимые субъекты. Каждый из вариантов организации имеет свои преимущества: при объединении возрастает стабильность поставок продукции на перерабатывающее предприятие, при независимой работе – повышается уровень конкуренции, что приводит к снижению цен.

В основе построения сельскохозяйственных кластеров лежит теория инновационных циклов [8, С. 99-131], предполагающая рост экономического эффекта от создания кластера при увеличении количества циклов переработки продукции (рис. 1).

Номер уровня	Ресурс	Тип предприятия
1 уровень	Сельскохозяйственные земли	Предприятие по производству сельскохозяйственной продукции
2 уровень	Сельскохозяйственная продукция	Предприятие по переработке сельскохозяйственной продукции
3 уровень	Переработанная сельскохозяйственная продукция	Животноводческая ферма
4 уровень	Продукция животноводческой фермы	Предприятия по переработки животноводческой продукции
5 уровень	Отходы животноводческой фермы	Биоэнергетическая станция

Рис. 1. Уровни использования сельскохозяйственных ресурсов

На первом уровне осуществляется фактическое использование земель сельскохозяйственного назначения: выращивание и последующая реализация сельскохозяйственной продукции. Объем производства определяется исходя их площади сельскохозяйственных земель, номенклатуры продукции и ее урожайности. Все сельскохозяйственные культуры, планируемые к выращиванию в рамках кластера, можно разделить на две группы:

1) злаковые (пшеница, ячмень, рожь, овес);

2) кормовые (свекла, морковь, картофель).

Кроме того, планируется осуществлять сенокос дикоросов.

Номенклатура сформирована на основе главных направлений развития сельского поселения и перечня традиционной для данной территории продукции.

Данный уровень является основой кластера и отправной точкой для развития

других элементов кластера.

На втором уровне предполагается создание предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции.

На третьем уровне планируется использовать продукцию первого и второго уровней в качестве корма на животноводческой ферме.

На четвертом уровне осуществляется переработка продукции животноводства и ее дальнейшая реализация на территории поселения и за ее пределами.

Пятый уровень рассматривается в качестве инновационного и предполагает использование отходов животноводческой фермы в качестве сырья для производства тепловой и электрической энергии, которая в свою очередь будет использоваться в качестве ресурса на предыдущих трех уровнях.

Взаимосвязь между всеми элементами кластера представлена на рис. 2.

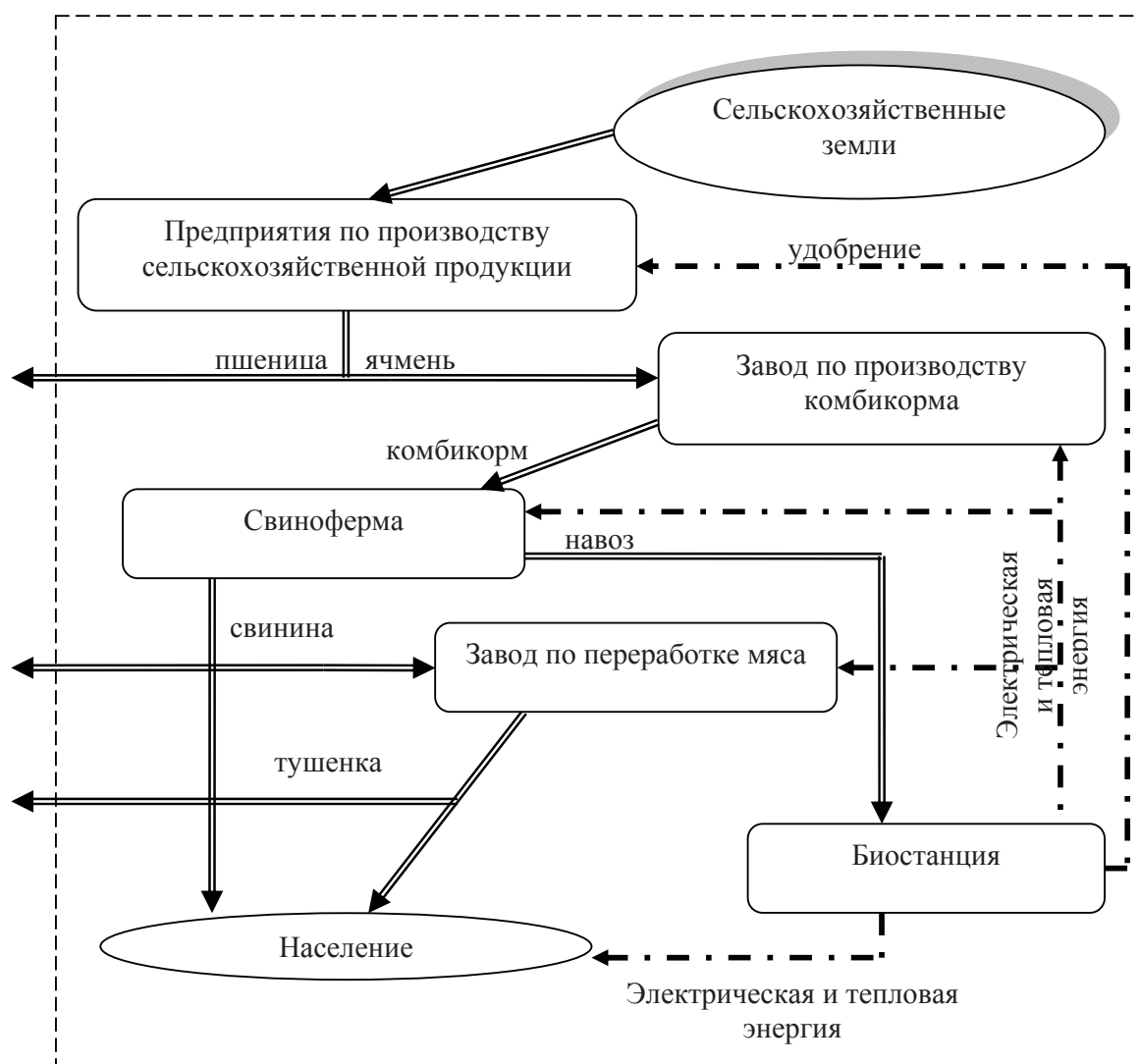

Рис. 2. Схема сельскохозяйственного микрокластера, планируемого к размещению в Хилокском сельском поселении Забайкальского края

Сельскохозяйственный кластер планируется к размещению в Красночико́йском и Петровск-Забайкальском сельских поселениях. Следует отметить, что в каждом сельскохозяйственном кластере, расположенных в вышеуказанных муниципальных образованиях, существуют свои особенности.

В Красночико́йском сельском поселении на втором уровне планируется создание завода по производству сенажа, который будет использоваться в качестве корма на ферме крупного рогатого скота, которая будет являться третьим уровнем инновационного цикла. Четвертый уровень включает в

себя два мини-завода: по переработке мяса и молока.

Второй уровень сельскохозяйственного кластера Петровск-Забайкальского сельского поселения включает завод по производству комбикорма, который будет использоваться на третьем уровне (птицефабрике). Дальнейшая переработка продукции будет осуществляться на четвертом уровне инновационного цикла путем создания заводов по производству яичного порошка и тушенки.

Пятый уровень инновационного цикла является единым для рассматриваемых

сельских поселений – биогазовая станция, которая в качестве топлива использует отходы ферм и птицефабрики.

Путем анаэробного сбраживания в биоэнергетической установке получают биогаз, который в дальнейшем используют как котельное топливо (вместо природного газа) для генерирования тепловой и электрической энергии. Как показала практика, сжигание 1 м³ биогаза обеспечивает возможность получения 2,5...3 кВт·ч электрической энергии и 4...5 кВт тепловой энергии [4, С. 126-133.].

Кроме того, побочным продуктом анаэробного процесса являются удобрения, которые по своим характеристикам значительно превосходят минеральные удобрения, широко используемые в настоящее время.

Внедрение биогазовых установок имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционной выработкой тепловой и электрической энергией. Во-первых, использование вышеуказанной технологии позволяет обеспечить энергоснабжение поселений. Значимость установок повышается в случае применения их для энергоснабжения отдаленных районов, поскольку значительные потери электрической энергии при ее передаче приводят к существенному удорожанию тарифа на электрическую энергию или вообще делают этот процесс экономически нецелесообразным. А выработка тепловой энергии на местных котельных, особенно при отсутствии собственной сырьевой базы, приводит к возрастанию тарифа более чем в пять раз, по сравнению с тарифом в районных центрах. Во-вторых, применение биогазовых установок позволяет улучшить экологическую обстановку в районе: уменьшить выбросы в атмосферу метана, азотистых соединений и углекислого газа, снизить количество сжигаемого угля, сохранить лесные насаждения, уменьшить загрязнение вод и др. [9]

Помимо сказанного использование биогазовых технологий позволяет достичь положительного социального эффекта, который выражается в дополнительных рабочих местах, снижении уровня безработицы

в поселении, росте среднедушевого дохода населения, снижения затрат на коммунальные платежи. Перечисленное в целом свидетельствует о повышении уровня жизни в муниципальном образовании.

Таким образом, оценка эффективности формирования и функционирования сельскохозяйственного кластера осуществляется по ряду показателей, которые можно объединить в три группы (рис. 3).

На основании проведенного анализа было выявлено, что наибольший объем производства приходится на Красночиюкское сельское поселение, поскольку площадь сельскохозяйственных угодий данного поселения в 1,5 раза превышает аналогичный показатель в двух других муниципальных образованиях, что позволяет наращивать масштабы производства и на последующих уровнях инновационного цикла (рис. 4).

Наибольшая доля выручки приходится на четвертый уровень инновационного цикла, обеспечивающий более глубокую переработку продукции и использующий достижения других уровней инновационного цикла.

Суммарная потребность в трудовых ресурсах в рассматриваемых сельских поселениях Западного района Забайкальского края составляет 7 385 чел., при этом 62 % персонала планируется привлечь для работы на предприятиях четвертого уровня, 29 % - для работы на сельскохозяйственных угодьях, на 3 других уровнях – более 9 %.

Средняя заработная плата по каждому муниципальному образованию принята в расчет в размере 15 000 руб/мес. Страховые взносы рассчитаны в соответствии с действующим законодательством в размере 30 % от фонда оплаты труда.

Суммарный социальный эффект комплексного подхода к использованию сельскохозяйственных угодий в Западных районах Забайкальского края составит 1 728 022 тыс. руб., в том числе: фонд оплаты труда – 1 329 248 тыс. руб., страховые взносы – 398 774 тыс. руб.

Помимо затрат на оплату труда и страховых взносов в себестоимости учтены затраты на приобретение сырья и материалов,

эксплуатационные затраты, амортизация, арендные платежи, налоговые платежи, включаемые в себестоимость продукции и прочие виды затрат.

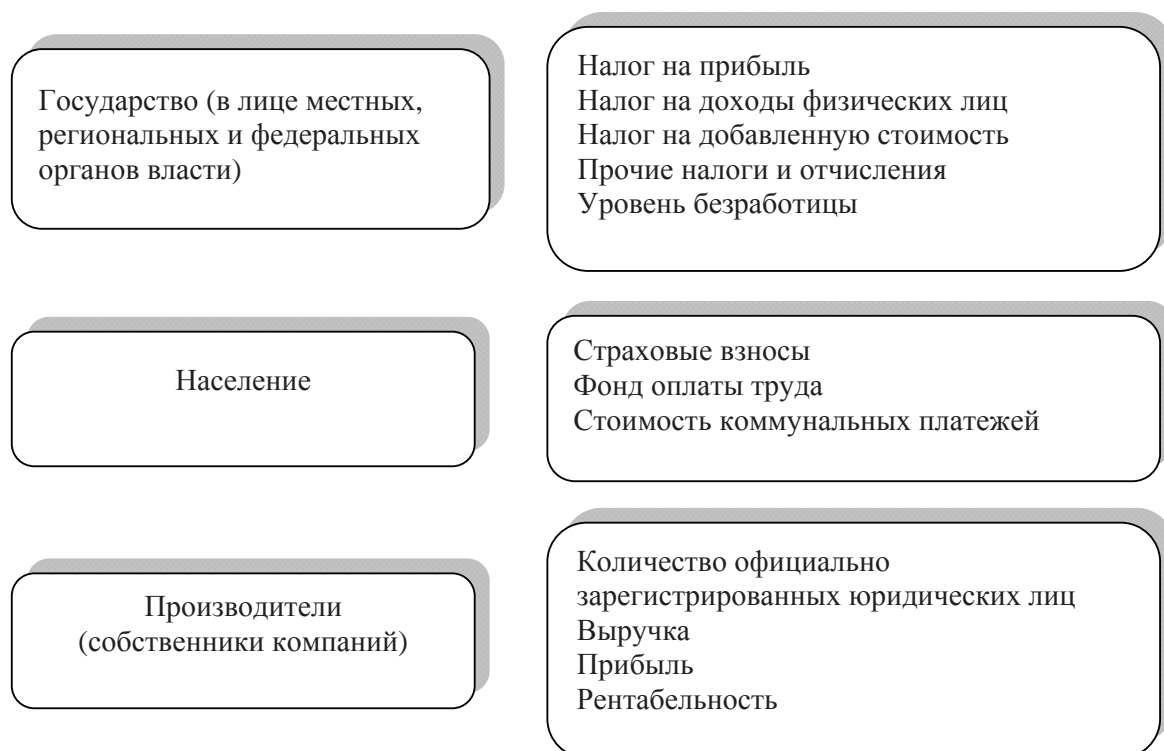

Рис. 3. Показатели оценки эффективности кластера

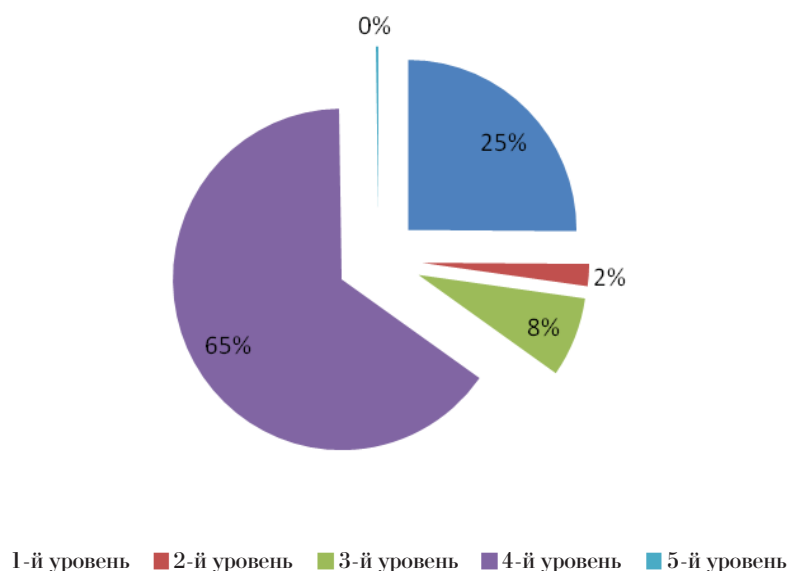

Рис. 4. Структура выручки по уровням инновационного цикла

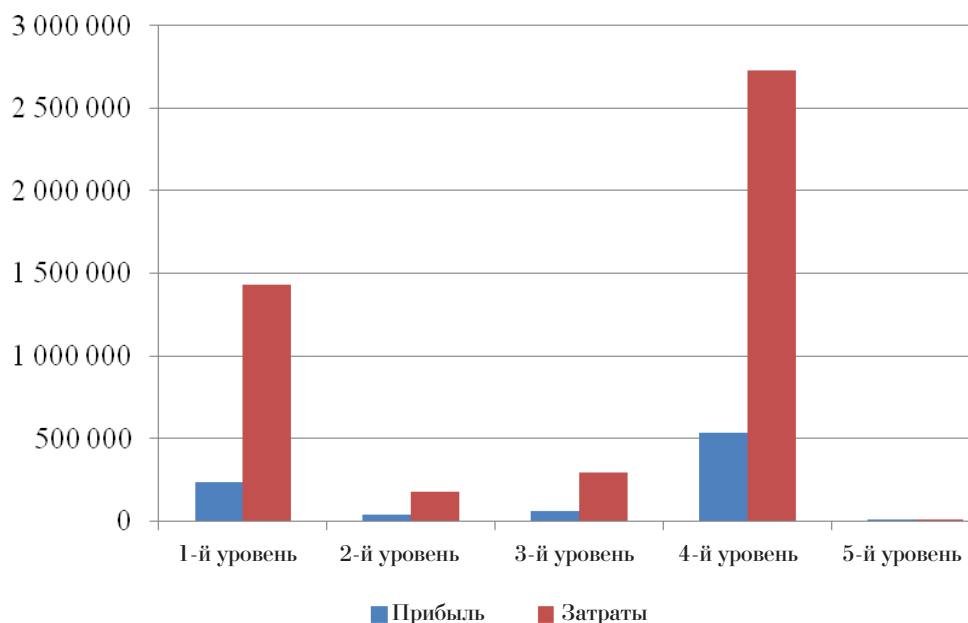

Рис. 5. Соотношение между затратами и прибылью

Рентабельность принята в расчетах в размере 20 % от себестоимости. Суммарный объем прибыли, который можно достичь на всех уровнях, составляет 868 740 тыс. руб., 83 % которой приходится на Красночичокское сельское поселение.

При расчете налоговой нагрузки учтены следующие налоговые платежи:

- налог на добавленную стоимость;
- налог на доходы физических лиц;

– прочие налоговые платежи и сборы.

В статью «Прочие налоговые платежи» включены: налог на прибыль организаций, налог на имущество, водный налог, транспортный налог и другие платежи.

Наибольшую долю в структуре налоговых платежей занимает налог на добавленную стоимость – 70 %, налог на доходы физических лиц и прочие платежи – 14 % и 16 % соответственно.

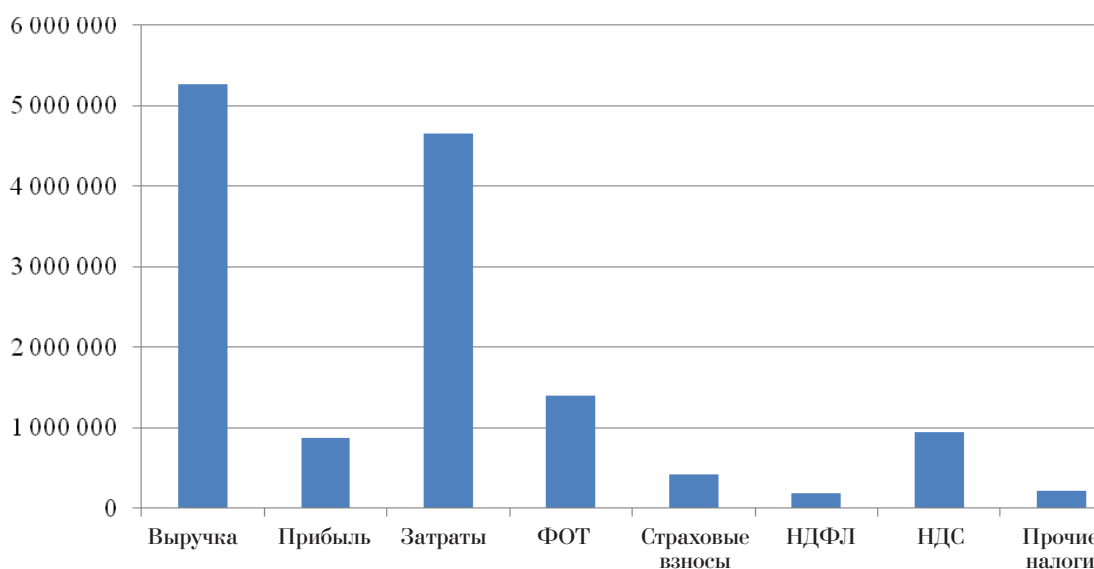

Рис. 6. Итоговые показатели

На основании сказанного можно сделать вывод, что одним из приоритетных направлений развития Западных районов Забайкальского края является формирование на их территории сельскохозяйственно-го кластера с элементами биогазовых тех-

нологий. Это позволит увеличить величину налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и в целом повысить инвестиционную привлекательность территории, что в свою очередь создает предпосылки для дальнейшего развития.

Литература

Bibliography

1. Забайкальский край. Совет муниципального района «Хилокский район». Решение об утверждении схемы территориального планирования муниципального района «Хилокский район» от 21.02.2008 г.
2. Забайкальский край. Совет муниципального района «Петровск-Забайкальский район». Решение об утверждении схемы территориального планирования муниципального района «Петровск-Забайкальский район» от 22.02.2011 № 210.
3. Забайкальский край. Совет муниципального района «Красночикойский район». Решение о утверждении схемы территориального планирования муниципального района «Красночикойский район».
4. Караева Ю.В., Назмеев Ю.Г. Использование биомассы в энергообеспечении агропромышленного комплекса республики Татарстан // Альтернативная энергетика и экология. 2007. № 3.
5. Панцхава Е.С. Биогазовые технологии – радикальное решение проблем экологии, энергетики и агрохимии // Теплоэнергетика. 1994. № 4.
6. Пилипенко И.В. Кластерная политика в России // Общество и экономика. 2007. № 8.
7. Развитие энергетического использования биомассы. Стратегический и законодательный аспекты, Сутягинский М.А., Источник: «Дальневосточный международный экономический форум».
8. Сокол-Номоконов Э.Н. Управление территориальным развитием поселения. Чита, 2010.
9. Тыршу М., Константинов Н., Узун М. Комплексная биоэнергетическая установка // Problemele energeticii regionale. 2008. № 3.
10. Чернова Н.И., Коробкова Т.П., Киселева С.В. Биомасса как источник энергии // Вестник российской академии естественных наук. 2010. № 1.

1. Zabajkalskij kraj. Sovet municipalnogo rajona «Hilokskij rajon». Reshenie o utverzhenii shemy territorialnogo planirovaniya municipalnogo rajona «Hilokskij rajon» ot 21.02.2008 g.
2. Zabajkalskij kraj. Sovet municipalnogo rajona «Petrovsk-Zabajkalskij rajon». Reshenie o utverzhenii shemy territorialnogo planirovaniya municipalnogo rajona «Petrovsk-Zabajkalskij rajon» ot 22.02.2011 № 210.
3. Zabajkalskij kraj. Sovet municipalnogo rajona «Krasnochikojskij rajon». Reshenie o utverzhenii shemy territorialnogo planirovaniya municipalnogo rajona «Krasnochikojskij rajon».
4. Karaeva Ju.V., Nazmееv Ju.G. Ispolzovanie biomassy v jenergoobespechenii agropromyshlennogo kompleksa respubliki Tatarstan // Alternativnaya jenergetika i jekologiya. 2007. № 3.
5. Panchava E.S. Biogazovye tehnologii – radikalnoe reshenie problem jekologii, jenergetiki i agrohimii // Teplojenergetika. 1994. № 4.
6. Pilipenko I.V. Klasternaya politika v Rossii // Obshhestvo i jekonomika. 2007. № 8.
7. Sutyaginskij M.A. Razvitie jenergeticheskogo ispolzovaniya biomassy. Strategicheskij i zakonodatelnyj aspekty // Dalnevostochnyj mezhdunarodnyj jekonomicheskij forum».
8. Sokol-Nomokonov Je.N. Upravlenie territorialnym razvitiem poseleniya. Chita: 2010.
9. Tyrshu M. Konstantinov N., Uzun M. Kompleksnaya biojenergeticheskaya ustanovka // Problemele energeticii regionale. 2008. № 3.
10. Chernova N.I., Korobkova T.P., Kiseleva S.V. Biomassa kak istochnik jenerгии // Vestnik rossijskoj akademii estestvennyh nauk. 2010. № 1.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Мальшев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, Забайкальский государственный университет eamalyshov@mail.ru

E. Malyshev, Doctor of Economic Sciences, associate professor, prorector on research and innovation work, Transbaikal State University

Научные интересы: экономика энергетики

Scientific interests: economy of power engineering

Сокол-Номоконов Э.Н., канд. техн. наук, доцент,
генеральный директор ООО «НИПИТерплан»
nipitp@rambler.ru

E. Sokol-Nomokonov, Candidate of Technical Sci-
ences, associate professor, Transbaikal State University

Научные интересы: региональная экономика,
территориальное планирование

Scientific interests: region economy, spatial planning

Афанасьева А.В., ведущий экономист, филиал
ОАО «МРСК Сибири» – «Читаэнерго»
Avafanasieva84@mail.ru

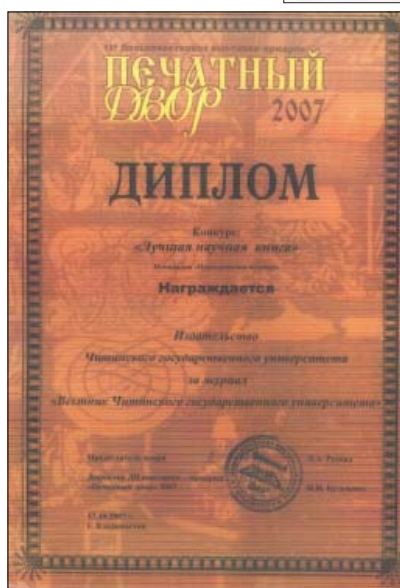
A. Afanasieva, leading economist, branch of PLC
«MRSK Sibiria@» – «Citaenergo»

Научные интересы: экономика энергетика, реги-
ональная экономика

Scientific interests: economy of power engineering,
region economy

Наши награды

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

- Юргенсон Г.А., Мороз П.В., Мороз А.Ю.
Позднемезозойские палеовулканы как фактор местоположения мастерских в палеолите Забайкалья
G. Yurgenson, P. Moroz, A. Moroz
The Late Mesozoic Paleovolcanes as a Factor of Workshops Location in the Paleolithic of Transbaikalie 3

Педагогические науки

- Доржиева Л.Б.
Интеграция школьных детско-взрослых сообществ и школьных СМИ как фактор преобразования детской прессы в социальный институт воспитания и образования
L. Dorzhieva
Integration of School Children-Adults Communities and School Press as a Factor of Transforming Children Press Into Social Institution of Upbringing and Education 16

- Каплина С.Е.
Инновационный контент разработки методики независимой экспертизы новых образовательных программ, включающий оценку программ (модулей) и результатов их освоения обучающимися
S. Kaplina
Innovative Content Development of a Methodology For Independent Expertise New Educational Programs, Including Evaluation of Programmes (Modules) and the Results of Their Students 22

- Каплина С.Е., Серебренникова О.Л.
Педагогические условия профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки
S. Kaplina, O. Serebrennikova
Pedagogic Conditions of Professional and Personal Students' Development With the Help of Original English Song Music..... 30

- Корсаков С.В.
Мониторинг в системе начального и среднего профессионального образования
S. Korsakov
Monitoring in the System of Primary and Average Professional Education 37

- Поздеева С.И., Швецов М.Ю.
Потребность в общении как залог развития коммуникативной компетентности студента
S. Pozdeeva, M. Shvetsov
The Need for Communication, as a Pledge of the Development of Communicative Competence of a Student 47

Социальная медицина

- Михайличенко С.И., Горбунов В.В.
Андрогенный дефицит и жирнокислотный дисбаланс как фактор, увеличивающий сердечно-сосудистый риск у пациентов с алкогольной зависимостью
S. Mikhailichenko, V. Gorbunov
The Androgen Deficiency and Fatty Acid Imbalance as a Factor That Increases Cardiovascular Risk in Patients with Alcohol Dependence 53

- Сафронова Е.С., Юнцев С.В., Белозерцев Ю.А.
Поиск противосудорожных средств с многофакторным нейропротекторным действием для терапии диффузной аксональной травмы мозга
E. Safronova, S. Yuntsev, Y. Belozertsev
Search Antispasms Drugs with Multifaceted Neuroprotectives Properties For Treatment Diffuse Axonal Injury of Brain 59

- Федько И.В., Хвощевская А.А., Камбалина М.Г.
Растения семейства Asteraceae как возможные источники кремния
I. Fedko, A. Khvashevskaya, M. Kambalina
Plants of the Asteraceae as Possible Sources of Silicon 66

Социологические науки

- Романова Н.П., Леконцева К.В.
Философско-социологические подходы к проблеме потребления: современные представления
-
-

N. Romanova, K. Lekontseva
Philosophical and Sociological Approaches to the Problem of Consumption: Modern Ideas..... 70

Сапожникова Т.И., Логинова Е.Н.
Социализация воспитанников детских учреждений: особенности становления сироты как личности
T. Sapozhnikova, E. Loginova
Socialization of Child Care Institutions' Pupils: Peculiarities of Formation of an Orphan as Personality..... 77

Технические науки

Савицкий Л.В.
Способ повышения уровня электробезопасности в трехфазных электрических сетях
напряжением до 1000 В с глухозаземленной нейтралью
L. Savitskiy
Method of Increasing the Level of Electrical Safety in Three-Phase Electric Network With
Voltage Up To 1000 V with Grounded Neutral 84

Физико-математические науки

Попов И.П.
О влиянии инертности частицы на ее волновое представление
I. Popov
The Effect of Particle Inertia on Its Wave Representation 90

Филологические науки

Игнатович Т.Ю.
Современное состояние говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья
T. Ignatovich
Modern State of the Dialects of the North-Russian Origin on the Territory of Eastern Zabaikalye..... 95

Любимова Л.М., Баянова О.В.
Этнолингвистическое описание культурных кодов (на примере обрядового фольклора)
L. Lyubimova, O. Bayanova
Ethnolinguistic Description of the Cultural Codes (on the Example Of Ritual Folklore)..... 105

Философские науки

Ван Кэвэнь, Лига М.Б.
Русская культура Харбина в российских и китайских исследованиях: компаративистский анализ
Van Ceven, M. Liga
Russian Culture of Harbin in Russian and Chinese Researches: Comparative Analysis..... 111

Цзоу Хун
Ритуал (礼, ли) в социокультурном пространстве стран конфуцианского ареала Азиатско-Тихоокеанского региона
Zou Hong
Ritual «Li» in the Social and Cultural Space of the Confucian Area of the Asia-Pacific Region 119

Чжоу Юй, Абрамова Н.А.
Потенциал социокультурного пространства китайского приграничья в соразвитии с Россией
Zhou Yu, N. Abramova
Potential of Chinese Borderland Sociocultural Space in Co-Development with Russia 127

Экономические науки

Веренич Н.К., Сидская О.В.
Основные подходы к анализу валютных рисков
N. Verenich, O. Sidskay
Basic Approaches To the Analysis of Currency Risk 134

Малышев Е.А., Сокол-Номоконов Э.Н. Афанасьева А.В.
Формирование сельскохозяйственного кластера как одно из направлений развития
западных районов Забайкальского края
E. Malyshev, E. Sokol-Namokonov, A. Avafanasieva
The Formation of the Agricultural Cluster as one of the Directions of Development of Western
Regions of Zabaykalya 142

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 04 (95)

2013

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Рыжкова

Технический редактор И.В. Петрова

Подписано в печать 25.04.2013

Сдано в производство 29.04.2013

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,4

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 11,5

Заказ № 30

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

ООП ЗабГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
